ЛИТЕРАТУРА

В.Я. Коровина В.П. Журавлёв В.И. Коровин

Часть 1

8

ПРОСВЕЩЕНИЕ

ФГОС

В.Я. Коровина В.П. Журавлев В.И. Коровин

ЛИТЕРАТУРА

8 КЛАСС

Учебник

для общеобразовательных организаций

В двух частях

Часть 1

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

1-е издание

Москва «Просвещение» 2017

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72
К68

На переплёте — репродукция картины А. К. Саврасова «Вид на Московский Кремль. Весна». 1873

На учебник получены положительные экспертные заключения по результатам научной (заключение РАН № 10106-5215/590 от 14.10.2011 г.), педагогической (заключения РАО № 143 от 29.01.2014 г., № 169 от 05.02.2015 г.) и общественной (заключения РКС № 182 от 07.02.2014 г., № 439 от 01.06.2015 г.) экспертиз.

Коровина В. Я.
К68 Литература. 8 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. — 5-е изд. — М. : Просвещение, 2017. — 320 с. : ил. — ISBN 978-5-09-046560-1.
Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования, «Примерным программам по учебным предметам. Литература. 5—9 классы» и «Рабочим программам. Литература. Предметная линия учебников под редакцией В. Я. Коровиной. 5—9 классы».
УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-046560-1(1)
ISBN 978-5-09-046561-8(общ.)

© Издательство «Просвещение», 2014
© Художественное оформление. Издательство «Просвещение», 2014
Все права защищены

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

Человек с самого детства связан живыми нитями с историческими судьбами страны, где он родился, того общества, которое его воспитывает и которое, в свою очередь, испытывает на себе воздействие мировой истории.

Когда-то история, публицистика и литература были вообще нерасчленимы. Достаточно назвать древние летописные своды, в частности «Повесть временных лет», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище». Это сочинения одновременно и исторические, и литературные, и публицистические.

Примерно с XVIII столетия историческая наука в России выделилась в самостоятельную область знания. Но и в XVIII, и в XIX веках сохраняется её близость к художественной литературе. Ряд историков (М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин) были одновременно и писателями. Некоторые произведения чисто исторического характера (например, «История государства Российского» Н. М. Карамзина) имеют несомненные художественные достоинства.

Одной из характерных черт русской литературы был неизменный интерес её творцов, великих писателей, к историческому прошлому своего народа, своей страны, тесно связанный с их неослабным вниманием к историческим судьбам всего человечества. В этом отчётливо и ярко проявились такие присущие русской литературе качества, как народность и гражданственность. Нельзя правильно отразить жизнь, чувства и мысли народа, не зная пройденного им сложного исторического пути, не осознав всего того, чем он жил, что радовало и печалило его в

печение многих веков, что определило его быт и характер. Обличая в своих произведениях несправедливость современного им общественного строя и стараясь найти пути в будущее, передовые деятели русской литературы не могли не обратить внимание на прошлое своего Отечества. Для них это было и выполнением гражданского долга, и проявлением национального самосознания, и, наконец, выражением органичной потребности обогатиться мыслями, образами, бытовыми красками, богатствами народного языка — всем многообразием национальной культуры, складывавшейся веками.

К вопросам истории писатели подходили по-разному. Некоторые из них, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, выступают в отдельных своих произведениях (труды Пушкина о Петре I, о Пугачёве) даже как историки-профессионалы и тем самым становятся в ряд тех, кто внёс непосредственный вклад в развитие исторической науки в России. Но и те из писателей, кто не ставил перед собой чисто исследовательских задач в области исторической науки своего времени, например И. С. Тургенев, оставили в своих заметках, дневниках, письмах оригинальные мысли об историческом прошлом.

Наконец, всему творчеству классиков русской литературы присущ историзм. Это значит, что даже в художественных произведениях, повествующих о современной писателю действительности, события и герои произведений предстают на фоне большого исторического полотна. Кроме того, большинство русских писателей интересовались проблемами не только русской, но и всемирной истории. Многие из них (И. С. Тургенев, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев) подолгу жили за границей, были свидетелями важнейших событий современной им европейской жизни (Франко-прусская война 1870—1871 годов, Парижская коммуна и др.). Эти события наводили писателей на размышления о прошлом и грядущем судеб человечества. И. С. Тургенев сыграл большую роль в развитии культурных связей между Россией и странами Запада, содействуя распространению достижений русской исторической науки за границей.

Классики русской литературы XIX века А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой и русские писатели XX века, представляющие собой гордость русской литературы, связаны своим творчеством с самыми значительными страницами русской истории.

Л. В. Черепнин

Проверьте себя

1. В каком столетии историческая наука в России выделилась в самостоятельную отрасль знания?
2. С какими выдающимися деятелями русской истории вы встречались в литературных художественных произведениях, изученных в школе или прочитанных самостоятельно?
3. Какие важные исторические события были воспроизведены писателями в литературных произведениях, прочитанных вами? Назовите эти произведения и их авторов.

Обогащаем свою речь

Подготовьте пересказ вступительной статьи, сопровождая его примерами из прочитанных вами произведений, используя слова и словосочетания: *судьба страны, общество, публицистика, летописный свод, несомненные художественные достоинства, эпопея, историческая судьба, жизнь героя, национальное самосознание, достижения науки, гордость русской литературы, увлекательные страницы русской истории, общественная жизнь, большое историческое событие*.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Несказанно прекрасен мир народной песни. Песни разнообразны, как труд людей, их обычаи и обряды. Бытовые песни можно разделить на несколько групп. Обширна группа *календарных песен* — их пели в определённые дни года, по праздникам. Календарная песня — это песня, исполнение которой в другое время, вне праздничного обычая, было бы лишено всякого смысла.

Новый год встречали в надежде на доброе житьё. Всюду по деревням и городам на так называемых Святках из дома в дом ходили подростки и величали хозяев; величальные песни на юге называли к о л я д о й, около Москвы, Владимира и Рязани — о в с е н е м, на севере — в и н о г р а д ь е м. Темы, смысл и образы их, однако, были одни и те же. Обычай обязывал угощать певцов. Чем щедрее было подарение — кусок пирога, голова, ломоть хлеба, денежка, тем более казалось исполнение доброго пожелания. Хозяева дома и певцы вступали в обрядовую игру.

Название «коляда» возникло из названия первых дней каждого месяца в римском календаре — «календы». Календарь римлян был перенят в давние-давние времена славянами.

Весну закликали песнями-в е с н я н к а м и, в майские дни чествовали деревья и цветы. С календарными песнями по-своему связаны хороводные, игровые, плясовые песни.

Обширны группы песен, не связанных ни с обрядами, ни с пляской, — это *лирические песни*, медленные, протяжные, песни-раздумья, песни-сетования.

Любовная песня не единственный вид народной лирики. Не менее обширна группа *семейных песен*: в них выражалась печаль домашних неурядиц. Перед нами встают картины стародавнего житья-бытья. В особенности горьки песни о вдовьей и сиротской жизни.

Как ни тяжела была жизнь народа, неистребимой оставалась шутка. *Шуточная песня* — особая группа лирических песен. На-

роса; трунили над незадачливыми женихами, спесивыми невестами, неумелыми стряпухами. А. С. Пушкин упомянул об одной такой песне в стихотворении «Зимний вечер»:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...

От лирических песен отличаются свадебные обрядовые песни, предназначенные для исполнения на свадьбе. Пение этих песен предусмотрено самим обрядом. Эти песни были пленительной поэзией, которая украшала свадьбу, делала её памятным

1. Песня «Ах, барыня, барыня...». *Гравюра на меди.* 1817
2. Песня «Во пиру...». *Раскрашенная литография.* 1889

событием в жизни человека. На свадьбе звучали причитания невесты.

Причитания-плачи звучали и на похоронах, при отъезде в дальнюю дорогу, на похоронные плачи были похожи причитания по рекруту-новобранцу.

Во второй половине XIX столетия в народе появились частушки. Среди частушек были лирические попевки:

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветёт,
Лучше нету той минуты,
Когда миленький придёт.

Особое место в народной песне занимает песня историческая, которая говорит о действительно живших людях, чем-то заслуживших известность, прославившихся, а также о реальных событиях.

В исторических песнях поётся о том, как Иван IV завоевал Казань, как Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский во главе ополчения пришли спасать Москву от захватчиков, как Степан Разин бороздил Волгу на своих стругах, как в Полтавском бою солдаты Петра одержали победу над шведами, как Пугачёв пригрозил графу Панину, как Суворов велел армии переплыть море, как Кутузов вступился за честь России.

Минувшая история проходит в народных песнях такой, какой её пережил народ, как он понял её.

В. Аникин

Хороводные и лирические песни

* * *

В тёмном лесе, в тёмном лесе,
В тёмном лесе, в тёмном лесе,
За лесью, за лесью,
Распашу ль я, распашу ль я,
Распашу ль я, распашу ль я
Пашенку, пашенку,
Я посею, я посею,
Я посею, я посею
Лён-конопель, лён-конопель,
Тонок, долог, тонок, долог,
Тонок, долог, тонок, долог.

Бел-волокнист, бел-волокнист.
Как повадился, как повадился,
Как повадился, как повадился
Вор-воробей, вор-воробей
В мою конопельку, в мою конопельку,
В мою конопельку, в мою конопельку
Летати, летати,
Мою конопельку, мою зелененьку,
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати, клевати.
Уж я ж его, уж я ж его,
Уж я ж его, уж я ж его,
Его изловлю, его изловлю,
Крылья-перья, крылья-перья,
Крылья-перья, крылья-перья
Ему ощиплю, ему ощиплю.
Он не будет, он не станет,
Позабудет, перестанет
Летати, летати,
Мою конопельку, мою зелененьку,
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати, клевати.

* * *

Уж ты, ночка, ты, ноченька тёмная,
Ты, тёмная ночка, осенняя!
Нет у ноченьки светлого месяца,
Светлого месяца, ни частых звёздочек!
Нет у девицы родного батюшки,
Нет ни батюшки, нет ни матушки,
Нет ни братца, ни родной сестры,
Нет ни роду, нет ни племени!
Уж как был-то у ней мил-сердечный друг,
Да и тот теперь далеко живёт...

* * *

Вдоль по улице метелица метёт;
За метелицей мой миленький идёт.
— Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!
На твою ли на прекрасну красоту,
На твоё ли да на белое лицо.

Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!
Красота твоя с ума меня свела,
Сокрушила добра молодца меня.
Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Хороводные и лирические песни

«Зацветала у лози лоза»

Зацветала у лози лоза,
Зацветала у лози лоза,
Голубые у Маши глаза,
Голубые у Маши глаза,
Голубые у Маши глаза,
На свет белый они не глядят,
На свет белый они не глядят,
На свет белый они не глядят,
Про любовность они говорят,
Про любовность они говорят,
Про любовность они говорят:
— Я любила, братцы, одного,
Я любила, братцы, одного,
Я любила, братцы, одного,
Я страдала да за него,
Я страдала да за него,
Я страдала да за него,
Слёзно плакала, братцы, по нём.

«И туда — гора, и сюда — гора»

И туда — гора, и сюда — гора,
Между теми крутыми горами
Восходила заря,
Между теми крутыми горами
Восходила заря,
А то не заря не вечерняя,

А то ж моя молода дивчина
По воду пошла.
А то ж моя молода дивчина
По воду пошла.
По воду пошла, встрела казака,
С ним стояла, речи проговорила,
Ласкова была.
С ним стояла, речи проговаривала,
Ласкова была.
Дивчина моя, напои коня
Из той новой рубленной криницы
С нового ведра.
Из той новой рубленной криницы
С нового ведра.

1. Подумайте, к каким видам (обрядовым, хороводным, лирическим, историческим) относится каждая из этих песен.
2. Как вы думаете, почему в хороводной песне «И туда — гора, и сюда — гора» звучит сочетание сольного пения с хоровым многоголосием?
3. Песня «И туда — гора, и сюда — гора» записана фольклористами в Белгородской области. Какие особенности южнорусского говора (прежде всего в лексике) вы услышали в этой песне?
4. Как вы считаете, в каких песнях, хороводных или исторических, более чётко доносится до слушателя текст, слова песни? Почему?

Исторические песни

Исторические песни — песни, в которых рассказывается об определённых исторических событиях и конкретных исторических лицах. По форме старые исторические песни близки к лирическим крестьянским; в них часто встречаются образы лирических песен — удалой добрый молодец, солдатушки, общие для народной песни эпитеты, сравнения, зачины.

Пугачёв в темнице

Ты, звезда ли моя, звёздочка,
Высоко ты, звёздочка, восходила;
Выше леса тёмного,
Выше садика зелёного.
Становилась ты звёздочка
Над воротами растворчатыми.

Как во темнице, во тюремнице
Сидел добрый молодец,
Добрый молодец Емельян Пугачёв.
Он по темнице похаживает,
Кандалами побрякивает:
«Кандалы мои, кандалушки,
Кандалы мои тяжёлые!
По кою вы, кандалушки, доставалися?
Доставалися мне кандалушки,
Доставалися мне тяжёлые
Не за татеньки, не за мошеньки —
За походы удалые, за житьё свободное».

Пугачёв казнён

Нет больше народного заступника,
Емельян, ты, наш родный батюшка!
На кого ты нас покинул?
Красное солнышко закатилось...
Как остались мы, сироты горемычные,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

«Там татары шли»

Там татары шли, они кошару жгли,
Они кошару жгли, кашу варили,
Кашу варили, сварившая кашу, семейку делили.
Доставалася сестра брату, тёща зятю.
Как брат сестру на Руси отпустил. А зять тёщу у полон у взял.
Он гнал её и босою, и голою, но помаленьку.
Пригнал её у дом у свой.
Приказал он ей три дела делать: он глазами гусей стеречь,
а ручками белу кудельку прясть.
А ножками дитя качать.
Она стала дитя прибаюкивать: — Ты усни, мой дитятко.
Ты по батюшке татарский сын, а по матушке мой унучек.

А служаночки по сенюшкам похаживали, они
бабушкины прибауточки послушивали.
И пошли ж они до барыни, до сударыни:
— Да барыня, ты сударыня, да идучи-ты, послушайте
Да ты бабушкины прибауточки.
Как пошла наша барыня, послушала — белы ручушки
сплеснулися,
Сами дверушки отворилися. — Да ты, матушка, ты родимая,
Да бросай же ты всю работушку.

«Про Пугача»

Нас пугали Пугачом, да,
Он кормил нас калачом, да,
Он кормил нас калачом,
Командир давал с плеча, да,
Пугач дал нам калача, да,
Пугач дал нам калача.

1. «Там татары шли» — одна из нескольких песен, передающих фольклорный сюжет «Тёща в полоне (плену) у зятя». Как вы думаете, почему этот драматический сюжет сохранила народная память?
2. Как художественные средства песни (и словесные, и музыкальные) передают драматизм отношений двух народов, их кровную историческую связь?
3. Какие особенности жанра баллады вы можете отметить в песне «Там татары шли»?
4. Сравните исполнение этих песен с исполнением народной песни хором имени Пятницкого. В чём сходство и в чём различие? Как вы думаете, почему фольклорный ансамбль исполняет протяжные свои песни без музыкального сопровождения?

ЧАСТУШКИ

Народные частушки — небольшие лирические песни, обычно имеющие форму четырёхстрочного рифмованного куплета.

Частушки — поздний жанр по времени своего происхождения. Первые упоминания о частушках относятся к 60-м годам XIX века.

Частушки как художественный материал использовались М. Горьким, В. Маяковским, А. Твардовским и другими писателями и поэтами.

Среди художественных особенностей частушек фольклористы отмечают параллелизм (чаще всего параллельное изображение явлений природы и состояний человека, его переживаний), например:

Снежки белы, снежки белы
Были да растаяли,
Любили меня, девчонку,
Любили да оставили.

Иногда в частушках встречается сравнение:

Не давай мне, мама, воли,
Улечу, как пташка, в поле...

Чаще в частушках встречаются эпитеты, уменьшительные суффиксы (девонька, лесок, колечко, аленький цветочек). Частушки богаты различными повторами, служащими для эмоциональной выразительности. В частушках постоянно присутствует рифма. Исполнялись частушки двумя девушками или парнем и девушкой, иногда под гармонику или другие инструменты, иногда безо всякого музыкального сопровождения.

* * *

Под твою, милый, игру
Песни не напеться,
На тебя, хороший мой,
Век не наглядеться.

* * *

Моё сердце взволновалось,
Как на Волхове вода.
Вода на время устоится —
Моё сердце никогда.

* * *

Проводила я забаву
За литой чугунный мост.
От росы ли тропка сырела,
От моих ли горьких слёз?!

* * *

Я вечор, вечор, вечор
Простояла у ветлы,
Я ветелочки рвала —
Сказали, милого ждала.

Размышляем о прочитанном

1. Расскажите о народных песнях. Какие существуют группы народных песен? Что вам известно об обрядовом фольклоре? Какие народные песни вы знаете и какие из них вам нравятся?
2. Каковы особенности лирических, исторических песен? Какие настроения передаёт каждая из них и какие чувства сообщает слушателям?
3. В чём сходство и различие народных исторических песен и былин?

4. Расскажите о своеобразии жанра частушек. Как они исполняются? Какие музыкальные инструменты сопровождают народные песни и частушки? Умеете ли вы исполнять частушки? Как в частушках отражается время?
5. Какую роль в народной песне играют повторы отдельных слов и целых строк? Приведите примеры таких повторов.
6. Какое отношение народа к Пугачёву передают исторические песни? Чего в них больше — уважения, жалости, сострадания, осуждения? Какие художественные выразительные средства помогают народным певцам сообщить эти чувства слушателям?

Обогащаем свою речь

1. Какие чувства привносят в народные песни слова: *деревенечку, колокольцу, ноченька, зелёхонько, сердечный, родимый, маменька*?
2. Что подчёркивается в народной исторической песне словами: *добрый молодец, господа судьи, жёлтый бубенчик, каурый жеребчик, родимый батюшка, красно солнышко*?
3. Есть ли какая-то связь слова *частушка* со словами *часто, частить*?

Творческое задание

1. Подготовьте одну из народных песен к исполнению или речитативному проговариванию.
2. Подготовьте собственный текст частушки на школьную тему или исполнение одной из частушек (конкурс исполнителей).

ПРЕДАНИЯ

Прочитайте предания, связанные с Пугачёвым и донским казаком Ермаком. Вспомним, что предания отражают события давно минувших лет и восприятие их современниками.

О Пугачёве

Пугачёв-то был-то был, да под именем Петра III, Пётр Фёдорович. Он только назывался Пугачёвым. В конце-то концов он здесь появился из нашего хуторка, здесь формировал армию.

Он сдружился не то с итальянской барышней, не то с княгиней. Она заняла его престол, а его сдвинула и дала известие поймать его и доставить живым. Его поймали.

Вывод полковников, не полковников, а оборотней казаков устроили выпивку. А Пугачёв и жену с собой взял. Ну вот, обратился Пугачёв к казаку и выпросил чарку водки. А главный-то говорит:

— Ему и воды много.

А казак попросил:

— Я ему свой пай отдам.

Когда туда доставили Екатерине Пугачёва, сказали, мол: «Привели». Вышла она, посмотрела и говорит:

— Ну что, набегался?

— Ну да, — говорит.

Сошла она с престола и отдала ему престол. Этого казака, что водку ему давал, полковником сделали, а полковнику голову велела отрубить.

А у Петра уже ребёнок народился. Жену он отправил в монастырь, а сам на престоле остался. Это всё точно было.

О покорении Сибири Ермаком

Услыхал царь Иван, что за Уралом лежит земля богаче той, которая ему подвластна. Знал он, что ту землю Сибирью зовут, много в ней всякого добра таится, да только далеко она от его царства. Много ночей и дней не спал царь Иван, всё думу думал: как это царство хана покорить, а его землю к своему царству присоединить? Думал, думал Иван, но ничего придумать не мог, не было у него той силы, которая бы покорила Кучумово царство. Занемог царь и слёг в постель. Приспешники его, бояре, запечалились, боялись, как бы им без царя-правителя не остаться, что же они тогда делать будут. Подошли они к его постели и спрашивают:

— Отчего же ты, царь-батюшка, занемог, какая дума тяжёлая на сердце твоём лежит?

Царь закрыл глаза и подумал, сказать ли им про свою думу или нет? Он знал, что бояре в деле ему не помогут, что потрясут они бородами да кафтанами, повздыхают, на том их совет и кончится. Так оно и получилось. Ушли бояре к себе восвояси. Подходит к царю один его бедный слуга из крестьян и спрашивает:

— Отчего на тебя, царь-батюшка, хвороба навалилась?

— Неможется, — ответил царь.
— Может, помогу я тебе?
— Бояре были — не помогли, а тебе и Бог не велел. Ты скажи-ка лучше, кто есть в моём царстве храбрый да удалый, кто смерти не боится, кого молния не ударит и гром не оглушит?
Подумал слуга и говорит:
— Найдётся в твоём царстве такой человек, слыхал я про него с малых лет, зовут его Ермак Тимофеевич, удалый казак донской, службу верную, царь-батюшка, он тебе сослужит.
— Да и то верно, слыхал про него я, да только где он теперь есть, неведомо, как в поле ветер, гуляет, где ночь проводит, где день просиживает.
Встал Иван-царь с постели, позвал к себе слуг верных и отправил их на Дон казака Ермака Тимофеевича искать. Объездили слуги весь Дон, всех конных и пеших пересчитали, все знают удалого казака Ермака, но никто не знает, где он теперь гуляет. Вернулись слуги через год и сказали царю:
— Всех птиц по Дону повидали, всех баб и мужиков пересчитали, а казака Ермака Тимофеевича нету.
Выгнал царь своих слуг из палат царских и позвал к себе верного слугу-крестьянина.
— Разыщи ты мне Ермака, службу верную сослужи, тогда ты у меня будешь слугой над всеми слугами, а бояре тебе в пояс будут кланяться.
— Ничего мне, царь-батюшка, от тебя не надо, я службу верную для Руси святой сослужу.
Надавал царь Иван мужику разные доспехи, из своей конюшни велел ему коня вывести, благословил его своей рукой и в добрый путь отправил. Только выехал мужик за Москву, снял с себя все доспехи, облачился в крестьянскую одёжку и пошёл пешочком с посохом по дороге, куда глаза глядят. Долго шёл мужик по дороге против солнца, борода по колено выросла, а про Ермака ни слуху ни духу. Не печалился мужик, идёт себе потихоньку и идёт. Не заметил он, как дошёл до крутых гор. Осмотрелся и видит — навстречу ему идёт такой же странник, как и он. Встретились, остановились и завели разговор. Долго ли разговор шёл, но только мужик узнал от странника, что Ермак бродит по Уралу.

«Покорение Сибири Ермаком». Художник В. Суриков

Исходил мужик реки и горы Урала вдоль и поперёк. Наконец ему удалось напасть на след атамана. Вскоре он нашёл семью Ермака и передал ему просьбу царя Ивана. Ермак Тимофеевич явился к царю без поклона, в шапке. Царь посмотрел на атамана и говорит:

— Слыхал я про тебя разные вести, не носить бы тебе головы на плечах, да царь милостив. Искупи свою вину, сослужи мне службу добрую. За Уралом неоглядная земля лежит, на земле той богатства несметные, ты пройди ту землю, изгони хана Кучума, а людей его под власть Руси подведи.

Ермак Тимофеевич не стал перечить царю, вышел из царских палат, попросил есть-пить и пошёл к своим казакам на Урал. Пришёл. Рассказал обо всём своим удалым молодцам, и начали они собираться в поход, в чужую землю, куда русская душа не хаживала.

Летом в тот же год Ермак Тимофеевич дошёл до Тобола, там построил лодки и добрался до Иртыша. Здесь он встречался с людьми из Кучумова царства. Долго бился Ермак с Кучумовыми людьми, пока они не попробовали казацкую силу и пока их много не полегло. Казаков погибло тоже немало, но Ермак всё же одолел сибирского хана и привёл его людей под власть русского царя. Самого страшного — Кучума — Ермак Тимофеевич хотел доставить в Москву, но он несколько раз обманывал ата-

мало, и за это его казаки убили. Когда Кучумовы люди покорились Ермаку, казаки ему сказали:

— Покойся, наш атаман, и скажи, что теперь русские могут жить в Сибири, да и Кучумовым людям с нами легче будет. Царь их был злой, как волк, и жадный, как лис.

Ермак Тимофеевич не поехал в Москву, а послал туда своего верного казака. Узнал царь Иван, что в Сибирь ворота открыты, и стал посылать в неё разных людей, кого по доброй воле, а кого так, силком. Вот и появились русские на сибирской земле и посейчас живут, и добра в ней всем хватит. Потому мы и про Ермака Тимофеевича помним, и про его удалых казаков.

Размышляем о прочитанном

1. Какой из текстов преданий вам показался более интересным? Почему? Каким народ представляет себе Пугачёва и Ермака?
2*. Что в прочитанных преданиях можно считать отголосками реальных исторических событий, а что — народной фантазией?
3. Уверены ли рассказчики, что говорят правду? Подтвердите свой ответ цитатами из текста преданий.

Обогащаем свою речь

1. Подготовьте пересказ предания «О покорении Сибири Ермаком», включив характерную для этого предания лексику, например: *много в ней всякого добра водится, зверьём, соболями, лисицами; вели разговор, богатство несметное, несказанная земля лежит, гордая сибирская земля* и т. д.
2*. В чём сходство и различия преданий и народных сказок? Покажите это на примерах в процессе пересказа преданий. Объясните слова и введите их в свои рассказы о преданиях: *в каком-то месте, убогий, станут, начали покорять Ермака, боль велика, пошли, челобитчиком, посулы, кормил, злой.*

Литература и другие виды искусства

1. Так ли вы представляли себе эпизод покорения Сибири, как его изобразил художник В. Суриков на картине «Покорение Сибири Ермаком»?

Звёздочкой отмечены вопросы и задания повышенной сложности.

2. Найдите в альбомах или в ресурсах Интернета цветную репродукцию картины В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Подготовьте устное описание изображённого на картине. Расскажите о своём впечатлении от картины, как оно создаётся? Охарактеризуйте образы Ермака и его сподвижников.

Проект

Подготовьте конкурс на темы «Русские народные песни», «Предания» (по выбору). Напишите сценарий конкурса (устные сообщения о песнях, преданиях, подбор текстов фольклорных произведений, аудиозаписи песен или преданий). Определите жюри, рецензентов. Подготовьте награды для победителей и участников конкурсов. Используйте при подготовке материалы книги «Читаем, думаем, спорим...» для 8 класса и фонохрестоматии.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Предание «О покорении Сибири Ермаком»

С преданиями вы давно знакомы. В седьмом классе вы слушали предание «Пётр и плотник» в исполнении Анатолия Вологдина. В этом году вы прочитали два предания: «О Пугачёве» и «О покорении Сибири Ермаком».

1. Какие впечатления оставила у вас увертюра Н. А. Римского-Корсакова?
2. Известно, что предания отражают события давно минувших лет. О каких событиях рассказывается в этом предании? Какие чувства проявились при прослушивании — торжественность, печаль? Что особенно понравилось вам в исполнении Леонида Кулагина?
3. Какие фрагменты предания вы прочитали бы иначе? Почему?
4. Какими представляются вам герои предания?
5. Подготовьте выразительное чтение текста.

Каждая победа русских воинов в тяжкие годы привлекала к себе восхищённое внимание современников. Был провозглашён святым Новгородский, а затем и великий Владимирский князь Александр Ярославич, одержавший две славные победы на западных рубежах Новгородской земли. «Повесть о житии Александра Невского», строго говоря, лишь отдалённо напоминает традиционное житие святого: на первый план в ней выступают воинские подвиги, а не христианские добродетели князя, хотя он предстаёт перед читателем как благородный христианин, с горячими молитвами обращавшийся к Богу, хотя на помощь ему и его воинам приходят небесные силы, предводительствуемые святыми воителями, князьями Борисом и Глебом. Особенно подробно описано в «Повести...» сражение на Ижоре, притоке Невы; в память об этой победе над шведами Александр и получил почётное прозвание Невский.

Главное новшество литературы XVII века состоит в том, что она отказывается от стремления изображать только действительно бывшее и всё чаще обращается к художественному литературному вымыслу.

Героями литературных произведений становятся теперь не только князья и бояре, но и простые люди: купеческий сын, крестьянин из «Повести о Шемякином суде» и т. д. «Повесть о Шемякином суде» — это не только сатира на судебные порядки (судья Шемяка судит в пользу обвиняемого, надеясь на взятку), но прежде всего это рассказ о злоключениях неудачника: ведь все свои «преступления» убогий совершает невольно, по недоразумению. Приговоры судьи — зеркальное отражение самих проступков: так, судья предлагает богачу, чью лошадь убогий вернул без хвоста, снова отдать виновнику лошадь, и пусть он владеет ею до тех пор, пока хвост снова не отрастёт. Бессмысленность и комичность приговора очевидна. Но читатель при этом замечал, что решения Шемяки вполне соответствовали тогдашним законам, по которым за убийство убивали, за поджог сжигали, за чеканку фальшивой монеты заливали в горло расплавленный свинец, т. е. наказание как бы соответствовало самому преступлению.

О. В. Творогов

Проверьте себя

1. Что вы помните из древнерусской литературы по предыдущим классам? Какие произведения запомнились? Расскажите об одном из них. Почему именно это произведение вам запомнилось?
2. Какие темы привлекали внимание авторов древнерусской литературы?
3*. В чём своеобразие русской литературы XVII века?

Повесть о житии и о храбрости благородного и великого князя Александра Невского[1]

«Повесть о житии... Александра Невского» была написана, как считают учёные, вскоре после смерти великого князя, в 80-х годах XIII века, книжником монастыря Рождества Богородицы во Владимире. Здесь было погребено тело князя, здесь же в конце XIII века началось его почитание как святого. Автор жития называет себя современником князя, «самовидцем», свидетелем его жизни; по своим воспоминаниям и рассказам соратников Александра он и создаёт его жизнеописание.

Автор «Повести о житии... Александра Невского» был человеком широко начитанным и писал в соответствии с лучшими образцами мировой литературы... Он последовательно рассказывает о трёх подвигах Александра: о битве на Неве, о Ледовом побоище и о поездке в Орду. Два первых подвига — бранные, последний — подвиг самопожертвования. Александр поехал к хану отмолить людей от беды, чтобы татары не заставляли русских людей нести воинскую службу. Существует предположение, что смерть Александра на обратном пути из Орды вызвана тем, что он был отравлен в ханской ставке...

«Повести о житии... Александра Невского» подражали, её цитировали, ей следовали как литературному образцу. Она оставила заметный след в развитии древнерусской литературы, её влияние сказывается во многих других княжеских житиях и воинских повестях.

---

[1] В рукописях житие Александра Невского не имеет устойчивого заглавия и называется: «Повесть о житии и о храбрости...», «Слово о великом князе...», «Житие благоверного великого князя...».

«Александр Невский». Центральная часть триптиха «Александр Невский».
Художник П. Корин

Я, ничтожный, многогрешный и неразумный, решаюсь писать житие святого князя Александра[1], сына Ярославова, внука Всеволода. Слышал я о нём от отцов своих и был самовидец возраста его, потому и рад поведать о честной и славной жизни его.

[1] Александр Невский (1220—1263) — русский князь, Новгородский, затем Владимирский.

Сей князь Александр родился от князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Рост его был больше других людей, а голос его как труба в народе, лицо же его как лицо Иосифа[1], которого поставил египетский царь вторым царём в Египте. Сила же его была частью силы Самсона. И дал ему Бог премудрость Соломонову, а храбрость царя римского Веспасиана[2], который пленил всю землю Иудейскую. Так и князь Александр побеждал, но был непобедим.

Потому и пришёл из западных стран некий знатный человек по имени Андреяш[3], из тех, что называют себя слугами Божьими. Он желал увидеть дивную силу князя Александра. Увидев его, он возвратился к своим и сказал:

— Я прошёл многие страны и народы, но не видел такого ни в царях, ни в князьях князя.

И услышал король полуночной части Римской страны[4] о таком мужестве князя Александра и подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову».

И собрал король силу великую[5], наполнил множество кораблей полками своими и двинулся в силе тяжкой, пыхая духом ратным. И когда он пришёл в Неву, шатаясь от безумия, послал он, возгордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря:

— Я уже здесь, пленю землю твою. Можешь ли противиться мне?

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем и вошёл в церковь Святой Софии, и пал на колени перед алтарём, и начал молиться со слезами:

— Боже великий и крепкий, основавший землю и положивший пределы народам и повелевший им жить, не преступая в чужую часть! Рассуди меня, Господи, с обидящими меня, побори борющихся со мною, возьми оружие и щит, стань в помощь мне!

---

[1] *Иосиф* — герой Библии, за красоту его прозвали Прекрасным. Братья из зависти продали его в рабство в Египет, где фараон, поражённый его мудростью, назначил его вторым царём.

[2] *Веспасиан* — главнокомандующий римскими войсками в Иудейскую войну, когда был взят и разрушен Иерусалим.

[3] *Андреяш* — магистр Ливонского ордена. Орден учреждён в 1237 году для покорения Прибалтики, объединившийся после [illegible].

[4] Римской страной называлась вся земля католического Запада.

[5] Во главе шведского войска стояли ярлы Биргер и Ульф Фаси.

Окончив молитву, Александр встал и поклонился архиепископу. Архиепископ же благословил его и отпустил. Он же вышел из церкви, утёр слёзы и начал укреплять дух дружины своей, говоря:

— Не в силе Бог, но в правде.

И пошёл на врагов в малой дружине своей, не дожидаясь, когда соберётся вся сила его, но крепко веря в помощь святых мучеников Бориса и Глеба[1].

Был некий муж, старейшина в земле Ижорской, по имени Пелгусий. Ему была поручена ночная стража морская. Пелгусий принял святое крещение и жил среди своего рода, оставшегося в язычестве. И жил он богоугодно, в среду и в пятницу соблюдая пост. Потому и сподобил его Бог увидеть видение страшное в тот день. Скажем о том вкратце.

Увидел он силу ратную, идущую против князя Александра, и решил рассказать князю о станах их. Стоял он у края моря и следил за путями их и был всю ночь в бдении. И когда начало всходить солнце, услышал он шум страшный на море и увидел насад, плывущий по морю. Посреди насада стояли святые мученики Борис и Глеб в одеждах червлёных, положив руки друг другу на плечи. Гребцы же сидели, словно одетые мглою. Сказал Борис:

— Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру.

Видя такое видение и слыша такие слова мучеников, Пелгусий стоял в трепете, пока насад не скрылся от очей его.

После этого вскоре приехал князь Александр, и Пелгусий с радостью в очах рассказал ему одному о видении. Князь же сказал ему:

— Никому не рассказывай того.

И решил Александр напасть на врагов в шестом часу дня[2]. И была сеча великая над римлянами, и перебил их Александр бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьём.

Здесь же в полку Александровом явилось шесть мужей храбрых, которые вместе с ним крепко сражались.

---

[1] *Борис и Глеб* — сыновья Владимира Святославича, убитые братом Святополком, прозванным Окаянным.

[2] Часы считались от восхода солнца.

Один — Гаврило Алексич. Он на коне въехал по доске до самого корабля. И побежали враги перед ним на корабль, а затем обернулись и сбросили его с доски вместе с конём в Неву. Божьею милостью он вышел из реки невредимым и снова бросился на врагов и бился с самим воеводой среди полка их.

Другой — новгородец, по имени Збыслав Якунович. Он много раз нападал на полк их и бился с ними одним топором, не зная страха в сердце своём. И пало несколько человек от руки его. И подивился Александр силе и храбрости его.

Третий — Яков, полочанин, был ловчим[1] у князя. Он напал на полк с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь.

Четвёртый — новгородец, по имени Миша. Он пешим бросался на корабли и потопил три корабля с дружиной своей.

Пятый, по имени Савва, был из младшей дружины. Он въехал на великий шатёр короля златоверхий и подсёк столп его. Полки же Александровы обрадовались, увидев падение шатра.

Шестой был одним из слуг князя Александра, по имени Ратмир. Он бился пешим, и много врагов окружили его. Он же упал от многих ран и так скончался.

Всё это я слышал от господина своего великого князя Александра и от других, кто был тогда в той сече.

И победил Александр короля, а остальные побежали и покидали убитых на корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На третий год после победы над королём князь Александр в зимнее время пошёл в великой силе на землю Немецкую, дабы не похвалялись, говоря: «Покорим народ славянский».

Уже был тогда град Псков взят[2] и немецкие наместники посажены там. Князь же Александр вскоре взял город Псков и немцев изгнал, а иных в плен взял и город освободил от безбожных немцев. А земли их повоевал и

[1] Ловчий — охотник.
[2] Был взят град Псков — Псков был взят ливонскими рыцарями в 1240 году.

пожёг и полон взял без числа. Другие же города немецкие собрались и сказали: «Пойдём и победим Александра и возьмём его руками».

Когда они приблизились, заметила их стража. Князь же Александр ополчился и пошёл против них, и сошлись они на Чудском озере. И покрылось озеро Чудское множеством воинов.

Отец же его, Ярослав, прислал ему брата меньшего Андрея на помощь со множеством дружины. Также и у князя Александра было множество храбрых, как в древности у Давида царя, сильных и крепких. Так и мужи Александровы исполнились духом ратным, ибо были сердца их как сердца львов, и сказали они:

— О княже наш честный! Ныне пришло нам время сложить головы свои за тебя.

Князь же Александр, воздев руки к небу, сказал:

— Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом высокомерным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею на Амалика[1] и прадеду нашему Ярославу на окаянного Святополка.

Была тогда суббота. Когда всходило солнце, сошлись обе стороны. И была сеча злая, и треск от ломления копий, и звук от сечения мечей, словно замёрзшее озеро двинулось. И не было видно льда, ибо покрылся кровью.

Слышал же я от очевидца, который говорил мне:

— Видел я в воздухе полк Божий, пришедший на помощь Александру.

И так победил он врагов с помощью Божией. Показали они плечи свои. Он сёк и гнал их, словно летел по воздуху, и некуда было им бежать. И прославил Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина[2] у Иерихона. И тех, кто говорил: «Возьмём Александра руками», — предал Бог в руки его. И не было ему равного в бранях. И возвратился князь Александр с победою славною. И было множество пленных в полку его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя Божьими рыцарями.

---

[1] *Моисей* — ветхозаветный пророк. *Амалик* — вождь племени амалекитян, оказавший сопротивление израильтянам на их пути из Египта.

[2] *Иисус Навин* — ветхозаветный пророк и полководец.

И когда приближался князь к граду Пскову, игумены, и попы, и весь народ встретили его перед городом с крестами, и воздали хвалу Богу, и пели славу господину князю Александру.

И было прославлено имя его по всем странам до моря Египетского и до гор Араратских, по ту сторону моря Варяжского[1] и до великого Рима.

В то время был царь сильный в стране Восточной[2]. Ему покорил Бог многие народы от востока и до запада. Тот царь, услышав, что Александр так славен и храбр, послал к нему послов и сказал:

— Знаешь ли ты, Александр, что Бог покорил мне многие народы? Неужто ты один не покоришься мне? Если хочешь уберечь землю свою, то приезжай скорей ко мне и увидишь честь царства моего.

Князь же Александр по смерти отца своего приехал во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его. Промчалась весть о нём до устья Волги. И начали жёны моавитянские[3] пугать детей своих, говоря:

— Александр едет!

Подумал князь Александр с дружиной своей, и благословил его епископ Кирилл, и поехал он к царю в Орду.

Увидев его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим:

— Истину мне сказали: нет подобного этому князю.

Почтил его царь и с честью отпустил.

После разгневался царь Батый на брата его меньшего, Андрея, и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После Неврюева разорения князь великий Александр церкви поставил, города восстановил, людей разбежавшихся собрал в дома свои. И наполнил Бог землю его богатством и славою.

Было тогда великое притеснение от иноплеменников, и сгоняли они христиан, веля им воевать вместе с ними[4].

---

[1] *Море Египетское* — часть Средиземного моря, *море Варяжское* — Балтийское море.

[2] *Царь в стране Восточной* — хан Батый.

[3] *Моавитяне* — библейский народ. Автор жития так называет татарских женщин.

[4] Русские должны были платить дань Орде, но они не участвовали в войнах монголо-татар. Требование воевать вместе с ними и не было удовлетворено.

Князь же великий Александр пошёл к царю, дабы отмолить людей от беды той. И возвратился он из Орды от царя, и остановился в Нижнем Новгороде, и дойдя до Городца[1], разболелся.

О, горе тебе, бедный человек! Как можешь ты описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы[2] твои вместе со слезами! Как же не разорвётся сердце твоё от печали! Отца человек может оставить, а доброго господина не может. Если бы мог, в гроб лёг бы с ним.

И так Богу дух свой предал с миром в лето 1263, месяца ноября в 14-й день. Митрополит же Кирилл сказал:

— Чада мои! Разумейте, зашло солнце земли Суздальской.

Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди говорили:

— Уже погибаем!

Святое же тело его понесли к городу Владимиру. Митрополит, князья и бояре и весь народ, малые и великие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. И были вопль, и причитание, и тоска, как никогда не бывало, и земля сотрясалась. Положено же тело его в церкви Рождества Святой Богородицы ноября в 24-й день.

Воинская повесть — произведение древнерусской литературы о военных походах, сражениях, нашествиях, осаде городов, подвигах воинов.

Житие — описание жизни святого, совершившего подвиги во имя христианской православной веры. Среди святых были и полководцы, например Александр Невский, которого Церковь причислила к лику святых за его заслуги перед православием, которое он защищал в стане ордынцев. Если в произведении рассказывается о святом и о полководце, то переплетаются элементы жития и воинской повести. Попробуйте выделить эти элементы. Прочитайте избранные фрагменты. Обоснуйте свой выбор.

[1] *Городе́ц* — город на Волге.

[2] *Зени́цы* — глаза.

Размышляем о прочитанном

1. Какой теме посвящена повесть и какие чувства вызывает при чтении? Как называет себя рассказчик и что хочет подчеркнуть этим? Как он говорит о том, что был современником Александра?
2. Каким героям уподобляет рассказчик князя? О каких его подвигах рассказывает? Какими словами Александр укрепляет дух своей дружины? С помощью каких средств создаётся образ героя?
3. Обратите внимание на особенности описаний, поэтические образы, постарайтесь вникнуть в их суть. Например, какие картины видятся вам за словами рассказчика: [illegible] озеро Чудское?

Литература и другие виды искусства

Опишите устно центральную часть триптиха П. Корина «Александр Невский». Что подчёркивает в портрете героя художник?

Обогащаем свою речь

1. Как вы понимаете слова Александра Невского, которыми он укреплял дух дружины своей: «Не в силе Бог, но в правде»? Как звали шестерых мужей храбрых, которые вместе с ним крепко сражались? С чем сравнивает автор сердца «мужей Александровых»? Кого Александр Невский называет народом «высокомерным» и кто похвалялся: «Покорим народ славянский», «Возьмём Александра руками»?
2. Каков последний подвиг Александра? Зачем он пошёл к царю? Как об этом говорится в повести? Расскажите об этом, сохраняя особенности языка жития.
3. Какими словами и от чьего лица автор описывает горе от утраты, постигшей землю Суздальскую со смертью Александра? Прочитайте эти слова вслух и объясните их смысл.
4. Составьте небольшой словарик характерных для этого текста слов, которые могут использоваться сегодня и которые ушли в прошлое, например: самовидец, дивный, разжигался сердцами, сеча, [illegible] от бога и т. д.
5. Подготовьте устную или письменную характеристику князя Александра, используя художественные средства повести.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение по ролям отдельных фрагментов повести.

Победа на Неве принесла великую славу Руси и среди иноземцев. Важное значение она имела потому, что в случае победы шведов большая опасность грозила и вере православной.

Вскоре после торжества русского оружия на Неве юному Александру Невскому пришлось уехать из Новгорода. Горожане признавали Александра как военачальника, но не нравилось им, что он хотел править по своей воле, мало обращая внимания на вечевые порядки, заведённые в городе. Рассорившись с нов-

Эскиз картины
«Александр Невский принимает папских легатов».
Художник Г. Семирадский

«Въезд Александра Невского в Псков после Ледового побоища».
Художник В. Серов

городцами, Александр Невский с семьёй уехал к отцу в Переславль-Залесский. За время его отсутствия произошло немало бед. Ливонские немцы перешли в наступление на Балтийском побережье, покорили эстов и латышей, взяли Изборск, сожгли его и перебили всё население — уничтожали всех, кто отказывался принять католическую религию. Псковская рать, направленная против рыцарей-меченосцев (крестоносцев), была разбита, вскоре пал и сам Псков. Продвигаясь к Новгороду, рыцари взяли городок Тесов и основали недалеко от побережья Финского залива крепость Копорье. Новгородцы, чувствуя смертельную опасность, обратились за помощью к прежнему своему защитнику, Александру Невскому. Видя Русскую землю в опасности, Александр забыл прежние обиды, вернулся в Новгород и скоро освободил Новгородскую землю от немецких рыцарей. Особенно сильное поражение нанёс он им около Пскова, на льду Чудского озера, 5 апреля 1242 года. Битва эта известна под названием «Ледовое побоище»...

Слава о подвигах Александра распространилась не только по всей Руси, но и дошла до отдалённого Запада. Несмотря на неудачи крестоносцев в борьбе с русскими, Папа Римский Иннокентий IV не оставил мысли подчинить их себе, только обратился к другим средствам. Видя, что силой не навязать русским католичества, папа отправил к Александру Невскому в Новгород

посольство с богатыми дарами и льстивым собственноручным письмом. Во главе этого посольства стояли два хитрейших кардинала (высшие духовные лица в Католической церкви, избирающие папу)... которые должны были вручить Александру послание от папы с требованием принять ему и всему русскому народу католическую веру, лживо утверждая, что покойный его отец Ярослав обещал это перед смертью его послу...

Прибыв в Новгород в 1251 году, кардиналы в красных мантиях, с блестящей свитой были приняты Александром Невским и митрополитом Киевским и всея Руси Кириллом на торжественной аудиенции.

Хитрые кардиналы вручили Александру папское послание, стали уговаривать князя выслушать их учение и утвердить католичество, уверяя, что, только отрёкшись от православия, он найдёт помощь у западных государей и тем спасёт себя и свой народ от татар. Возмущённый Александр в ответ на их льстивые речи разорвал послание папы и велел передать ему, что сам знает, какое вероисповедание лучше, и что он ни в чьей помощи не нуждается. Сообщив этот же ответ папе в письме, Александр отправил кардиналов в Рим. Ещё не раз поднимались против непокорного русского князя шведы и рыцари. Но и эти новые походы были безуспешны.

Александр Невский пользовался большой любовью на Руси. Глубока была скорбь после его смерти (1263). Церковь причислила князя к лику святых.

В. Ш[illegible]

Литература и другие виды искусства

1. Рассмотрите репродукции картин художников П. Корина, Г. Семирадского, В. Серова. В чём своеобразие портрета героя на каждой из картин. Таким ли вы представляли себе Александра Невского, когда читали повесть о нём?
2. Что вы знаете об исторических событиях, изображённых на картинах этих художников?

О «ПОВЕСТИ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ»

В XVII веке широкое распространение получила демократическая литература — литература, которая создавалась в народной среде и отражала народные идеалы и представления о вла-

сти, суде, церкви, правде, смысле жизни. Героями произведений такой литературы были простые люди, не совершившие ничего значительного для истории, ничем не прославившиеся. Часто это неудачники, бедняки, но демократическая литература полна сострадания к этим обыкновенным героям и их судьбам. Авторы видели и понимали, что причина несчастий «маленьких людей» не в них самих, не в дурных свойствах их натуры (злобе, жадности, зависти, лени и т. д.), а в общем устройстве жизни — несправедливости суда, например равнодушии и жестокости власти богатых. Одним из произведений демократической литературы является «Повесть о Шемякином суде».

«Повесть...» осуждает не только корыстолюбивых судей, но и всё судопроизводство в целом, и прежде всего нелепые законы, которые можно трактовать как угодно или обойти. Приговоры, которые выносит судья, кажутся нам неправдоподобными, комичными. Но люди XVII века узнавали в этих приговорах судебную практику своего времени.

Сходство с жизнью усиливает критический смысл «Повести...» — законы нелепы, а хитрые, продажные судьи творят беззаконие, соблюдая видимость законности.

Несмотря на комические ситуации, «Повесть о Шемякином суде» оставляет грустное впечатление. За исключением судьи, все герои этой «Повести...» либо были, либо стали несчастными. Бедный крестьянин избавляется от своих бед, и мы ему сочувствуем. Но нам понятно и негодование брата крестьянина, которому сначала вернули лошадь без хвоста, а потом и вообще её забрали, и горе попа, у которого бедняк нечаянно задавил сына, и печаль горожанина, у которого из-за бедняка умер отец. И горожанин, и поп, и даже богатый брат не виноваты в том, что произошло. И если вдуматься, то оправдательный приговор Шемяки издевательски несправедлив по отношению к ним. В «Повести...» все по-своему несчастны, а на справедливость нет надежды. В суде если и оправдают одного, то засудят другого. Те, кто должен осуществлять закон, думают прежде всего о деньгах и посулах, а не о правде и справедливости.

К таким печальным мыслям о судьбе человека, о правде и кривде в этой жизни, о справедливости и законности приводит нас «Повесть о Шемякином суде». «Повесть...» пользовалась широкой популярностью в XVII и XVIII веках. Выражение «Шемякин суд» стало поговоркой, обозначающей несправедливый, неправедный суд.

В. И. Охотникова

Шемякин суд

В некоем месте жили два брата земледельцы, один богат, другой убог. Богатый много лет ссужал убогого и не мог исполнить скудости его. Пришёл однажды убогий к богатому просить лошади дров привезти. Брат же не хотел давать ему лошади и сказал ему:

— Много тебе, брат, ссужал, а исполнить не мог.

А когда дал ему лошадь, убогий начал у него хомут просить. И рассердился на него брат, начал поносить его убожеством:

— Даже своего хомута и того у тебя нет!

И не дал ему хомута.

Пошёл убогий от богатого, взял свои дровни, привязал за хвост лошади, поехал в лес и привёз ко двору своему. Ударил лошадь кнутом, а забыл выставить подворотню. Лошадь изо всей мочи бросилась через подворотню с возом и оторвала себе хвост.

Убогий привёл к брату лошадь без хвоста. Брат, увидев, что лошадь его без хвоста, начал поносить своего брата убогого за то, что, выпросив лошадь, испортил её, и, не взяв лошади, пошёл бить на него челом в город к Шемяке-судье.

Убогий, видя, что его брат пошёл бить на него челом, пошёл за братом своим, ведая, что если он сам не пойдёт, то за ним из города пришлют и придётся за проезд приставам платить.

И пришли оба к некоему селу, не доходя до города. Богатый пошёл ночевать к попу того села, ибо был ему знакомым. Убогий пришёл к тому же попу и, придя, лёг у него на полатях. А богатый начал рассказывать, что случилось с его лошадью и чего ради идёт он в город. И потом начал поп с богатым ужинать, убогого же не зовут к себе есть. Убогий начал с полатей смотреть, что поп с братом его ест, и сорвался с полатей на зыбку и удавил попова сына до смерти. Поп также поехал с братом в город бить челом на убогого о смерти сына своего.

И пришли ко граду, где жил судья. Убогий же шёл за ними. Поехали через мост в город. Некий житель того града вёз под мостом по льду отца своего в баню мыться. Бедняк же, зная, что будет ему погибель от брата и от попа, решил себя смерти предать и бросился прямо с

Шемякин суд.

мосту в ров, желая расшибиться до смерти. Бросившись, упал на старика и удавил отца до смерти. Сын схватил его и привёл к судье. Он же стал думать, как бы избегнуть напасти и что бы такое дать судье. И, ничего у себя не найдя, взял камень и, обернув его в платок, положил в шапку и встал перед судьёю. Пришёл богатый брат челобитную искати на убогого и начал на него бить челом судье Шемяке.

Гравюра на меди. XVII в.

Выслушал Шемяка челобитную и сказал убогому:

— Отвечай.

Убогий же, не ведая, что сказать, вынул из шапки завернутый камень, показал его судье и поклонился. Судья же понадеялся, что ему от убогого будет посул, и сказал брату:

— Коли он у лошади твоей оторвал хвост, так ты у него лошади своей не бери, покамест у ней не вырастет

хвост. А как вырастет хвост, тогда лошадь свою возьмёшь.

Потом начался другой суд. Поп бил челом судье, что убогий у него сына удавил. Убогий также вынул из шапки завёрнутый камень и показал судье. Судья же, видя то, что он опять сулит ему узел злата, и сказал попу:

— Коли он у тебя убил сына до смерти, так ты отдай ему свою жену попадью, покамест не принесёт он тебе с нею ребёнка. Тогда возьми у него попадью и ребёнка.

И начался третий суд. Убогий опять показал судье завёрнутый в плат камень. Судья же решил, что ему сулят третий узел, и сказал тому, у кого был убит отец:

— Взойди на мост, а убивший отца твоего станет под мостом, и ты бросься с моста на него и убей его так же, как он убил отца твоего.

После суда истцы вышли со ответчиком из приказа. Начал богатый просить у убогого свою лошадь. Убогий же ему сказал:

— По судейскому приказу, как у ней хвост вырастет, тогда и отдам тебе твою лошадь.

Брат же богатый дал ему за свою лошадь пять рублей, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взял у брата своего пять рублей и отдал ему лошадь.

Тогда стал убогий просить у попа по судейскому указу попадью. Поп же начал ему бить челом, чтобы у него попадьи не брал. Он же взял у попа десять рублей.

Тут убогий начал и третьему истцу говорить:

— По судейскому указу я стану под мостом, ты же взойди на мост и на меня бросься, как и на отца твоего.

Он же размышлял сам с собою: «Броситься, а если его не убью, а сам расшибусь». И начал с ним мириться, дал ему мзду.

Так убогий со всех троих себе взял. Судья же выслал человека ко ответчику и велел у него взять три узла, которые он показывал. Человек судьи начал у него узлы просить:

— Дай, дескать, то, что ты из шапки судье показывал в узлах, он велел у тебя то взять.

Убогий же вынул из шапки завязанный камень и показал. Человек стал ему говорить:

— Чего ты камень показывал?

Ответчик же сказал:

— То я и судье показывал.

— Для чего же ты камень показывал?

— Я потому ему камень показывал, что, кабы он не на меня судил, и бы его тем камнем зашибил.

И пришёл человек и сказал судье. Судья же, слыша то, сказал:

— Слава Богу, что я на него судил, если бы я не за него судил, он бы меня убил.

Потом убогий вернулся в дом свой, радуясь и хваля Бога. Аминь.

Размышляем о прочитанном

1. Кто герои «Повести о Шемякином суде»? Кто из них прав? На чьей стороне автор? Каковы преступления героя повести? Кто из героев наказан?
2. Кого высмеивает повесть? Кто из героев вызывает у вас сочувствие и почему?
3. О каком суде говорит «Шемякин суд»?
4. Какие приёмы сатирического изображения (ирония, гипербола[1]) используются в повести? Приведите примеры использования этих приёмов в тексте повести.
5. Какое впечатление производит на вас повесть? Подготовьте развёрнутый ответ, включив в него выражение *Шемякин суд* как поговорку.

Учимся читать выразительно

Подготовьте повесть к выразительному чтению в классе, подчеркнув её сатирическое содержание.

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации к «Повести о Шемякином суде». Выберите по своему усмотрению несколько эпизодов, изображённых на них. Перескажите их близко к тексту повести.

[1] Гипербола — художественный приём, основанный на преувеличении.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Шемякин суд»

Вспомните, какие произведения из древнерусской литературы вы изучали до восьмого класса и какие из них вам хотелось бы перечитать? «Шемякин суд» — небольшое произведение, но необычайно значительное.

1. На уроке вы обсуждали, кого высмеивает автор, что вызывает сочувствие. Какие приёмы сатирического изображения (гротеск, гипербола) помогают понять и правильно ответить на эти вопросы? Какими приёмами художественного чтения, стилистическими красками пользуется актёр Анатолий Вологдин в передаче смысла произведения?
2. Помогли ли интонация, логические ударения, манера актёрского исполнения лучше понять мысли и чувства автора? Что, по вашему мнению, могло бы прозвучать иначе? Попробуйте в выразительном чтении передать ваше личное восприятие текста.
3. Что означают слова и словосочетания: *челобитная, отмолвить, сподобил бог, село ратное*? Как они прозвучали при чтении?
4. Какие интонации — торжественные или иронические — звучат в чтении Анатолия Вологдина в описании суда, концовки произведения?
5. Подготовьте выразительное чтение повести по ролям.

Денис Иванович ФОНВИЗИН

1745—1792

Фамилию его писали по-разному: Фон-Визин, Фон-Висин, Фон-Вейзен и т. д. Только к концу XIX века утвердилось принятое сейчас написание. Но А. С. Пушкин ещё в начале века взывал к брату *Льву*: «Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин... Он русский, из перерусских русский».

Род писателя по отцу действительно давно обрусел. Он родился в Москве, рос в семье, о которой сам сказал: «В доме нашем дурных людей не бывало». Грамоте начали учить мальчика с четырёх лет, потом он продолжил своё образование в гимназии при Московском университете. План преподавания в ней составил *Ломоносов*, сказавший: «Университет без гимназии, как пашня без семян».

Десятилетний *Денис* учился очень хорошо. И в 1760 году среди лучших студентов Фонвизин был привезён в Петербург, где встретился с самим *Ломоносовым*, о чём вспоминал всю жизнь. Не менее сильное впечатление произвёл и театр. Через 30 лет после посещения Северной столицы Фонвизин писал: «Действия, произведённого во мне театром, почти описать невозможно».

За годы учения в университете Фонвизин овладел латинским, немецким и французским языками настолько, что переводы его не раз появлялись в печати. Острые слова его носились по Москве, из-за чего он нажил много врагов и приобрёл друзей.

Литературную деятельность Фонвизин начал с переводов басен и пьес. Сам Денис Иванович сказал: «Весьма рано появилась во мне склонность к сатире».

Вот, например, некоторые нравоучения Лисицы из переведённой Фонвизиным басни Гольдберга «Лисицыно нравоучение»:

— Ни в чём правды не держись, когда желаешь найти в свете своё счастье.

— Когда хочешь воровать, то промышляй столько, чтоб мог откупиться, для того что наказывают обыкновенно малых воров, а не больших.

Первым опытом будущего комедиографа был перевод трагедии Вольтера, хотя впоследствии Фонвизин отзывался о трагедиях как о жанре с насмешкой.

После коронации летом 1762 года в Москве Екатерины II один из её придворных устроил Дениса переводчиком в Коллегию иностранных дел, с которой затем Фонвизин переезжает в Петербург. Первая оригинальная комедия Фонвизина «Бригадир» закончена была в особое время. Готовились реформы, от которых Фонвизин ожидал ограничений крепостного права при полной вольности дворянства, а это значило и ограничение власти царя. Руководитель Коллегии иностранных дел граф Никита Иванович Панин выделил молодого Фонвизина и приблизил к себе. Государыня же Екатерина терпеть не могла Панина: чтобы отставить его от дел, даже наградила весьма милостиво, но тут же написала: «...богатством его осыпала выше его заслуг...»

Панин разделил четыре тысячи душ из подаренных ему девяти между своими сотрудниками, среди которых был и Фонвизин, преданный соратник. Граф Н. И. Панин, как и Екатерина II, народа не знал, но хотел ему добра, потому что видел в этом благо для государства.

Всё это выразилось в комедии Фонвизина «Бригадир». О ней сказано, что автор казнил в ней дикое невежество старого поколения и поверхностный лоск европейского полуобразования нового поколения, говорящего о себе: «Тело моё родилось в России..., однако дух мой принадлежит короне французской».

Конфликт несколько иного плана лежит в основе замечательной комедии «Недоросль». В отличие от «Бригадира», где крепостное право напрямую не затрагивалось, новая комедия выступала против таких порядков, когда одни люди являются собственностью других. Сильно прозвучали в ту эпоху слова, произнесённые одним из героев «Недоросля»: «Угнетать рабством себе подобных — беззаконно».

Первое представление «Недоросля» состоялось 24 сентября 1782 года — это и есть день рождения великой русской комедии. И в те дни о ней было сказано: «Сия комедия... заслужила внимание от публики. Для сего и принята с отменным удовольствием».

Но не все приняли комедию с одобрением. «Плохо приходится мне хоть! — сказала Екатерина II. — Уж и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать». И Фонвизину весной 1783 года пришлось выйти в отставку.

И в отставке он продолжал литературную деятельность, решив задать ряд острых вопросов будто бы неизвестному автору, хотя все знали, что им была Екатерина II. Вот некоторые из вопросов:

— Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?

(Царица ответила резко: «Оттого, что сие не есть дело всякого».)

— Как истребить два совершенно противные и оба вреднейшие предрассудка: первый, будто у нас всё дурно, а в чужих краях всё хорошо; второй, будто в чужих краях всё дурно, а у нас всё хорошо?

— Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

Конечно, такие вопросы не могли понравиться императрице, как и фонвизинская сатира «Всеобщая придворная грамматика». В результате писателю был закрыт путь в печать, а вскоре он заболел тяжело и надолго. Ему было всего 40 лет, а он с трудом мог передвигаться и даже говорить. Через семь лет он умер.

Сохранилась легенда, будто князь Г. А. Потёмкин-Таврический, выходя из театра и увидя Фонвизина, сказал ему о «Недоросле»: «Умри, Денис, — „Недоросль" тебя увенчал». Правда, слова Потёмкина передаются по-разному, но одно ясно — современники понимали значение Фонвизина. «Недоросль» — комедия о воспитании. Воспитание тогда, как и сейчас, — злободневная политическая тема. Отсюда так много сходного в высказываниях Фонвизина о своём веке и мыслях каждого современника, россиянина конца XX — начала XXI столетия.

Читаем самостоятельно

Прочитайте дома самостоятельно всю комедию «Недоросль», выберите себе роль, которую хотели бы исполнить, подготовьте с товарищами одну из сцен для чтения. При подготовке к чтению используйте материал статьи о комедии Фонвизина.

Фонвизин — это «Недоросль». Он стал собою, Фонвизиным, написав «Недоросля», как Грибоедов стал Грибоедовым, написав «Горе от ума»... Не комедия состояла при сочинителе, а он при ней. Сегодня «Недоросль» совсем не то, чем был в пору, когда его разыгрывали на нынешнем Марсовом поле и публика аплодировала пьесе метанием кошельков (был такой обычай). Ныне часто говорят: это спектакль для школьников. В этом нет ничего обидного: стать книгой для детей — удел наипочётнейший, выпавший на долю сказок Пушкина, «Робинзона» и «Гулливера», романов Вальтера Скотта, Дюма, Гюго, отчасти даже «Дон Кихота»... Но всё же «Недоросль», воспринимаемый как учебная пьеса, многое теряет. Иногда — почти всё: педагогическая притча, наглядное пособие, дразнилка для второгодников: «не хочу учиться, хочу жениться».

«Всё в этой комедии кажется чудовищной карикатурой на всё русское. А между тем нет в ней ничего карикатурного: всё взято живьём с природы...» (Н. В. Гоголь.)

На многих персонажах от древности кора наросла, они обросли предрассудками, вот пример простейший.

Сколько лет Простаковой?.. Зритель почти наверняка скажет: старуха... А ей чуть более тридцати. И уж никак не более сорока.

И Митрофан невежда, но не дурак, нет: ни в умении подластиться к матери, ни в сцене похищения Софьи... Он мог бы сказать о себе словами Петруши Гринёва: «Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем мне минуло шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась».

Всё, решительно всё совпадает: голубятня, возраст, перемена судьбы и характер перемены. «Пойдёт-ка служить...» — говорит Митрофану Правдин. «Пора его в службу», — решает старик Гринёв. И учителя у них одинаковые. «По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман (кучер); парикмахер Бопре обязан был учить... по-французски, по-немецки и всем наукам». Пушкин даже подчеркнул эти слова не потому ли, что они прямая цитата из «Недоросля»?

Рождение писателя Фонвизина — это рождение русской литературы. Юность Фонвизина совпала с младенчеством нашей литературы... «Недоросль» стал общим детищем, общей победою. Фонвизин как писатель — в гоголевской эпохе... с «Женитьбою»

и «Ревизором» Митрофан и Скотинин ничего, разумеется. Между ними расстояние и большое, но не пропасть.

Умрёт Денис Иванович, и всего через два года родится его преемник в комедии Грибоедов. Началась непрерывная цепь, и начальное звено — Державин и Фонвизин, первые гении русской словесности.

Ст. Рассадин

Недоросль[1]

Комедия в пяти действиях

(В сокращении)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Простаков.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофан, сын их, недоросль.
Еремеевна, мама[2] Митрофанова.
Правдин.
Стародум.
Софья, племянница Стародума.
Милон.
Скотинин, брат г-жи Простаковой.
Кутейкин, семинарист.
Цыфиркин, отставной сержант.
Вральман, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтан на Митрофане)*. Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремеевна отходит.)* Он, вор,

---

[1] Так официально называли дворян, преимущественно молодых, не получивших документа об образовании и не поступивших на службу. Вместе с тем слово «недоросль» означало любого дворянина, не достигшего совершеннолетия.

[2] Мама, т. е. кормилица.

везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмёт до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова (*Тришке*). А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растёт; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да вить[1] я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да изволите отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Ищо[2] он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет[3] портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан (*вбегает*). Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не докличешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Простаков.

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

---

[1] *Вить* (просторечн.) — ведь.
[2] *Ищо* (просторечн.) — ещё.
[3] *Первоет* (народное выражение) — вместо «первый-то».

Простаков *(от робости запинаясь)*. Мо... мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня Господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтрева; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты так прогневалась?

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изрядненько.

Г-жа Простакова *(Тришке)*. Выйди вон, скот. *(Еремеевне.)* Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать ребенку. Вить, я чаю, скоро и учители придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль цветной, бестия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я ведь сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал[1] до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, Мати Божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужинал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых[2], не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая ж дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

[1] Протосковал — здесь: плохо себя чувствовал.

[2] Подовые пироги — пироги из кислого теста, которые пекутся на поду, т. е. на нагретой плоскости внутри печи.

Простаков *(в сторону)*. Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан *(разнежась)*. Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова *(с досадою)*. Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердечный! Вот, сынок, одно моё утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин!

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя и от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегу-тка теперь на голубятню, так авось-либо...

Г-жа Простакова. Так авось-либо Господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевною отходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин.

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Ввечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают её замуж?

Г-жа Простакова. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может ещё подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако я ей свойственница; а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

Простаков *(Скотинину)*. Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сущею сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как её матушке, а моей сватьюшке, сделался удар...

Г-жа Простакова *(показывая, будто крестит сердце)*. С нами сила крестная.

Простаков. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка её, господин Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нём ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли её в нашу деревеньку и надзираем над её имением, как над своим.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня так разоврался, мой батюшка? Ища братец может подумать, что мы для интересу её к себе взяли.

Простаков. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простаков. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простакова. Хотя бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор как всё, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь женитe меня на Софьюшке.

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству её деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то её водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может. Митрофанушка наш весь в дядю. И он до свиней сызмала такой

же охотник, как и ты. Как был ещё трёх лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиней для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да отчего же я к свиньям-то так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство, я так рассуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Софья.

Софья вошла, держа письмо в руке и имея весёлый вид.

Г-жа Простакова *(Софье)*. Что ты так весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова *(испугавшись, с злобою)*. Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застращать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдёт способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну да коли он не умирал?

Простаков. Избави Боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова *(к мужу)*. Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто таки и грешные-то мои молитвы не доходили! *(К Софье.)* Письмецо-то мне пожалуй. *(Почти вырывает.)* Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь, от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдаёт

тебе письма! Я доберусь. Вот до чего дожили. К девушкам письма пишут! девушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря Бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. *(К мужу.)* Читай.

Простаков *(долго смотря)*. Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я отроду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придёт. Ему велю...

Скотинин. А уж начали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арифметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трёх верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рублёв на год. Сажаем за стол с собою. Бельё его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребёнка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка ещё в недорослях, пота[1] его и понежить; а там лет через десяток, как войдёт, избави Боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лёжа, летят себе в чины[2]. Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! да вот пожаловал кто-то дорогой наш постоялец.

---

[1] *Пота* — до тех пор.

[2] Дворяне в XVIII веке могли получать чины и звания по службе, числясь в многолетнем отпуске.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Правдин.

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! А как по фамилии, я не дослышал.

Правдин. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой, — имени и отчества не знаю, — в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свиньях-то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. *(К Правдину.)* Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

Правдин. Если вы приказываете. *(Читает.)* «Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известии. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностию состояние свое сделать можно. Сими средствами, с помощию счастия, нажил я десять тысяч рублей доходу...»

Скотинин и оба Простаковы. Десять тысяч!

Д. И. Фонвизин. «Недоросль». Художник Н. [illegible]

Правдин (*читает*). «...которых тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею...»

Г-жа Простакова. Тебя наследницею!
Простаков. Софью наследницею! (*Вместе.*)
Скотинин. Ее наследницею!

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать Софью*). Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя от радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама все-таки думала, что Бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин (*протянув руку*). Ну, сестрица, скорей же по рукам.

Г-жа Простакова (*тихо Скотинину*). Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя выйти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позволите ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова *(к Софье)*. Софьюшка, душа моя! пойдём ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. *(Увела Софью.)*

Скотинин. Бе! так я вижу, что сегодни сговору-то вряд и быть ли. <...>

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин, Милон.

Милон. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобою! Скажи, каким случаем...

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определён членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига[1] сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют её во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника[2]. С какою ревностию помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображён наместник в Учреждении[3], там благосостояние обитателей верно и надёжно. Я живу здесь уже три дни. Нашёл помещика дурака бессчётного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останешься?

Милон. Через несколько часов еду отсюда.

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено и солдат вести без замедления... да, сверх того, я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

---

[1] *Подвиг* — здесь: побуждение.

[2] Россия в 1775 году была разделена на пятьдесят губерний. В отдельных случаях две-три губернии объединялись в руках представителя верховной власти — наместника, при котором создавалось правление. Правдин был членом правления наместничества.

[3] Закон о губерниях назывался «Учреждение для управления губерний Российской империи». Он был издан в 1775 году.

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблён и имею счастие быть любим. Больше полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что ещё горестнее, ничего не слыхал я о ней во всё это время. Часто, приписывая молчание её холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти её матери, какие-то дальние родные увезли её в свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Может быть, она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством её, содержат её в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

Правдин. Подобное бесчеловечие вижу я и в здешнем доме. Ласкаюсь[1], однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сумневаюсь, что унять их возьмутся меры.

Милон. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчать судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моём положении.

Правдин. Позволь мне спросить об её имени.

Милон (*в восторге*). А! вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья (*в восхищении*). Милон! тебя ли я вижу?

Правдин. Какое счастие!

Милон. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники...

Правдин. Мой друг! не спрашивай о том, что столь ей прискорбно... Ты узнаешь от меня, какие грубости...

Милон. Недостойные люди!

Софья. Сегодня, однако же, в первый раз здешняя хозяйка переменила со мною свой поступок. Услыша, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой

[1] *Ласкаюсь* — здесь: питаю себя надеждой, надеюсь.

а братцевой сделалась ласковою до самой низкости, и я по всем её обиняком вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

Милон *(с нетерпением)*. И ты не изъявила ей в тот же час совершенного презрения?..

Софья. Нет...

Милон. И не сказала ей, что ты имеешь сердечные обязательства, что...

Софья. Нет...

Милон. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нём всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещён, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб...

Софья *(усмехаясь)*. Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

Милон *(с негодованием)*. Я воображаю все его достоинства.

Софья. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдёт.

Правдин. Как дале не пойдёт, сударыня? Он доучивает часослов; а там, думать надобно, примутся и за псалтырь[1].

Милон. Как! Таков-то мой соперник! А, любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, как легко страстный человек огорчается и малейшим подозрением.

Софья. Подумай же, как несчастно моё состояние! Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть моё чувство.

Милон. Что ж ты ей отвечала?

Здесь Скотинин идёт по театру, задумавшись, и никто его не видит.

Софья. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дядюшкиной, что он сам сюда приехать обещал в письме своём, которого *(к Правдину)* не позволил вам дочитать господин Скотинин.

Милон. Скотинин!

Скотинин. Я!

---

[1] Часослов и псалтырь — церковные книги, по которым обучали грамоте, [illegible]

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Скотинин.

Правдин. Как вы подкрались, господин Скотинин! Этого бы я от вас и не чаял.

Скотинин. Я проходил мимо вас. Услышал, что меня кличут, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто закричит — Скотинин! А я ему: я! Что вы, братцы, и заправду? Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом. Бывало, на съезжей в перекличке как закричат: Тарас Скотинин! А я во всё горло: я!

Правдин. Мы вас теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотинин. Я никуда не шёл, а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, как что заберу в голову, то из ней гвоздём не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло в ум, тут и засело. О том вся и дума, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.

Правдин. Что ж бы вас так теперь занимало?

Скотинин. Ох, братец, друг ты мой сердечный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро из моей деревни в свою, а коли так же проворно вывезет меня из своей деревни в мою, то могу пред целым светом по чистой совести сказать: ездил я ни по что, привёз ничего.

Правдин. Какая жалость, господин Скотинин! Сестрица ваша играет вами, как мячиком.

Скотинин (озлобясь). Как мячиком? Оборони Бог! Да я и сам зашвырну её так, что целой деревней в неделю не отыщут.

Софья. Ах, как вы рассердились!

Милон. Что с вами сделалось?

Скотинин. Сам ты, умный человек, порассуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъехала с отводом: «Что-де тебе, братец, в жене; была бы-де у тебя, братец, хорошая свинья». Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведёшь.

Правдин. Мне самому кажется, господин Скотинин, что сестрица ваша помышляет о свадьбе, только не о вашей.

Скотинин. Эка притча! Я другому не помеха. Всякий женись на своей невесте. Я чужую не трону, и мою

чужой не тронь же. *(Софье.)* Ты не бойсь, душенька. Тебя у меня никто не перебьет.

Софья. Это что значит? Вот ещё новое!

Милон *(вскричал)*. Какая дерзость!

Скотинин *(к Софье)*. Чего ж ты испужалась?

Правдин *(к Милону)*. Как ты можешь осердиться на Скотинина!

Софья *(Скотинину)*. Неужели суждено мне быть вашею женою?

Милон. Я насилу могу удержаться!

Скотинин. Суженого конём не объедешь, душенька! Тебе на своё счастье грех пенять. Ты будешь жить со мною припеваючи. Десять тысяч твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывал; да я на них всех свиней со бела света выкуплю; да я, слышь ты, то сделаю, что все затрубят: в здешнем-де околотке и житьё одним свиньям.

Правдин. Когда же у вас могут быть счастливы одни только скоты, то жене вашей от них и от вас будет худой покой.

Скотинин. Худой покой! ба! ба! ба! да разве светлиц у меня мало? Для нее одной отдам угольную с лежанкой. Друг ты мой сердечный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки хлевок[1] особливый, то жене найду светёлку.

Милон. Какое скотское сравнение!

Правдин *(Скотинину)*. Ничему не бывать, господин Скотинин! Я скажу вам, что сестрица ваша прочит её за сынка своего.

Скотинин. Как! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрече, как чёрта, изломаю. Ну, будь я свиной сын, если я не буду её мужем или Митрофан уродом. <...>

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан, Кутейкин и Цыфиркин.

Г-жа Простакова. Ну, вот теперь хоть по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

---

[1] *Хлевок* — хлев, помещение для скотины.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердечный! Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдёт на ум ученье. Ты б ещё навела сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки туза; а там с его кулаков да за часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Ведь здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

Г-жа Простакова (*вне себя*). Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Всё дядюшка напугал. Чуть было в волосы ему не вцепился. А ни за что... ни про что...

Г-жа Простакова (*в злобе*). Ну...

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?..

Г-жа Простакова. Ну...

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берёт. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!..

Г-жа Простакова (*дрожа*). Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не вцепилась братцу в харю, а ты не раздёрнула ему рыла по уши...

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твоё дитя, бестия! По тебе ребёнка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту ж минуту отойти не изволил, то б я с ним поломалась. Вот что б Бог не поставил. Притупились бы эти (*указывая на ногти*), я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле...

Еремеевна (*заплакав*). Я не усердна вам, матушка! Уж как боль-

ши служить, не лениться... рада бы не токмо что... животу[1] не жалеешь... а всё не угодно.

Кутейкин. Нам восвояси повелите? | (Вместе.)
Цыфиркин. Нам куда поход, ваше благородие? | (Вместе.)

Г-жа Простакова. Ты ж, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. *(К Митрофану.)* Пойдём со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещечко[2], так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и сам взведёшь деточек. *(К Еремеевне.)* С братцем переведаюсь не по-твоему. Пусть же все добрые люди увидят, что мама и что мать родная. *(Отходит с Митрофаном.)*

Кутейкин. Житьё твоё, Еремеевна, яко тьма кромешная. Пойдём-ка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку...

Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье.

Еремеевна *(в слезах)*. Нелёгкая меня не приберёт! Сорок лет служу, а милость всё та же...

Кутейкин. А велика ль благостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощёчин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят её под руки.

Цыфиркин. Смекнём же за столом, что тебе доходу в круглый год.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья *(к Правдину)*. Мне себя не стало от их шуму.

Стародум *(в сторону)*. Вот черты лица её матери. Вот моя Софья.

Софья *(смотря на Стародума)*. Боже мой! Он меня назвал. Сердце моё меня не обманывает...

---

[1] *Живот* (старин.) — жизнь.
[2] *Нещечко* — вещь, тайну.

Стародум *(обняв её)*. Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья *(бросаясь в его объятия)*. Дядюшка! Я вне себя с радости.

Стародум. Любезная Софья! Я узнал в Москве, что ты живёшь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздражённым, иногда быть собой довольным. Ничто так не терзало моё сердце, как невинность в сетях коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случалось из рук вырвать добычь от порока.

Правдин. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

Софья. Дядюшка! ваши ко мне милости...

Стародум. Ты знаешь, что я одной тобой привязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечении твоё счастье. Пошед в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния, как разлучась с твоей матерью и с тобою.

Софья. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

Стародум *(к Правдину)*. Чтоб оградить её жизнь от недостатку в нужном, решился я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицеприятия не знает, а платит одни труды верно и щедро.

Правдин. Вы могли б обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

Стародум. А на что?

Правдин. Чтоб быть богату, как другие.

Стародум. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Всё состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

Софья. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

Стародум. Я нажил столько, чтоб при твоём замужестве не остановляла нас бедность жениха достойного.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

Правдин. Но, выдав ей, не лишнее было бы оставить и детям...

Стародум. Детям? Оставлять богатство детям? В голове нет. Умны будут — без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван[1] — всё болван.

Правдин. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатным оказывается почтение.

Стародум. Почтение! Одно почтение должно быть лестно человеку — душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Правдин. Заключение неоспоримо.

Стародум. Ба! Это что за шум? <...>

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и камердинер.

Камердинер подаёт письмо Стародуму.

Стародум. Откуда?

Камердинер. Из Москвы, с нарочным. *(Отходит.)*

Стародум *(распечатывая и смотря на подпись).* Граф Честан. А! *(Начиная читать, показывает вид, что глаза разобрать не могут.)* Софьюшка! Очки мои на столе, в книге.

Софья *(отходя).* Тотчас, дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ IV

Стародум.

Стародум *(один).* Он, конечно, пишет ко мне о том же, о чём в Москве сделал предложение. Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный друг, когда вся публика считает его честным и достойным человеком... Если свободно её сердце...

[1] Золотой болван — статуя.

ЯВЛЕНИЕ V

Стародум и Софья.

Софья *(потупя глаза)*. Извольте, дядюшка.

Стародум *(читает)*. «...Я теперь только узнал... ведёт в Москву свою команду... Он с вами должен встретиться... Сердечно буду рад, если он увидится с вами... Возьмите труд узнать образ мыслей его». *(В сторону.)* Конечно. Без того её не выдам... «Вы найдёте... Ваш истинный друг...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежит. Я сказывал тебе, что молодой человек, похвальных свойств, представлен... Слова мои тебя смущают, друг мой сердечный. Я это и давеча приметил и теперь вижу. Доверенность твоя ко мне...

Софья. Могу ли я иметь на сердце что-нибудь от вас скрытое? Нет, дядюшка. Я чистосердечно скажу вам...

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Правдин и Милон.

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум *(в сторону)*. Милон!

Милон. Я почту за истинное счастие, если удостоюсь вашего доброго мнения, вашей ко мне милости...

Стародум. Граф Честан не свойственник ли вам?

Милон. Он мне дядя.

Стародум. Мне очень приятно быть знакому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил. Он отдаёт вам всю справедливость. Особливые достоинства...

Милон. Это его ко мне милость. В мои лета и в моём положении было бы непростительное высокомерие считать всё то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди.

Правдин. Я наперёд уверен, что друг мой приобретёт вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Он бывал часто в доме покойной сестрицы вашей...

Стародум оглядывается на Софью.

Софья *(тихо Стародуму и в большой робости)*. И матушка любила его, как сына.

Стародум *(Софье)*. Мне это очень приятно. *(Милону.)* Я слышал, что вы были в армии. Неустрашимость ваша...

Милон. Я делал мою должность. Ни лета мои, ни чин, ни положение ещё не позволили мне показать прямой неустрашимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! Будучи в сражениях и подвергая жизнь свою...

Милон. Я подвергал её, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой неустрашимости не имел я ещё никакого случая, испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чём же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце. В нашем воинском ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодною кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоит, следственно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он её никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следственно, нет состояния, которое не могло бы ею отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который, не убояся ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделицу вызовет на дуэль, перед тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нём клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так...

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обойми меня, друг мой! Извини моё простосерде-

чие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в моё воспитание. В твоём вижу я почтению добродетель, управляемую рассудком просвещённым.

Милон. Душа благородная!.. Нет... не могу скрывать более моего сердечного чувства... Нет. Добродетель твоя извлекает силою своею всё таинство души моей. Если моё сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливо, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародум (*к Софье, с радостью*). Как! Сердце твоё умело отличить того, кого я сам предлагал тебе? Вот мой тебе жених...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. (*В восхищении соединяя их руки.*) От всей души моей даю вам моё согласие.

Милон (*обнимая Стародума*). Моё счастье несравненно!
Софья (*целуя руки Стародума*). Кто может быть счастливее меня! (*Вместе.*)

Правдин. Как искренно я рад!

Стародум. Моё удовольствие неизречённо!

Милон (*целуя руку Софьи*). Вот минута нашего благополучия!

Софья. Сердце моё вечно любить тебя будет. <...>

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ III

Милон, Правдин, г-жа Простакова, Простаков и Митрофан.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа в доме! (*Указывая на Милона.*) Чужой пригрозит, приказ мой ни во что!

Простаков. Я ли виноват?
Митрофан. За людей приниматься!
Г-жа Простакова. Жива быть не хочу! (*Вместе.*)

Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель, даёт право вам, как дяде, а вам, как жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!
Простаков. Хороши мы! *(Вместе.)*
Митрофан. Всё к чёрту!

Правдин. Требовать от правительства, чтобы сделанная ей обида наказана была всей строгостью законов. Сейчас представлю её перед суд, как нарушительницу гражданского спокойствия.

Г-жа Простакова *(бросаясь на колени)*. Батюшка! Виновата! <...>

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова *(стоя на коленях)*. Ах, мои батюшки! Повинную голову меч не сечёт. Мой грех! Не погубите меня. *(К Софье.)* Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своём ли ты уме!

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим. Что тебе в голове моей?

Софья *(Стародуму)*. Дядюшка, я своё оскорбление забываю.

Г-жа Простакова *(подымая руки к Стародуму)*. Батюшка! Прости и ты меня грешную. Ведь я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом, да и не надобно быть чёртом.

Милон. И преступление, и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин *(Стародуму)*. Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово перед правительством... и уж спасти её нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей погибели. Я её прощаю.

Все вскочили с колен.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка! Ну, теперь-то дам я зорю[1] канальям, своим людям! Теперь-то я всех переберу поодиночке! Теперь-то допытаюсь, кто из

[1] *Дать зорю* (просторечн.) — наказать, избить.

рук ей выпустил! Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу этой насмешки!

Правдин. А за что вы хотите наказать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин! *(Г-же Простаковой.)* Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен! Да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства[1].

Стародум. Мастерица толковать указы.

Г-жа Простакова. Изволь насмехаться; а я теперь же всех с головы на голову... *(Порывается идти.)*

Правдин *(останавливая её)*. Повремените, сударыня. *(Вынув бумагу и важным голосом Простакову.)* Именем правительства вам приказывают сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило её ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку[2] дом ваш и деревни. <...>

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин, Митрофан, Софья, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыло? Не можно ль как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

Правдин. Я от должности моей не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мне сроку хоть на три дни. *(В сторону.)* Я дала бы себя знать...

---

[1] «Указ о вольности дворянской», изданный в 1762 году Петром III, предоставлял дворянству ряд привилегий, в том числе освобождал дворян от обязательной государственной службы. Простакова же понимает указ как разрешение дворянам делать всё, что им захочется.

[2] Опека — наблюдение за людьми, которые не имеют юридических прав.

Правдин. Ни на три часа.

Стародум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не поправишь.

Г-жа Простакова. Да как же, батюшка, самому входить в мелочи?

Правдин. Это моё дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а...

Г-жа Простакова. А с долгами-то разделаться?.. Недоплачено учителям...

Правдин. Учителям? (*Еремеевне.*) Здесь ли они? Введи их сюда.

Еремеевна. Чай, что прибрели. А немца-то, мой батюшка?..

Правдин. Всех позови.

Еремеевна отходит.

Правдин. Не заботься ни о чём, сударыня, я всех удовольствую.

Стародум (*видя в тоске г-жу Простакову*). Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моём доме моим же рукам и воли нет!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Еремеевна, Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Еремеевна (*вводя учителей, к Правдину*). Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральман (*к Правдину*). Фаше фысоко-и-плакаротие. Изфолили меня к себе прасить?..

Кутейкин (*к Правдину*). Звал был и прийдох.

Цыфиркин (*к Правдину*). Что приказать будет, ваше благородие?

Стародум (*с приходу Вральмана в него вглядывается*). Ба! Это ты, Вральман?

Вральман (*узнав Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это фы, мой милостифый хосподин! (*Целуя полу Стародума.*) Старофенькая ли, мой отес, пошифать исфолишь?

Правдин. Как? Он вам знаком?

Стародум. Как не знаком? Он три года у меня был кучером.

Все показывают удивление.

Правдин. Наемный учитель!

Стародум. А ты здесь и учителем? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за свое не возьмешься.

Вральман. Та што телать, мой патюшка? Не я перфый, не я послетний. Три месеца ф Москфе шаталса песмест, кутшер нихте не ната. Пришло мне липо с колот мереть, липо учитель...

Правдин *(к учителям)*. По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Цыфиркин. Лучше не надо.

Кутейкин. Отпускать изволите? Да прежде разочтемся...

Правдин. А что тебе надобно?

Кутейкин. Нет, милостивый государь, мой счетец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда приходишь, бывало, попустому, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкин! За что это?

Правдин. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

Кутейкин. Это его дело. Не мое.

Правдин *(Кутейкину)*. Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину.)* Тебе много ль заплатить?

Цыфиркин. Мне? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а еще за год ни полушки не заплачено.

Цыфиркин. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

Правдин. А за ученье?

Цыфиркин. Ничего.

Стародум. Как ничего?

Цыфиркин. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Цыфиркин. Не за что. Я государю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, попустому не бирал и не возьму.

Стародум. Вот прямо добрый человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

Правдин. Тебе не стыдно, Кутейкин?

Кутейкин (*потупя голову*). Посрамихся, окаянный.

Стародум (*Цыфиркину*). Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Цыфиркин. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам, не заслужа, век не потребую.

Милон (*давая ему деньги*). Вот ещё тебе, друг мой!

Цыфиркин. И ещё спасибо.

Правдин даёт также ему деньги.

Цыфиркин. Да за что, ваше благородие, жалуете?

Правдин. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркин. И! Ваше благородие. Я солдат.

Правдин (*Цыфиркину*). Поди ж, мой друг, с Богом.

Цыфиркин отходит.

Правдин. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтра да потрудись расчесться с самой хозяйкою.

Кутейкин (*выбегая*). С самой! Ото всего отступаюсь.

Вральман (*Стародуму*). Старофа слуга не остафте, фаше фысокоротие. Фосьмите меня апять к сепе.

Стародум. Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от лошадей?

Вральман. Эй, нет, мой патюшка! Шивучи с стешними хоспотами, касалось мне, што я фсё с лошатками.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и камердинер.

Камердинер (*Стародуму*). Карета ваша готова.

Вральман. Прикашите мне дофести сепя?

Стародум. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья, Правдин, Митрофан, Еремеевна.

Стародум (*к Правдину, держа руки Софьи и Милона*). Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала в обморок.*)

Софья (*подбежав к ней*). Боже мой! Она без памяти.

Стародум (*Софье*). Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин (*Митрофану*). Негодный! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Да она как будто неведомо...

Правдин. Грубиян!

Стародум (*Еремеевне*). Что она теперь? Что?

Еремеевна (*посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин (*Митрофану*). С тобой, дружок, знаю что делать. Пошел-ко служить...

Митрофан (*махнув рукою*). По мне, куда велят.

Г-жа Простакова (*очнувшись в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуда глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот злонравия достойные плоды!

КОНЕЦ КОМЕДИИ.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы думаете, почему комедия начинается сценой с портным Тришкой? Что мы узнаём о жизни в доме Простаковых при внимательном прочтении первого действия?
2. Каковы отношения между людьми в этом доме? Как характеризуются персонажи комедии в явлении VIII четвёртого действия? Какими средствами (юмор, ирония, сарказм и т. д.) пользуется автор для этой характеристики? Про экзамен Митрофана сказано, что в этой сцене происходит столкновение истинного просвещения и воинствующего невежества. Согласны ли вы с этим? Почему?

3. В афише с перечислением действующих лиц указано: Простакова, жена его (господина Простакова). Между тем в комедии её персонажи характеризуют себя иначе: «Это я, сестрин брат», «Я жены муж», «А я матушкин сын». Как вы это объясните? Как вы думаете, почему полным хозяином поместья у Фонвизина оказывается не помещик, а помещица? Связано ли это со временем, когда создана комедия «Недоросль»?
4. Проследите, как развивается конфликт между положительными и отрицательными персонажами. Как в этом конфликте раскрывается идея комедии («Угнетать рабством себе подобных — беззаконно»)?
5*. Кто из действующих лиц, по вашему мнению, больше других удался Фонвизину? Почему? Дайте развёрнутый аргументированный ответ на этот вопрос.
6. Каковы трудности при чтении этой старой комедии? Чем сегодня интересен нам «Недоросль»?

ФОНВИЗИН И КЛАССИЦИЗМ

Творчество Фонвизина, в том числе знаменитая комедия «Недоросль», теснейшим образом связано с особым направлением в литературе и в искусстве (живописи, архитектуре), зародившимся в ряде европейских стран в пору подъёма абсолютизма (личной власти монархов, олицетворявших единство, целостность, суверенитет (независимость) государств) в начале XVII века и получившим название **классицизма** (от лат. *classicus* — образцовый). Влияние классицизма на художественную жизнь Европы XVII—XVIII веков было широким, долговременным и в целом плодотворным.

В литературе классицизм наиболее полно проявился в лирике и в драматургии.

Классицизм считал, что нужно опираться на нормы прекрасного в античном искусстве, т. е. в искусстве Древней Греции и Древнего Рима, которые были изложены в трудах Аристотеля, Горация и других мыслителей и поэтов древности, и строго их соблюдать, не отступая от творческих правил. Эти нормы и правила требовали от искусства, в частности от литературы, ясности изложения, точности выражения мыслей, порядка в построении произведений.

Классицизм отдавал предпочтение культуре перед дикостью и настаивал на том, что природа и жизнь, преобразованные человеком, выше природы и жизни естественной, не подвергнутой ещё благородным усилиям человеческого ума, чувств, воли и рук.

Перед взором классицистов всегда стоял идеал прекрасной и возвышенной жизни, преображённой искусством человека, и противостоящий ему хаос дикой естественной жизни, управляемой непонятными и сковывающими древними законами. Следовательно, классицизму было свойственно отражать жизнь в образах идеальных, тяготеющих ко всеобщей «норме», образцу, которым в классицизме выступает классическая древность как пример совершенного и гармоничного искусства.

Так как в реальной жизни обозначился конфликт между разумом и чувствами, то классицизм стремился к его разрешению и преодолению посредством гармонического и полного сочетания личных интересов человека с велениями разума и нравственного долга. При этом интересы государства считались главными и преобладающими над интересами отдельной личности.

Наибольшего расцвета в литературе классицизма первоначально достигла драма как род словесного и сценического искусства.

Драма (от греч. *drama* — «действие»), как известно, — один из трёх родов литературы, наряду с эпосом и лирикой. Основу драмы, согласно изначальному смыслу слова, составляет действие. В драме перед зрителем или читателем развёртываются явления, составляющие внешний мир.

События предстают в качестве живого, развёртывающегося в настоящем времени (на глазах зрителей) действия, показанного через конфликты и в форме диалога. Драматург исключён из непосредственного действия и не может говорить от своего лица за исключением ремарок, поясняющих действие или поведение персонажей (например, когда то или иное действующее лицо произносит реплику в ответ на слова другого лица, драматург может пометить — «в сторону», т. е. желая скрыть своё мнение).

Классицистическая драма обладает рядом особенностей. Для того чтобы действие сохраняло логическую стройность, классицисты выдвинули требование «трёх единств» — **единства места, единства времени и единства действия.**

Первые два единства очень просты и носили формальный характер, из-за чего впоследствии не удерживались в драматических произведениях.

Единство места требует, чтобы действие происходило в одном помещении и не выходило за его пределы, например в одном доме, но в разных комнатах. Так, действие комедии «Горе от ума» совершается в доме Фамусова, но то в кабинете Фамусова, то в спальне Софии, то в гостиной, то на лестнице и т. д.

Единство времени предполагает, что действие должно начаться и закончиться в течение одних суток. Например, действие начинается с приезда Чацкого в дом Фамусовых утром, а завершается его отъездом ночью.

Единство действия — наиболее принципиальное и глубокое требование теории классицизма. Законы драмы требуют непрерывности и сосредоточенности действия, обусловленного, как правило, характерами героев, особой строгости в ведении сюжета: действие в драме и поведение героев должно быть направлено к одной цели, сохранять связь и стройность композиции во всех сценах и деталях и быть единым, сопряжённым с основным противоборством действующих лиц.

Такое правило к драматическому сюжету и получило название «единство действия». «Действие драмы, — писал В.Г. Белинский, — должно быть сосредоточено на одном интересе и быть чуждо побочных интересов...» Это означает, что в драме всё должно быть направлено к одной цели, к одному намерению.

Благодаря единству действия в драме особенно чётко и последовательно прослеживается трёхчленное развитие сюжета: **завязка — развитие действия** (включая кульминацию) — **развязка**. Внешним выражением последовательности течения драматического действия является членение драмы на акты, каждый из которых является завершённой ступенью развёртывающегося конфликта.

Классицизм строго придерживался так называемой иерархии жанров. **Трагедия, ода, эпопея** относились к «высоким» жанрам. **Комедия, басня, сатира** — к «низким».

В жанре трагедии Франция выдвинула двух крупнейших драматургов — Пьера Корнеля и Жана Расина. В основе их произведений лежит столкновение личных интересов и гражданского долга. В жанре басни прославился Лафонтен, а в жанре комедии — Мольер. Они смеялись над пороками людей, над несправедливыми социальными и общественными условиями и отношениями.

С течением времени противоречия между личностью и государством всё более обострялись. Критике стали подвергаться не только низшие слои населения, непросвещённые и не затронутые деятельностью могучего разума, но и дворянство и духовенство, стоящие на высокой ступени общества. Наступило время комедии.

В основе комического (и смеха) лежит закон несоответствия мнимого (противоположного) истинному, иллюзии — реальности,

ожидаемое — результату. Несоответствие может быть легко обнаружено между словами и делами, как в баснях Крылова, между неоправданно заниженным или чрезмерно преувеличенным событием, несоответствие между претензиями персонажа, как в случае госпожи Простаковой, и её действительной сущностью. Именно на почве несоответствия вырастают такие свойства комедии, как гипербола, заострённость, абсурд, гротеск и её квинтэссенция, часто смешанный со слезами отчаяния, смех. Чем нелепее несоответствия, чем оно более фантастично, тем более реалистичной, жизненно достоверной должна быть обстановка действия. Только в этом случае комедия с её мудрым и возвышающим смехом будет убедительной и нравственно действенной.

Все эти замечания относятся в полной мере и к России, и к русскому классицизму, который обладал рядом национальных особенностей.

В России классицизм возник в 1730—1750-е годы. Для русского классицизма свойственна национально-патриотическая тематика, гражданский пафос, который основывался на крепнущей мощи Русского государства и был связан с преобразованиями Петровской эпохи.

Размышляем о прочитанном

1. В чём заключались основные правила, законы классицизма?
2. Можете ли вы определить, какие свойства классицизма наследует Фонвизин и какие он отвергает или преобразует?
3. Согласны ли вы со следующим высказыванием П. А. Вяземского: «В комедии „Недоросль“ автор имел уже цель важнейшую: гибельные плоды невежества, худое воспитание и злоупотребление домашней власти выставлены им рукою смелою и раскрашены красками самыми независтными. В „Бригадире“ автор дурачит порочных и глупцов, язвит их стрелами насмешки; в „Недоросле“ он уже не шутит, не смеётся, а негодует на порок и клеймит его без пощады... Невежество... в котором рос Митрофанушка, и примеры домашние должны были готовить в нём изверга, какова мать его, Простакова. Роли Милона и Софьи бледны... Правдин чиновник: он развязывает мечом закона сплетение действия, которое должно б быть развязано соображениями автора, а не полицейскими мерами наместника. Кутейкин, Цыфиркин и Вральман забавные карикатуры, последний и слишком карикатура, хотя, к сожалению, и не совсем несбыточное дело, что в старину немец кучер попал в учители в дом Простаковых...». Успех комедии «Недоросль» был решительный. Нравственное действие её несомненно. Некоторые из имён действующих лиц сделались нарицательными и употребляются доныне в народном обраще-

ние. В сей комедии так много действительности, что провинциальные предания именуют ещё и ныне несколько лиц, будто служивших подлинниками автору. Мне самому случалось встретиться в провинции с двумя или тремя живыми экземплярами Митрофанушки, то есть будто служившими образцами Фонвизину... Если правда, что князь Потёмкин после первого представления «Недоросля» сказал автору: «Умри, Денис, или больше ничего уже не пиши», то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фонвизин не писал уже более для театра (Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. — М., 1984. — С. 197—198, 214—222).

4. Почему, с точки зрения Вяземского, положительные герои получились у Фонвизина менее художественно убедительными, чем отрицательные?
5. Прокомментируйте мнение русского историка В. О. Ключевского из его размышления «Недоросль Фонвизина (Опыт исторического объяснения учебной пьесы)»: «Можно без риска сказать, что Недоросль доселе не утратил значительной доли своей былой художественной власти ни над читателем, ни над зрителем, несмотря ни на свою наивную драматическую постройку, ни на каждом шагу обнаруживающую нитки, которыми сшита пьеса, ни на устарелый язык, ни на обветшавшие сценические условности екатерининского театра, несмотря даже на разлитую в пьесе душистую мораль оптимистов прошлого века. ...надобно осторожно смеяться над Митрофаном, потому что Митрофаны мало смешны и притом очень мстительны, и мстят они неудержимой размножаемостью и неуловимой проницательностью своей природы, родственной насекомым или микробам. Да я и не знаю, кто смешон в Недоросле. Г-н Простаков? Он только жалкий, совершенно беспомощный бедняга, не без совестливой чуткости и приметы юродивого, но без капли воли и с замученным до слёз забитою трусостью, заставляющей его подлаживаться даже перед своим сыном. Тарас Скотинин тоже мало комичен в человеке..., для которого свиной хлев заменяет и храм науки, и домашний очаг, — что комичного в этом благородном российском дворянине, который из просветительного соревнования с любимыми животными доразвивался до четвероногия? Не комична ли сама хозяйка дома, госпожа Простакова, урождённая Скотинина? Это лицо в комедии, необыкновенно удачно задуманное психологически и превосходно выдержанное драматически... она глупа и трусливо, т. е. жалка — по мужу, как Простакова, безбожна и бесчеловечна, т. е. отвратительна — по брату, как Скотинина. Недоросль — комедия не лиц, а положений. Её лица комичны, но не смешны, комичны как роли, и вовсе не смешны как люди. Они могут забавлять, когда видишь их на сцене, но тревожат и огорчают, когда встречаешь вне театра, дома или в обществе. Фонвизин заставил печально-дурных и глупых людей играть забавно-весёлые и часто умные роли. Сила впечатления в том, что оно составляется из двух противоположных элементов: смех в театре сменяется тяжёлым раздумьем по выходе из него» (Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. — М., 1990. — С. 342—348).

8. По каким признакам можно определить, что комедия «Недоросль» относится к классицистическим произведениям (единство времени, места...)?

Опыт литературоведческого исследования

В чём разница между суждениями Вяземского и Ключевского и кто из них, по вашему мнению, более прав? Или, возможно, у вас есть другая точка зрения? Изложите её аргументированно в сочинении-исследовании.

Совершенствуйте свою речь

Объясните значения слов, подберите к ним синонимы: [illegible]; [illegible], [illegible], сговор, промешкалось, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible].

Учимся читать выразительно

Подготовьте чтение по ролям сцен комедии, включённых в учебник, особое внимание обратите на речевую характеристику героев.

Иван Андреевич КРЫЛОВ

1769—1844

И. А. Крылов вступил в самостоятельную жизнь с широким кругом интересов, разносторонними знаниями, с удивительной начитанностью в истории, философии, словесности. Ему были ведомы западноевропейская и русская культура.

В 1780-х — начале 1790-х годов он стал известен как сатирик. С первых дней литературной деятельности и до 1810-х годов на сценах домашних и профессиональных столичных театров с успехом шли его комедии «Подщипа», «Пирог», «Модная лавка», «Урок дочкам» и комическая опера «Илья-богатырь». Современники по праву видели в Крылове преемника Д. И. Фонвизина.

Дебют[1] Крылова в жанре басни, если не считать первых басен, созданных в конце XVIII века, совпал с патриотическим воодушевлением, охватившим русское общество в первые годы XIX столетия.

В басне «Обоз» Крылов коснулся стратегии и тактики Кутузова. Известно, что великий полководец подвергался постоянным нападкам со стороны Александра I, выговоры от которого следовали один за другим.

Басни Крылова об Отечественной войне 1812 года «превращались в живую историю, донося до простых солдат и всех русских людей истинный смысл событий».

---

[1] *Дебют* — здесь: начало басенного творчества.

«И. А. Крылов, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский на вечере у В. Ф. Одоевского».
Художник Б. Лебедев. 1947

Тогда же происходило постепенное изменение в общественных и литературных взглядах Крылова, которое состояло в том, что, отбросив абстрактные представления о добре и зле, бедности и богатстве, писатель обратился к реальным отношениям людей в обществе и высказал суждения о них, исходя из конкретных нравственных оценок. Тем самым поэт во многом по-новому взглянул на действительность.

Крылов по-прежнему не принимал существующий порядок, но теперь полагал, что исторически сложившийся общественный строй изживет себя тоже исторически. Иначе говоря, он стоял за постепенное ненасильственное развитие общества. Этот взгляд отразился во многих его баснях. Баснописец отвергал мнение тех, кто не учитывал народного жизненного опыта, кто исходил только из представлений своего ума, как, например, в басне «Лягушки, просящие царя».

Проверьте себя

1. Что нового вы узнали о взглядах великого баснописца?
2. Что вам известно о Крылове (вспомните уроки в предыдущих классах)? Как прошло его детство? Какие басни вы знаете? О чём они?

3. Используя ресурсы Интернета и книгу В. И. Коровина «Поэт и мудрец», подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве И. А. Крылова.

Литература и другие виды искусства

Передаёт ли, на ваш взгляд, художник В. Лебедев отношение писателей к И. А. Крылову?

Обоз

С горшками шёл Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понёс,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хвалёный, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осёл! Добро бы было в гору
Или в ночную пору, —
А то и под гору, и днём!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнём!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезём, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырёх ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,

И. А. Крылов. «Обоз». Художник А. Лаптев. 1944

Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
  Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
  Всё кажется в другом ошибкой нам;
    А примешься за дело сам,
    Так напроказишь вдвое хуже.

О БАСНЕ «ОБОЗ»

Басня касается стратегии и тактики Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Полководец подвергался постоянным нападкам со стороны Александра I и военной молодёжи из-за уклонений от решительных сражений под стенами Москвы и после сдачи её Наполеону. Крылов оправдывает неспешные, но продуманные

действия Кутузова, должные, как понимал баснописец, привести к полному краху Наполеона, и порицал повеления Александра I, торопившего Кутузова и толкавшего его к промахам и ошибкам. Не менее досадны были для Кутузова ропот и горячие нарекания его молодых сподвижников. Вероятно, Крылов не знал о словах, сказанных старым фельдмаршалом принцу Вюртембергскому: «Наши молодые горячие головы негодуют на старика, что я удерживаю их порывы. Они не обращают внимания на обстоятельства, которые делают гораздо более, нежели могло бы сделать наше оружие». Тем знаменательнее историческое, политическое и военное чутьё Крылова, чья басня защищала Кутузова и его план от наскоков нетерпеливых молодых людей. Их патриотические чувства были объяснимы, но не становились от этого истинными.

Тем самым под образом «коня доброго» Крылов имел в виду Кутузова с его осторожностью и выдержкой при отражении наполеоновского нашествия. Обратим внимание, что слова: «А примешься за дело сам, Так напроказишь вдвое хуже» — прозрачный намёк на Александра I, по вине которого было проиграно Аустерлицкое сражение.

В. Коровин

Размышляем о прочитанном

1. О чём рассказывает басня «Обоз»? Какую картину она рисует?
2. В какой степени она напоминает ситуацию с Кутузовым, которого упрекал император за уклонение от решительных сражений? В какой части басни намекает на Аустерлицкое сражение?

Творческое задание

Какова мораль басни Крылова и к каким жизненным обстоятельствам она может быть применена? Подготовьте небольшой рассказ на свободную тему, закончив его моралью этой басни.

Литература и другие виды искусства

Что особенно хорошо удалось передать художнику А. Лаптеву в иллюстрации к басне «Обоз»?

Совершенствуйте свою речь

Объясните значение слов и подумайте, какие из них можно использовать и сегодня в разговорной речи: [illegible].

Проект

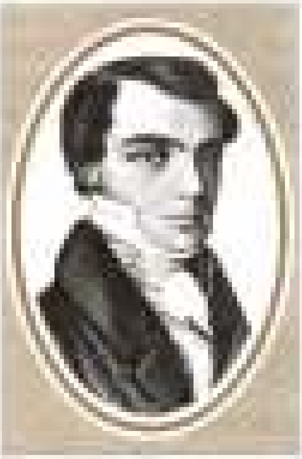
Подготовьте литературный вечер на тему «Баснописцы народов мира». При составлении сценария используйте материалы книги «Читаем, думаем, спорим...» для 8 класса и фонохрестоматию.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

И. А. Крылов. «Обоз»

1. Чему посвящена басня? Вспомните или перечитайте статью В. И. Коровина в учебнике «О басне „Обоз“». Кого высмеивает басня?
2. Какова мораль басни? Как актриса Алина Покровская передаёт характеры «[illegible]» и «[illegible]»? Какие интонации помогают исполнительнице сделать басню смешной и поучительной?
3. В какой степени басня напоминает историческую ситуацию с Кутузовым?
4. К каким жизненным обстоятельствам можно применить мораль этой басни?
5. Какой тон придаёт музыка всей басне и особенно концовке, морали басни?
6. Выучите басню наизусть и прочитайте её выразительно в классе.



Кондратий Фёдорович РЫЛЕЕВ

1795—1826

Кондратий Фёдорович Рылеев родился 18 (29) сентября 1795 года. После окончания кадетского корпуса участвовал в 1814 и 1815 годах в заграничных походах русской армии. Именно в ту пору он, по собственному позднейшему признанию, первоначально «заразился свободомыслием». Русская действительность укрепила революционные убеждения будущего декабриста. В октябре 1823 года Рылеев стал членом Северного тайного общества, ратовал за установление в России республиканского строя. Он был одним из организаторов, вдохновителей и руководителей восстания на Сенатской площади.

Наиболее ранние из известных нам поэтических опытов Рылеева относятся к 1813—1814 годам. В первые семь лет своего творческого пути молодой поэт пробует силы в разных жанрах. Среди его произведений того времени — патриотическая ода и дружеское послание, элегии и песни, эпиграммы[1] и альбомные мелочи.

Осенью 1820 года появляется знаменитая сатира «К временщику». Она привлекла к себе огромное внимание современников и снискала её автору популярность в передовых кругах русского общества. Поразившие всех как выдающееся проявление гражданского мужества, стихи эти в литературном отношении были достаточно традиционны, других подобных сатир Рылеев не писал.

---

[1] *Ода* — жанр торжественного, прославляющего стихотворения. *Дружеское послание* — стихотворное письмо. *Элегия* — стихотворение печального характера, чаще всего от первого лица, без отчётливой композиции. *Эпиграмма* — короткое сатирическое стихотворение, направленное против конкретного лица, либо отклик на злободневное, чаще всего политическое событие.

Интенсивная работа над думами[1] поглотила Рылеева. Только в 1822 году в печати появляется 13 дум, причём некоторые из них перепечатываются по 2—3 раза. Публикации рылеевских дум в журналах и выход книги привлекли к себе внимание литературной общественности и получили почти единодушную благожелательную оценку. Современники отмечали народность и благородные чувствования, заключающиеся в думах Рылеева, его простой и естественный рассказ, чистый и лёгкий язык, наставительные истины и другие достоинства этих произведений.

Проверьте себя

1. Когда началась литературная деятельность К. Ф. Рылеева?
2. Работа над каким жанром увлекла поэта? Почему думы Рылеева получили почти единодушную благожелательную оценку литературной общественности?

Развиваем дар слова

Используя ресурсы Интернета и материалы биографических словарей «Русские писатели XIX века», подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве К. Ф. Рылеева.

Смерть Ермака

П. А. Муханов[2]

Под словом Сибирь разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыше, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависело от России. В 1569 году царь Кучум был принят под руку Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем сибирские татары и подвластные им остяки и вогуличи вторгались иногда в пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на

[1] Дума — эпико-лирический жанр украинского словесно-музыкального народного творчества. Тематика дум по преимуществу историческая. При создании своих дум К. Ф. Рылеев использовал поэтические приёмы украинских народных дум.

[2] П. А. Муханов (1798—1854) — декабрист, историк.

обеспечение сих украйн укреплёнными местами и умножением в них народонаселения. Богатые в то время купцы Строгановы получили во владение обширные пустыни в пределах Пермии: им дано было право заселять их и обработать. Сзывая вольницу, они деятельные помощники обратились к казакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили по Волге промышленников и купеческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро, главный назывался Ермак Тимофеев. Строгановы присоединили к ним 300 человек ратных поселенцев, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отправили за Уральские горы (в 1581 г.). В течение следующего года казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер, изгнали Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трёх лет господствовали в Сибири. Между тем число их мало-помалу уменьшалось, много погибло от оплошности. Свергнутый Кучум бежал в киргизские степи и замышлял способы истребить казаков. В одну тёмную ночь (5 августа 1584 г.), при сильном дожде, он учинил нечаянное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и внезапности удара. Не имея средств к спасению, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, в намерении переплыть на другую сторону, и погиб в волнах. Летописцы представляют сего казака-героя крепкотелым, величавым и широкоплечим; он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, чёрную бороду, тёмные и кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею. В течение XVII века беспрерывными завоеваниями разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного океана.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Своё мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, казачьи челны.
С вождём покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;

К. Ф. Рылеев. «Смерть Ермака».
Художник Б. Дехтерёв

С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать[1] презренный,
Прокрался тайною тропой,

Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега чёлны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает

[1] Тать — вор.

И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывёт... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.

Лишивши сил богатыря
Бороться с яростной волною,
Тяжёлый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии ещё сверкали,
И гром вдали ещё гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Размышляем о прочитанном

1. Подготовьте небольшой рассказ о Рылееве на основе прочитанного о нём в учебнике-хрестоматии, в словаре-справочнике и энциклопедиях.
2. С какой целью перед думой автор даёт историческую справку? Какие события, о которых рассказывается в ней, отражены в произведении?
3. Каковы тема и идея думы Рылеева? Какие чувства стремится передать автор читателю?
4. О чём думает Ермак в ночь перед битвой? Как вы понимаете слова героя: «И мы — не праздно в мире жили»?
5. Как погибла дружина Ермака? В чём видит автор причину её гибели и кого осуждает за это? Какие взгляды Рылеева проявились в думе?
6. Какой эпизод из думы «Смерть Ермака» изобразил художник Б. Дехтерёв?
7. Какие произведения устного народного творчества близки к думам Рылеева?

* * *

Дума — название заимствовано у поляков и украинцев. Так называли рыцарскую песню или народную лиро-эпическую песню. Думы делятся на две основные группы — исторические и социально-бытовые. К какой группе можно отнести думу Рылеева? Почему?

Учимся читать выразительно

Подготовьтесь к выразительному чтению думы в классе, подчеркнув её драматический характер, торжественное звучание.

Творческое задание

Приходилось ли вам слышать исполнение песни на слова рылеевской думы? Какое настроение она у вас вызвала? Сопоставьте произведение Рылеева и текст народной песни.

Совершенствуйте свою речь

1. Как вы понимаете слова и строки из произведения: *[illegible], Иртыш кипел в крутых брегах, И ветры в дебрях бушевали, С [illegible] [illegible] И объятых сном Дружина храбрая боролась, [illegible] [illegible]*?
2. Объясните значение слов и словосочетаний и введите их в свою речь: *[illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] бури, бесперерывно, В стране [illegible], громкозвучная слава, беспечно, сладкий сон, [illegible], не [illegible], благословенные [illegible], [illegible], подкрался, бушевали.*

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

К. Ф. Рылеев. «Смерть Ермака»

1. Какие чувства К. Ф. Рылеева усиливает в своём чтении Сергей [illegible]?
2. Каким настроением проникнуто описание гибели дружины Ермака?
3. Как помогает понять это настроение актёрское чтение?
4. На какое чтение текста настраивает музыка Л. Казаковой (торжественное, скорбное, печальное)?
5. Как прочитал актёр финальную часть думы и какие мысли и чувства вкладывал в неё?
6. Подготовьте выразительное чтение текста.

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

История была неотъемлемой частью жизни и творчества поэта. Пушкину органически присущ историзм, включающий память его собственных предков, прошлое народа, место и роль России в мировой цивилизации и раздумья о её будущем.

Пушкина интересовали важнейшие проблемы истории: народные движения, историческая роль царей, трагизм столкновения государственного и личного начал в истории. Его привлекали переломные моменты российской истории, яркие исторические личности, исторические события, насыщенные глубоким содержанием. Пушкинское отношение к истории было лишено чёрно-белых оценок и подходов.

Большое значение он придаёт силе народного мнения. В «Борисе Годунове» даже измученные голодом и поборами люди из народа способны не только на скорую расправу с ненавистными боярами, но и на сочувствие погибшим родственникам Годунова. Пушкин симпатизирует руководителям народных восстаний (Разин, Пугачёв), но отрицает бунт «бессмысленный и беспощадный». Он показывает Петра I как гениального реформатора, гениального полководца, основателя Петербурга, радетеля о науке и культуре, но, с другой стороны, сочувствует «маленькому человеку», незащищённому и страдающему («Медный всадник»). Понимая величие петровских реформ и их историческую необходимость, Пушкин не мог смириться с подавлением личности и свободы простого человека.

Пушкин выступает не только автором художественных произведений на историческую тему («Капитанская дочка», «Медный всадник» и др.), но также историком («История Пуга-

ческого бунта», «История Петра» и др.). По сути, он был первым историком крестьянской войны под предводительством Пугачёва.

Пушкин внимательно изучает исторические документы (летописи, исторические повести и т. д.), над которыми трудится кропотливо и добросовестно. Источником его исторических взглядов были и устные исторические предания.

В то же время А. С. Пушкин следил за современной ему исторической наукой, откликаясь на труды русских историков. Он обращался к античной и всемирной истории. Всё это помогло ему осознать место России в мировом историческом процессе.

Е. Иванов

Проверьте себя

1. Какие проблемы истории интересовали Пушкина? Как поэт относился к истории? Какие произведения на исторические темы, созданные Пушкиным, вам известны? Каким событиям они посвящены?
2*. Как вы понимаете высказывание поэта: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»?
3*. «В творчестве Шекспира, Гёте, Скотта Пушкина привлекало, — пишет литературовед Л. Фризман, — умение передать историческую действительность как подлинную жизненную правду». Как вы понимаете эти слова?
4. В каком произведении, изученном вами в седьмом классе, Пушкин рассказывает об одном из событий *Древней Руси* и отталкивается при этом от летописного источника? Расскажите об этом.
5. В каком из произведений поэта идёт диалог двух героев в келье Чудова монастыря? Кто эти герои и о чём они ведут разговор? О каком труде усердном, безымянном идёт речь и с какой целью создаются «правдивые сказания»? Из каких произведений эти строки?

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен...

...Младая кровь играет;
Смиряй себя молитвой и постом,
И сны твои видений лёгких будут
Исполнены...

История Пугачёвского бунта

Отрывки

ГЛАВА ВТОРАЯ

Появление Пугачёва. — Бегство его из Казани. — Показания Кожевникова. — Первые успехи Самозванца. — Измена илецких казаков. — Взятие крепости Рассыпной. — Нурали-Хан. — Распоряжения Рейнсдорпа. — Взятие Нижне-Озёрной. — Взятие Татищевой. — Совет в Оренбурге. — Взятие Чернореченской. — Пугачёв в Сакмарске.

В смутное сие время по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому и принимаясь за всякие ремёсла. Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты; оттуда, в конце 1772 года, послан был для закупки рыбы в Яицкий городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова. Он отличался дерзостию своих речей, поносил начальство и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана; он уверял, что и донские казаки не замедлят за ними последовать, что у него на границе заготовлено двести тысяч рублей и товару на семьдесят тысяч и что какой-то паша, тотчас по приходу казаков, должен им выдать до пяти миллионов; покамест обещал он каждому по двенадцати рублей в месяц жалованья. Сверх того, сказывал он, будто бы против яицких казаков из Москвы идут два полка и что около Рождества или Крещения непременно будет бунт. Некоторые из послушных хотели его поймать и представить как возмутителя в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Вольск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогою. Сей бродяга был Емельян Пугачёв, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы, с намерением поселиться на реке Иргизе посреди тамошних раскольников. Он был отослан под стражею в Симбирск, а оттуда в Казань; и как всё, относящееся к делам Яицкого войска, по тогдашним обстоятельствам могло казаться важным, то оренбургский губернатор и почёл за нужное уведомить о том государственную Военную коллегию донесением от 18 января 1773 года.

Примеры бунтовщиков были тогда не редки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачёв содержался в тюрьме не строже прочих невольников. Между тем сообщники его не дремали.

«Внешность Пугачёва. Его жизнь до восстания»

Емельян Пугачёв, Зимовейской станицы служилый казак, был сын Ивана Михайлова, умершего в давних годах. Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худощав; волосы имел тёмно-русые, бороду чёрную, небольшую и клином. Верхний зуб был вышиблен ещё в ребячестве, в кулачном бою. На левом виску имел он белое пятно, а на обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой чёрною немочью. Он не знал грамоты и крестился по-раскольничьи. Лет тому десять женился он на казачке Софье Недюжиной, от которой имел пятеро детей. В 1770 году был он на службе во второй армии, находился при взятии Бендер и через год отпущен на Дон по причине болезни. Он ездил для излечения в Черкасск. По его возвращении на родину зимовейский атаман спрашивал его на станичном сборе, откуда взял он карюю лошадь, на которой приехал домой? Пугачёв отвечал, что купил её в Таганроге; но казаки, зная его беспутную жизнь, не поверили и послали его взять тому письменное свидетельство. Пугачёв уехал. Между тем узнали, что он подговаривал некоторых казаков, поселенных под Таганрогом, бежать за Кубань. Положено было отдать Пугачёва в руки правительству. Возвратясь в декабре месяце, он скрывался на своём хуторе, где и был пойман, но успел убежать; скитался месяца три неведомо где; наконец, в Великом посту, однажды вечером пришёл тайно к своему дому и постучался в окошко. Жена впустила его и дала знать о нём казакам. Пугачёв был снова пойман и отправлен под караулом к сыщику, старшине Макарову, в Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда в Черкасск. С дороги он бежал опять и с тех пор уже на Дону не являлся. Из показаний самого Пугачёва, в конце 1774 года приведённого в Канцелярию дворцовых дел, известно уже было, что после своего побега скрывался он за польской границей, в раскольничьей слободе Ветке; потом взял паспорт

Емельян Пугачёв. Портрет, приложенный А. С. Пушкиным к изданию «История Пугачёвского бунта»

о Добрянском форпосте, сказавшись выходцем из Польши, и пробирался на Яик, питаясь милостынею. — Все сии известия были обнародованы; между тем правительство запретило народу толковать о Пугачёве, коего имя волновало чернь. Сия временная полицейская мера имела силу закона до самого восшествия на престол покойного государя, когда разрешено было писать и печатать о Пугачёве. Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных.

«Пугачёв под Курмышем»

...20 июля Пугачёв под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтён возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачёву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мёртвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была её дворовыми людьми. Пугачёв не-

лел раздать чувашам казённое вино, повесил несколько дворян, приведённых к нему крестьянами их, и пошёл к Ядринску, оставя город под начальством четырёх яицких казаков и дав им в распоряжение шестьдесят приставших к нему холопьев. Он оставил за собою малую шайку для задержания графа Меллина. Михельсон, пришедший в Арзамас, отрядил Харина к Ядринску, куда спешил и граф Меллин. Пугачёв, узнав о том, обратился к Алатырю; но, прикрывая своё движение, послал к Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а после сего встречена графом Меллиным и совсем рассеяна. Меллин поспешил к Алатырю, мимоходом освободил Курмыш, где повесил несколько мятежников, а казака, назвавшегося воеводою, взял с собою, как языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшие самозванцу, оправдывались тем, что присяга дана была ими не от искреннего сердца, но для наблюдения интереса её императорского величества.

«Пугачёв пойман...»

...Пугачёв скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллин и Муфель, также переправившиеся через Волгу, отрезывали ему дорогу к северу; лёгкий полевой отряд шёл ему навстречу из Астрахани; князь Голицын и Мансуров пресекали его от Яика; Дундуков с своими калмыками рыскал по степи; разъезды учреждены были от Гурьева до Саратова и от Чёрного до Красного Яра. Пугачёв не имел средств выбраться из сетей, его стеснявших. Его сообщники, с одной стороны, видя неминуемую гибель, а с другой — надежду на прощение, стали сговариваться и решились выдать его правительству.

Пугачёв хотел идти к Каспийскому морю, надеясь как-нибудь пробраться в киргиз-кайсацкие степи. Казаки на то притворно согласились; но, сказав, что хотят взять с собою жён и детей, повезли его на Узени, обыкновенное убежище тамошних преступников и беглецов. 14 сентября они прибыли в селения тамошних староверов. Тут произошло последнее совещание. Казаки, не согласившиеся отдаться в руки правительства, рассеялись. Прочие пошли ко ставке Пугачёва.

Пугачёв сидел один в задумчивости. Оружие его висело в стороне. Услыша вошедших казаков, он поднял голову

и спросил, чего им надобно? Они стали говорить о своём отчаянном положении и между тем, тихо подвигаясь, старались загородить его от висящего оружия. Пугачёв начал опять их уговаривать идти к Гурьеву городку. Казаки отвечали, что они долго ходили за ним и что уж ему пора ехать за ними. «Что же? — сказал Пугачёв, — вы хотите изменить своему государю?» — «Что делать!» — отвечали казаки и вдруг на него кинулись. Пугачёв успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. «*Я давно видел вашу измену*», — сказал Пугачёв и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: «*вяжи!*» Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачёв не дался. «*Разве я разбойник?*» — говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачёв им угрожал местью великого князя. Однажды нашёл он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтобы вязали изменников. Но никто уже его не слушал. Казаки, подъехав к Яицкому городку, послали уведомить о том коменданта. Казак Харчев и сержант Бардовский высланы были к ним навстречу, приняли Пугачёва, посадили его в колодку и привезли в город, прямо к гвардии капитан-поручику Маврину, члену следственной комиссии.

Маврин допросил самозванца. Пугачёв с первого слова открылся ему. «*Богу было угодно*, — сказал он, — *наказать Россию через моё окаянство*». — Велено было жителям собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержавшиеся в оковах. Маврин вывел Пугачёва и показал его народу. Все узнали его; бунтовщики потупили головы. Пугачёв громко стал их уличать и сказал: «*Вы погубили меня; вы несколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойного государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то всё, что ни делал, было с вашей воли и согласия; вы же поступали часто без ведома моего и даже вопреки моей воли*». Бунтовщики не отвечали ни слова.

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынников, что Пугачёв был связан его сообщниками и что они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги и набрёл на огни, раскладенные в степи кочующими киргизами. Суворов на

них напал и прогнал, потеряв несколько человек и между ними своего адъютанта Максимовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Симонов сдал ему Пугачёва. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повёз его в Симбирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачёв сидел в деревянной клетке на двухколёсной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался.

...Народ живо ещё помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он пугачёвщиною.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА, РАЗВИТАЯ В ВЫМЫШЛЕННОМ ПОВЕСТВОВАНИИ»

А. С. Пушкин заинтересовался событиями Пугачёвского бунта (судя по его письму к брату) в 1824 году, во время михайловской ссылки; просил прислать известный, даже модный (хотя, как оказалось, полный нелепостей и вздора) роман «Ложный Пётр III, или Жизнь и похождения бунтовщика Емельяна Пугачёва».

Летом 1832 года (или, как полагают пушкинисты, несколько ранее) Пушкин набросал первый известный нам план повести или романа, в котором угадываются черты будущей «Капитанской дочки». Через некоторое время появился второй, а потом и третий; под ним — дата: «31 янв. 1833», но роман еще не шёл... Почему? — Одну из причин видим в том, что Пушкин, скорее всего, не столь хорошо знал эпоху Пугачёвского бунта, чтобы писать исторический роман.

Пушкин изучил газеты и книги и вскоре уже знал всё, что было обнародовано правительством касательно Пугачёва.

В начале февраля 1833 года Пушкин обратился к военному министру графу Александру Ивановичу Чернышёву с просьбой о разрешении пользоваться материалами военного архива. Своё желание объяснил намерением писать «Историю генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского», но занимал Пушкина не блистательный полководец, а запрещённый мужицкий царь Емелька Пугачёв; истинные намерения до поры до времени приходилось скрывать.

Ответ пришёл быстро — разрешение было получено. В конце февраля — начале марта Пушкин уже знакомился с материалами Секретной экспедиции Военной коллегии, архивными материала-

Карта-схема путешествия А. С. Пушкина

ии Главного штаба, а в апреле приступил к «Истории Пугачёва» и всего за пять недель вчерне завершил работу. Такая быстрота объясняется тем, что «История...» задумывалась, вероятно, как введение к роману, однако стремительно перерастала в самостоятельное исследование, не перечёркивающее замысел романа, но составляющее его выверенную историческую основу.

В сентябре Пушкин побывал в местах Пугачёвского бунта — в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге, Уральске, опрашивал стариков, современников и свидетелей крестьянской войны, записывал их рассказы, предания, песни, собирал материалы в провинциальных архивах.

В октябре приехал в Болдино, привёл здесь в порядок бумаги, написал новое предисловие к «Истории Пугачёва» и, вернувшись в Петербург, обратился к начальнику III отделения его императорского величества канцелярии генерал-адъютанту А. Х. Бенкендорфу с письмом:

«Милостивый государь
граф Александр Христофорович!

<...> Хотя я и как можно реже старался пользоваться драгоценным мне дозволением утруждать внимание государя императора, но ныне осмеливаюсь просить на то высочайшего соизволения. Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачёва, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал историю Пугачёвщины. Осмеливаюсь просить через Ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение.

Царь рукопись прочитал, внёс 23 поправки, заметил, что название «История Пугачёва» лучше заменить на «Историю Пугачёвского бунта» (с чем Пушкин согласился: «царское название, признаемся, точнее»), и не только разрешил печатать книгу, но и расходы по изданию взял на свой счёт. Пушкин заимообразно получил ссуду в 20 000 рублей.

В декабре 1834 года «История Пугачёвского бунта» вышла в свет. Встретили книгу холодно. Тираж раскупался плохо, а министр народного просвещения Сергей Семёнович Уваров кричал о ней как о возмутительном сочинении. В пушкинское время слово «возмутительный» имело следующее значение: «волновать, тревожить, беспокоить, побуждать к ропоту, неудовольствию, к мятежу, производить восстания».

Что же так взволновало, встревожило министра? Что «возмутительного» нашёл он в «Истории Пугачёвского бунта»? В чём вообще значение этого исторического труда великого Поэта России?

Пушкин первым пробил брешь в указе о предании вечному забвению самого имени Емельяна Пугачёва. Он использовал не только официальные источники, малочисленные и откровенно враждебные бунтовщикам, но и неопубликованные, в том числе мемуарные, предоставленные друзьями, знакомыми, а также найденные или записанные им самим.

О восстании 1773—1774 годов Пушкин, гениальный ученик и последователь Николая Михайловича Карамзина, «рассказывал со всею верностию историка». Он создал первую в России научно-художественную летопись событий Пугачёвского бунта, которая и по сей день не утратила своего значения; скорее, наоборот: исторических работ, объективно, без классовых или идеологических пристрастий анализирующих одну из самых трагичных страниц отечественной истории, у нас, к сожалению, нет до сих пор.

Пушкинское изображение мятежников и событий существенно отличалось от официальной точки зрения на восстание, потрясшее Россию, и Сергей Семёнович Уваров о «возмутительном» характере «Истории Пугачёвского бунта» кричал не случайно: пушкинский Пугачёв не патологический изверг, вставший во главе людей, доведённых до крайности. Причины бунта (официальная историография их не называет!) Пушкин склонен был видеть в произволе чиновников, угнетавших казаков, в непродуманных и жестоких действиях правительственной администрации, в отсутствии законов, несвободе закрепощённого народа, беззащитного и бесправного.

Написав «Историю Пугачёвского бунта», Пушкин не упустил «случая, чтобы сделать доброе». Научный труд стал основани-

ем исторического романа, в котором социальные проблемы и сами события отступают на второй план, ибо писателя в первую очередь интересуют люди — их миропонимание, характеры, их представления о вечных ценностях — о Боге, добре и зле, долге, чести, совести, о смысле жизни.

Роман «Капитанская дочка» неразрывно связан с «Историей Пугачёвского бунта», хотя чаще всего эти произведения противопоставляют друг другу, не замечая или не видя их внутреннего единства.

В. А. Кожевников

* * *

Прочитайте вслух в классе отрывок из «Истории Пугачёвского бунта», постарайтесь пересказать прочитанное, сохраняя характерную для этого текста лексику.

Капитанская дочка

Береги честь смолоду.
Пословица.

Глава I
Сержант гвардии[1]

— Был бы гвардии он завтра ж капитан.
— Того не надобно; пусть в армии послужит.
— Изрядно сказано! Пускай его потужит...

. . . .

Да кто его отец?

Княжнин[2].

Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в молодости своей служил при графе Минихе[3] и вышел в отставку премьер-майором[4] в 17.. году. С тех пор жил он в своей симбир-

---

[1] *Гвардия* — привилегированные отборные войска. Первые гвардейские полки (Преображенский, Семёновский) появились в России при Петре I. В отличие от остальных полков армии пользовались особыми преимуществами.

[2] *Я. Б. Княжнин* (1742—1791) — русский писатель, драматург.

[3] *Б. Х. Миних* (1683—1767) — военачальник и политический деятель XVIII века, возглавлял русские войска в войне с Турцией в 1735—1739 годах.

[4] *Премьер-майор* — старинный офицерский чин (приблизительно соответствует должности помощника командира полка).

ской деревне, где я женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сёстры умерли во младенчестве. Матушка была ещё мною брюхата, как уже я был записан в Семёновский полк сержантом[1], по милости майора гвардии князя В., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному[2] Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки[3]. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого[4] кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза[5], мосье[6] Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причёсан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel[7], не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и врагом *бутылки*, то есть (говоря по-

---

[1] В XVIII веке дворянских детей с малых лет приписывали в какой-либо полк. Пока они росли, их повышали в чинах.

[2] *Стремянный* — слуга, ухаживающий за верховой лошадью своего господина.

[3] *Дядька* — слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье.

[4] *Борзый* — охотничья собака особой породы.

[5] Обычай приглашать иностранцев для воспитания детей широко распространился среди дворян в XVIII веке. Гонясь за модой, некультурные помещики часто нанимали воспитателями малообразованных иностранцев.

[6] *Мосье* (в просторечии *мусье*) (фр. monsieur) — господин.

[7] Чтобы стать учителем. Русское слово учитель дано во французском написании для придания ему комического оттенка.

русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причём учителя обыкновенно и обносили[1], то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать её винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту[2] обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочёл наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора[3] я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошёл в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из неё змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошёл в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дёрнул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мертвецки пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича.

Тем и кончилось моё воспитание.

---

[1] *Обносили* — здесь: пропускали, угощая вином.

[2] *Контракт* — договор, письменное соглашение.

[3] *Ментор* — наставник, воспитатель (от собственного имени героя древнегреческой поэмы «Одиссея», воспитателя сына итакийского царя Одиссея).

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь[1], ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он её без особенного участия, и чтение это производило в нём всегда удивительное волнение желчи[2]. Матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи[3], всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал уж из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!..[4] Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!..[5] А давно ли мы?..» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошёл семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тётушка Настасья Герасимовна, и когда ещё...

— Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни.

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слёзы потекли по её лицу.

Напротив того, трудно описать моё восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свобо-

---

[1] Придворный календарь (годы издания 1735—1917), помимо календарных и других сведений, содержал списки высших военных и гражданских чинов, росписи дворцовых приёмов и др.

[2] Т. е. вызывало раздражение, злобу.

[3] Свычаи и обычаи (устар.) — привычки.

[4] Генерал-поручик — один из высших военных чинов царской армии.

[5] Кавалер — лицо, награждённое орденом. Имеются в виду два высших российских ордена — Андрея Первозванного и Александра Невского.

де, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семёновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать [1] да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон [2]. Записан в гвардии! Где его пашпорт? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в её шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочёл его со вниманием, положил перед собою на стол и начал своё письмо.

Любопытство меня мучило: куда же отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо весёлой петербургской жизни ожидала меня скука

---

[1] *Мотать* — бесполезно тратить деньги на развлечения и удовольствия.

[2] *Шаматон* (франц., устар.) — гуляка, шалопай, бездельник.

скуке в стороне глухой и отдалённой. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжёлым несчастием. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка[1]; уложили в неё чемодан, погребец[2] с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь моё здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошёл бродить по всем комнатам. Вошед в биллиардную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными чёрными усами, в халате, с кием[3] в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркёром[4], который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четвереньках. Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки на четвереньках становились чаще, пока, наконец, маркёр остался под биллиардом. Барин произнёс над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр[5]

---

1 Кибитка — крытая повозка.
2 Погребец (устар.) — дорожный сундучок для посуды и съестных припасов.
3 Кий — палка, употребляемая в бильярдной игре.
4 Маркёр (фр.) — лицо, прислуживающее при бильярде.
5 Ротмистр — офицерский чин в кавалерии (соответствовал чину капитана в пехоте).

гусарского полка и находится в Симбирске при приёме рекрут[1], а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем Бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на биллиарде. «Это, — говорил он, — необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придёшь в местечко — чем прикажешь заняться?.. Поневоле пойдёшь в трактир и станешь играть на биллиарде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убеждён и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу[2], не для выигрыша, а так, чтобы только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу[3] и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлёбывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркёра, который считал Бог ведает как, час от часу умножал игру, словом, — вёл себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедем к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминут-

---

[1] *Рекрут* (устар.) — солдат-новобранец, лицо, только что принятое на военную службу. Здесь употреблена устаревшая форма родительного падежа множественного числа (вместо *рекрутов*).

[2] *Грош* — в XVIII веке монета в две копейки.

[3] *Пунш* — напиток из рома, вскипячённого с сахаром, водой и фруктовыми приправами.

не мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвёз меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? — сказал он жалким голосом, — где ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого греха не бывало!» — «Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь, — ты, верно, пьян, пошёл спать... и уложи меня».

На другой день я проснулся с головною болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Пётр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошёл? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволили брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: „Мадам, же ву при[1], водкю!" Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда, бывало, примется за проповедь. «Вот видишь ли, Пётр Андреич, каково подгуливать. И головке-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с мёдом, а всего лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошёл и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул её и прочёл следующие строки:

«Любезный Пётр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый к услугам
Иван Зурин».

[1] Сударыня, я вас прошу (фр.).

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был *и денег, и белья, и дел моих рачитель*[1], приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» — спросил изумлённый Савельич. — «Я их ему должен», — отвечал я со всевозможной холодностию. «Должен! — возразил Савельич, час от часу приведённый в большее изумление, — да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то неладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

Я подумал, что если в сию[2] решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно будет мне освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражён моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Пётр Андреич, — произнёс он дрожащим голосом, — не умори меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, окроме как в орехи...» — «Полно врать[3], — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взашей прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошёл за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребёнок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывести меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С неспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

---

[1] *«И денег, и белья, и дел моих рачитель»* — цитата из стихотворения «Послание к слугам моим» Д. И. Фонвизина. *Рачитель* (книжн., устар.) — человек, заботящийся о чём-либо, ведающий чем-либо.

[2] *Сей, сия, сие* (устар.) — этот, эта, это.

[3] *Врать* — здесь (устар.): болтать.

Глава II
Вожатый

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашёл,
Что не добрый ли да меня конь завёз:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня.

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение моё в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке[1], отворотясь от меня, и молчал, изредка только покряхтывая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал, с чего начать. Наконец я сказал ему:

— Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперёд вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся.

— Эх, батюшка Пётр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашёл к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьёт и играет.

Чтобы утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё ещё изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

[1] Облучок — сиденье для кучера в повозке.

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?

— Время ненадёжно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу[1].

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слыхал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силён; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции[2] и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось с снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»...

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностию, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

— Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением.

— Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом.

Я стал было его бранить. Савельич за него заступился.

— И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу! — Саве-

---

[1] Пороша — только что выпавший снег.

[2] Станция — пункт остановки и смены лошадей на больших дорогах, почтовых трактах.

ямщик был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила[1] или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то чёрное.

— Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?

Ямщик стал всматриваться.

— А Бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек.

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

— Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая, — дорожный, — слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да, вишь, какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уже решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав.

«В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло;

[1] *Жило* (устар.) — жильё.

ехать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушиваясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку[1], закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю[2] с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность[3], уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буря ещё свирепствовала и мы ещё блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почёл бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели, матушка приподнимает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего вижу в постели лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне

[1] Циновка — здесь: занавеска из плетёной рогожи.
[2] Соображая — здесь: сопоставляя, сравнивая.
[3] Существенность (устар.) — действительность, окружающая жизнь.

стати просить благословения у мужика?» — «Всё равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны.

Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дёргал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран ещё продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий[1] казак, казался мужик лет шестидесяти, ещё свежий и бодрый. Савельич внёс за мною погребец, потребовал огня, чтобы готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошёл хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

— Здесь, ваше благородие, — отвечал мне голос сверху.

Я взглянул на полати и увидел чёрную бороду и два сверкающих глаза.

— Что, брат, прозяб?

— Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечор у целовальника[2]: мороз показался не велик.

В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с

[1] *Яицкий* — живущий на реке Яик (после Пугачёвского восстания Яик был переименован Екатериной II в Урал, чтобы само название реки не напоминало о Пугачёве).

[2] *Целовальник* (устар.) — продавец вина в питейном доме, кабаке.

полатей. Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волосы были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднёс ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца[1] штоф[2] и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне[3] звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте[4].

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье! — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, умёт, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань[5]. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лёг на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

---

[1] Ставец (устар.) — кухонный шкаф для посуды.

[2] Штоф — бутыль (объёмом 1/10 ведра).

[3] Вечерня — вечернее церковное богослужение.

[4] Погост — кладбище.

[5] Пристань — здесь: пристанище, приют, убежище.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помочь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился.

— Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать.

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения.

— Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп.

— Помилуй, батюшка Пётр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьёт, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует[1] шубу с своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи Владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новешенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел

---

[1] *Жаловать* (устар.) — награждать, дарить.

и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своём вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времён Анны Иоанновны[1], а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро. «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был ещё твоих лет; а теперь вот уж какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания: «Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство»... Это что за серемонии? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад[2]?.. «ваше превосходительство не забыло»... гм... «и... когда... покойным фельдмаршалом[3] Мин... походе... также и... Каролинку»... Эхе, брудер[4]! так он ещё помнит стары наши проказ? «Теперь о деле... К вам моего повесу»... гм... «держать в ежовых рукавицах»... Что такое ешовы рукавиц? Это, должно быть, русска поговорк... Что такое «дершать в ешовых рукавицах»? — повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

— Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно ешовы рукавицы значит не то... «При сём... его паспорт»... Где ж он? А, вот... «отписать в Семёновский»...

[1] Анна Иоанновна (1693—1740) — русская царица.
[2] Друг, товарищ (нем.).
[3] Фельдмаршал — высший военный чин в царской армии.
[4] Брат (нем.).

Хорошо, хорошо: всё будет сделано... «Позволишь без чинов обнять тебя и... старым товарищем и другом» — а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — всё будет сделано: ты будешь офицером переведён в *** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние[1] вредно молодому человеку. А сегодня милости просим отобедать у меня.

«Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что почти в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроём с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

ГЛАВА III
КРЕПОСТЬ

Мы в фортеции[2] живём,
Хлеб едим и воду пьём;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня.

Старинные люди, мой батюшка.

«Недоросль».

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река ещё не замёрзала, и её свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними

[1] Рассеяние — здесь развлечения, праздное времяпрепровождение.
[2] Фортеция (устар.) — крепость.

простирались картинные степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро.

— Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика.

— Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна.

Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы[1], башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окружённой бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирды сена, полузанесённые снегом; с другой — скривившаяся мельница, с лубочными[2] крыльями, лениво опущенными.

— Где же крепость? — спросил я с удивлением.

— Да вот она, — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в неё въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошёл в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид[3], сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зелёного мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошёл в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский[4] за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки[5],

---

[1] *Бастион* — один из видов крепостных укреплений.

[2] *Лубочный* — здесь: лубяной, сделанный из липового луба, т. е. коры.

[3] *Инвалид* — здесь (устар.): военнослужащий, пострадавший на службе.

[4] *Диплом офицерский* — свидетельство о присвоении офицерского звания.

[5] *Лубочные картинки* — дешёвые картинки, отпечатанные с гравированных липовых досок, лубков.

представлявшие взятие Кистрина и Очакова[1], также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире.

— Что вам угодно, батюшка? — спросила она, продолжая своё занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мою речь. «Ивана Кузмича дома нет, — сказала она, — он пошёл в гости к отцу[2] Герасиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника[3]. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова была воля начальства. «Чаятельно[4], за неприличные гвардии офицеру поступки», — продолжал неутомимый вопрошатель[5]. «Полно врать пустяки, — сказала ему капитанша, — ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...). А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведён за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собой шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да ещё при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

---

[1] *Кистри́н (Кюстри́н)* — прусская крепость, осаждённая русскими войсками в 1758 году; *Очаков* — турецкая крепость, взятая русскими в 1737 году.

[2] *Отец* — так называли священника.

[3] *Уря́дник* — лицо младшего командного состава в казачьих войсках царской армии.

[4] *Чаятельно* (устар.) — вероятно, по-видимому.

[5] *Вопроша́тель* (устар.) — спрашивающий, задающий вопрос.

В эту минуту вошёл урядник, молодой и статный казак. «Максимыч! — сказала ему капитанша. — Отведи господину офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врёшь, Максимыч, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка?» — «Пётр Андреич». — «Отведи Петра Андреича к Семёну Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну что, Максимыч, всё ли благополучно?»

— Всё, слава Богу, тихо, — отвечал казак, — только капрал[1] Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иван Игнатьич! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи. Ну, Максимыч, ступай себе с Богом. Пётр Андреич, Максимыч отведёт вас на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядник привёл меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьёю Семёна Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной горницы, довольно опрятной, разделённой надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осуждён я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошёл от окошка и лёг спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи владыко! Ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась и ко мне вошёл молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу

---

[1] Капрал — первый после рядового чин в армии XVIII века.

с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймёте, когда проживёте здесь ещё несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный[1] из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остёр и занимателен. Он с большой весёлостью описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошёл ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фрунт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и китайчатом[2] халате. Увидя нас, он к нам подошёл, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он попросил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами.

— А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть.

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною, как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали на стол. «Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачёсанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на неё с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава Богу, ученье не уйдёт; успеет накричаться». Капитан вскоре явил-

[1] *Выписанный* — здесь: исключённый, переведённый из гвардии.
[2] *Китайчатый* — сшитый из китайки — хлопковой гладкой дешёвой преимущественно синей ткани.

ся, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? — сказала ему жена. — Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовёшься». — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузмич, — я был занят службой: солдатушек учил». — «И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не даётся, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился, так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава Богу, живём помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое[1]? частый гребень, да веник, да алтын[2] денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдётся добрый человек; а то сиди себе в девках вековечной невестою». Я взглянул на Марью Ивановну: она вся покраснела, и даже слёзы капнули на её тарелку. Мне стало жаль её, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я. «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи Господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрёт! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь,

[1] Приданое — имущество, даваемое родными невесте при выдаче её замуж.

[2] Алтын — старинная русская монета (равна трём копейкам).

как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин. — Иван Кузмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузмич, — баба-то не робкого десятка.

— А Марья Ивановна? — спросил я, — так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала её мать. — Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страху на тот свет не отправилась. С тех пор уж и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошёл к Швабрину, с которым и провёл целый вечер.

Глава IV
Поединок

— Ин изволь, и стань же
в позитуру[1].
Посмотришь, проколю как я
твою фигуру!
Княжнин.

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностию. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашёл благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже

[1] Позитура — поза, положение, принимаемое при дуэли на шпагах.

к Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведён в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но ещё не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первою вестовщицею[1] во всём околотке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчёт семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междоусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков[2], несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понёс её к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочёл ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь[3] прекрасную забыть,

---

[1] Вестовщица (устар.) — любительница разносить новости.
[2] А. П. Сумароков (1717—1777) — русский поэт и драматург.
[3] Тщусь (устар.) — напрасно стараюсь.

И ах, Машу избегая,
Мышлю[1] вольность получить!

Но глаза, что мя[2] пленили,
Всеминутно предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнав мои напасти[3],
Сжалься, Маша, надо мной,
Зря[4] меня в сей лютой части[5],
И что я пленен тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следующей. Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

— Потому, — отвечал он, — что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского[6], и очень напоминают мне его любовные куплетцы[7].

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозою. «Посмотрим, — сказал он, — сдержишь ли ты своё слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твоё дело, — отвечал я нахмурясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

---

1 Мышлю — мыслю, думаю.
2 Мя (устар.) — меня.
3 Напасти (разг.) — беды, горе, страдания.
4 Зря (устар.) — видя.
5 Часть (устар.) — здесь: участь, судьба.
6 *В. К. Тредиаковский* (1703—1769) — русский поэт, переводчик, теоретик литературы. Нередко подвергался несправедливым обвинениям в бездарности и нападкам со стороны литературных противников.
7 Куплеты — строфы, части песни.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, — но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серёг.

Кровь моя закипела.

— А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая своё негодование.

— А потому, — отвечал он с адскою усмешкою, — что знаю по опыту её нрав и обычай.

— Ты лжёшь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжёшь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменился в лице.

— Это тебе так не пройдёт, — сказал он, стиснув мне руку. — Вы мне дадите сатисфакцию[1].

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкою в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму. «А, Пётр Андреич! — сказал он, увидя меня, — добро пожаловать! Как это вас Бог принёс? по какому делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. «Вы изволите говорить, — сказал он мне, — что хотите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

— Точно так.

— Помилуйте, Пётр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж

[1] Сатисфакция — удовлетворение (в данном случае это означает вызов на дуэль).

заколете вы его: Бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своём намерении. «Как вам угодно, — сказал Иван Игнатьич, — делайте как разумеете. Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся; что за невидальщина, смею спросить? Слава Богу, ходил я под шведа и под турку[1]: всего насмотрелся».

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша, — сказал он. — Коли уж мне и ввязаться в это дело, то разве пойти к Ивану Кузмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодействие, противное казённому интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять подлежащие меры...»

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступиться.

Вечер провёл я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться весёлым и равнодушным, дабы[2] не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов; но, признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моём положении. В этот вечер я расположен был к нежности и умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу её в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвёл его в сторону и уведомил его о своём разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданты, — сказал он мне сухо, — без них обойдёмся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, — сказал он мне с довольным видом, — худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

[1] Т. е. участвовал в войнах со шведами и с турками.
[2] Дабы (устар.) — чтобы.

— Что, что, Иван Игнатьич? — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, — я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня своё обещание, смутился и не знал, что отвечать. Швабрин подоспел к нему на помощь.

— Иван Игнатьич, — сказал он, — одобряет нашу мировую.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

— За что так?

— За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось?

— Да вот как: Пётр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел её при мне, а я затянул мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.

Вышла разладица. Пётр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем дело и кончилось.

Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков[1]; по крайней мере, никто не обратил на них внимания. От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее.

Присутствие Швабрина было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и его семейством; пришед домой, осмотрел свою шпагу, попробовал её конец и лёг спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, — сказал он мне, — надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних кам-

---

[1] Обиняки — намёки.

камзолах[1] и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирды вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вёл нас в торжестве, шагая с удивительной важностию.

Мы вошли в комендантский дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно: «Привёл!» Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузмич, сейчас их под арест! Пётр Андреич! Алексей Иваныч! Подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Пётр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в Господа Бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь?»

Иван Кузмич вполне соглашался с своею супругою и приговаривал: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле[2]». Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всём моём уважении к вам, — сказал он ей хладнокровно, — не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дело». — «Ах, мой батюшка! — возразила комендантша, — да разве муж и жена не един дух и едина плоть? Иван Кузмич! Что ты зеваешь? Сейчас рассади их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию[3], чтоб молили у Бога прощения да каялись перед людьми».

Иван Кузмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги.

---

[1] *Камзол* — короткая мужская одежда без рукавов, вроде жилета.

[2] *Воинский артикул* — сборник законов о воинских обязанностях, преступлениях и наказаниях, действовавший в XVIII — начале XIX века.

[3] *Эпитимия (епитимья)* — церковное наказание (поклоны, пост, длительные молитвы).

Мы вышли от коменданта, по-видимому, примирёнными. Иван Игнатьич нас сопровождал. «Как вам не стыдно было, — сказал я ему сердито, — доносить на нас коменданту после того, как дали мне слово того не делать?» — «Как Бог свят, я Ивану Кузмичу того не говорил, — отвечал он. — Василиса Егоровна выведала всё от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава Богу, что всё так кончилось». С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», — сказал я ему. «Конечно, — отвечал Швабрин, — вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» — И мы расстались как ни в чём не бывало.

Возвратясь к коменданту, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна с нежностию выговаривала мне за беспокойство, причинённое всем моею ссорою с Швабриным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю, верно б, они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнию, но и совестию и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иваныч».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Савельич останавливает дуэль.
Художник П. Соколов. 1891

— Как изволите видеть. Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин её преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне ещё более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне ещё сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдём к реке. Там ни-

кто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своё имя, громко произнесённое. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегающего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже плеча; я упал и лишился чувств.

Глава V
Любовь

Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная.

Буде[1] лучше меня найдешь, позабудешь,
Если хуже меня найдешь, воспомянешь.

То же.

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи[2], которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрыпнула дверь. «Что? каков?» — произнёс пошепту голос, от которого я затрепетал. «Всё в одном положении, — отвечал Савельич со вздохом, — всё без памяти, вот уже пятые сутки». Я хотел оборотить-

[1] *Буде* (устар.) — если.
[2] *Перевязь* (устар.) — повязка.

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Художник А. Бенуа

ся, но не мог. «Где я? кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» — сказала она. «Слава Богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна? скажите мне...» — я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнился! опомнился! — повторял он. — Слава тебе, Владыко! Ну, батюшка Пётр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна прервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, — сказала она. — Он ещё слаб». Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. Итак, я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне. Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос её меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чув-

ства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил её руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала её... и вдруг её губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей, — будь моею женой, согласись на моё счастие». Она очнулась. «Ради Бога, успокойтесь, — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы ещё в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастие воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла всё моё существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава Богу, не умничал. Молодость и природа ускорили моё выздоровление. Всё семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она без всякого жеманства[1] призналась мне в сердечной склонности и сказала, что её родители, конечно, рады будут её счастию. «Но подумай хорошенько, — прибавила она, — со стороны твоих родных не будет ли препятствия?»

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет на неё смотреть как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его, и предалась чувствам нежного своего сердца со всею доверчивостию молодости и любви.

С Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: «Эх, Пётр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня таки сидит в хлебном магазине под

[1] *Жеманство* — слащавая изысканность, манерность в обращении.

караулом, а шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается да раскается». Я слишком был счастлив, чтобы хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант, с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрин пришёл ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы незлопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорблённого самолюбия и отвергнутой любви и великодушно извинял своего несчастного соперника.

Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с её мужем я ещё не объяснялся; но предложение моё не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них своих чувств, и мы заранее были уже уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошёл ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гринёву, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что всё дело пошло к чёрту. Содержание письма было следующее:

«Сын мой Пётр! Письмо твоё, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15 сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но ещё и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путём, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить ещё не до-

стоим, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю Бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на Его великую милость.

Отец твой *А. Г.*»

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моём из Белогорской крепости меня ужасала, но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперёд по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: «Видно, тебе не довольно, что я, благодаря тебя, ранен и целый месяц был на краю гроба; ты и мать мою хочешь уморить». Савельич был поражён как громом. «Помилуй, сударь, — сказал он, чуть не зарыдав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своей грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?» — «Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?» — «Я? писал на тебя доносы? — отвечал Савельич со слезами. — Господи Царь Небесный! Так изволь-ка прочитать, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочёл следующее:

«Стыдно тебе, старый пёс, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донёс о сыне моём Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней па-

сти за утайку правды и потворство[1] молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упрёком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, — повторял он, — вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пёс, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Пётр Андреич! не я, проклятый мусьё всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами да притопывать, как будто тыканием да топаньем убережёшься от злого человека! Нужно было нанимать мусьё да тратить лишние деньги!»

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моём поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузмич не почёл за нужное рапортовать о моём поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление моё из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошёл объявить обо всём Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны!» — «Всё кончено!» — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всём воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Пётр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» — «Этому не бывать! — вскричал я, схватив её за руку, — ты меня любишь; я готов на всё. Пойдём, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...»

---

1 Потворство — уступчивость, пособничество в чём-либо предосудительном, недозволительном.

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Гринёв и Маша Миронова. *Художник С. Герасимов. 1937*

— Нет, Пётр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастия. Покоримся воле Божией. Коли найдёшь себе суженую[1], коли полюбишь другую — Бог с тобою, Пётр Андреич, а я за вас обоих...

Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел погружённый в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления.

— Вот, сударь, — сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги, — посмотри, доносчик ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына с отцом.

Я взял из рук его бумагу: это был ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

«Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый! Милостивое писание ваше я получил, в котором изво-

---

[1] Суженая — невеста.

лишь гневаться не изволь, рабе вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских приказаний, — а я же старый пёс, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и так с испугу слегла, и за её здоровье Бога буду молить. А Пётр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь, под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме коменданта, куда принесли мы его с берегу, и лечил его здешний цирюльник Степан Парамонов; и теперь Пётр Андреич, слава Богу, здоров, и про него, кроме хорошего, нечего и писать. Командиры, слышно, им довольны; а у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с ним случилась такая оказия[1], то быль молодцу не укора: конь и о четырёх ногах, да спотыкается. А изволите вы писать, что сошлёте меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски.

Верный холоп ваш Архип Савельев».

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту[2] доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение моё переменилось. Марья Ивановна почти со мной не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла[3], но, видя моё упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузмичом виделся я только, когда того требовала служба. С Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нём скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал.

---

1 Оказия — здесь: редкий, из ряда вон выходящий случай.
2 Грамота — здесь: письмо.
3 Пенять — укорять, высказывать кому-нибудь.

Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

Глава VI
Пугачёвщина

> Вы, молодые ребята, послушайте,
> Что мы, старые старики, будем
> сказывати.
>
> *Песня.*

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших ещё недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своевольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Всё было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашёл я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочёл следующее:

«Господину коменданту
Белогорской крепости капитану Миронову.

По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник[1] Емельян Пугачёв, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвёл возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы[2], господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно, и к совершенному уничтожению оного[3], если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению[4]».

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, видно, силён; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор будь тебе сказано, Максимыч (урядник усмехнулся). Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками.

[1] Пугачёв, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил. (А. С. Пушкин. «История Пугачёва».)
[2] *Имеете вы* — здесь: должны вы.
[3] *Оный* (устар.) — вышеупомянутый.
[4] *Попечение* — здесь: забота, наблюдение.

Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно».

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе с Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали.

«Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест ещё ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачёва разнеслась по крепости. Иван Кузмич хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попадье и, по совету Ивана Кузмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не могла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи, и узнала, что во время её отсутствия было у Ивана Кузмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузмич приготовился к нападению. Он нимало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломой; а как от того может произойти несчастие, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником». — «А для чего ж было тебе запирать Палашку? — спросила комендантша. — За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились?» Иван Кузмич не был приготовлен к таковому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но, зная, что ничего от него не добьётся, прекратила свои вопросы и завела речь о солёных огурцах, которые Аку-

хина Памфиловна приготовляли совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове её мужа, о чём бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни[1], она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в неё ребятишками. «Что бы значили эти военные приготовления? — думала комендантша, — уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича с твёрдым намерением выведать от него тайну, которая мучила её дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний насчёт хозяйства, как судия, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою:

— Господи Боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачёву. Господь не выдаст, свинья не съест!

— А что за человек этот Пугачёв? — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уж было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всём признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала своё обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова её ходила ещё в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачёве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всём по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи вёрст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идёт неведомая

[1] Обедня — утренняя или ранняя дневная церковная служба.

сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Посланы были к ним лазутчики[1]. Юлай, крещёный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны; по возвращении своём лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот ужо тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно, при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашёл другого способа, кроме как единожды уже им употреблённого.

«Слушай ты, Василиса Егоровна, — сказал он ей, покашливая. — Отец Герасим получил, говорят, из города...» — «Полно врать, Иван Кузмич, — прервала комендантша, — ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня потолковать об Емельяне Пугачёве; да лих[2] не проведёшь!» Иван Кузмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, — сказал он, — коли ты уже всё знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолкуем и при тебе». — «То-то, батька мой, — отвечала она, — не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

[1] Лазутчики — разведчики.
[2] Да лих (устар.) — да нет уж.

Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочёл нам воззвание Пугачёва, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своём намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал[1] не супротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

— Каков мошенник! — воскликнула комендантша. — Что смеет ещё нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамёна! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава Богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?

— Кажется, не должно бы, — отвечал Иван Кузмич. — А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

— Видно, он в самом деле силён, — заметил Швабрин.

— А вот сейчас узнаем настоящую его силу, — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от амбара. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

— Постой, Иван Кузмич, — сказала комендантша, вставая с места. — Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска[2]. Счастливо оставаться.

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ[3], уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых

---

[1] *Увещевать* — убеждать.

[2] *Розыск* — дознание, следствие.

[3] Имеется в виду указ Александра I об отмене пытки, на практике не выполнявшийся.

судей, известная об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в амбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали ещё огнём. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году[1]. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? — продолжал Иван Кузмич, — или бельмес[2] по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

— Якши[3], — сказал комендант, — ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе око-

---

[1] В 1740 году произошло восстание в Башкирии, жестоко подавленное самодержавием. Многим участникам восстания в наказание обрезали носы и уши.

[2] *Бельмес* — ничего (по-татарски: «бельмес» — не знает).

[3] *Якши* (татарск.) — хорошо.

до кнута, положил старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моём веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены.

— Ну, — сказал комендант, — видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чём ещё потолкуем.

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

— Что это с тобою сделалось? — спросил изумлённый комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозёрная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как её брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозёрной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозёрная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачёва. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

— Послушайте, Иван Кузмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога ещё свободна, или в отдалённую, более надёжную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей:

— А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

— И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадёжна? Слава Богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачёва отсидимся!

— Ну, матушка, — возразил Иван Кузмич, — оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождёмся сикурса[1]; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

— Ну, тогда... — Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

— Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни, — Маше здесь оставаться негоже. Отправим её в Оренбург к её крёстной матери: там и войска, и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром что ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

— И то дело, — сказал комендант. — Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет её и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

— У Акулины Памфиловны, — сказала комендантша. — Ей сделалось дурно, как услышали о взятии Нижнеозёрной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался, но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со

[1] Сикурс (нем., устар.) — помощь.

всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застану Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она мне со слезами. — Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведёт нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял её. «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром её поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Глава VII
Приступ

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу[1] себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высоких столбика,
Перекладинку кленовую,
Ещё петельку шелковую.

Народная песня

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором ещё недавно был я погружён. С грустию разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши

[1] *Ранг* — здесь: чин, звание.

казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уже рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. — Иван Кузмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришёл». — «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердечным трепетом. «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич, — дорога в Оренбург отрезана; крепость окружена. Плохо, Пётр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укреплённое частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье[1]. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалося, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди бравые и присяжные[2]!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идёт баталья? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузмич. — Бог даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, —

[1] Т. е. был в боевой готовности.

[2] Присяжные — здесь: присягнувшие, принявшие присягу.

дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё горело. Я воображал себя её рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин её доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полуверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых копьями и сайдаками[1]. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал под шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам через частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! — закричал Иван Кузмич. — Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Поражённая видом окровавленной головы Юлая, оглушённая залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочёл его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, приготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмиревшая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван

[1] Сайдак — лук с колчаном и стрелами.

Кузмич, в животе и смерти[7] Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил её трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Он тебя не оставит. Коли найдётся добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорее». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне[8], коли в чём я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал. Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята, вперёд, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но оробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли

---

7 В животе и смерти (устар.) — в жизни и смерти.
8 Отпусти мне (устар.) — прости меня.

было с ног, но я устоял и вместе с мятежниками вошёл в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в куче злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор[1] и самозванец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздёрнутого на воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачёв, — государю Петру Фёдоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

[1] *Вор* — здесь: разбойник, изменник.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, готовясь повторить ответ великодушных[1] моих товарищей. Тогда, к неописанному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачёв, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля Его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лютую казнь таковому подлому унижению. «Батюшка Пётр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямься! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооружённый тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачёва, ко-

---

[1] *Великодушный* — здесь: человек, обладающий величием духа (в отличие от *малодушный*).

торый объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблею по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII
Незваный гость

Незваный гость хуже татарина.
Пословица[1].

Площадь опустела. Я всё стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущённые столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надёжно ли её убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошёл в комендантский дом... Всё было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; всё растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице,

[1] Пословица сложилась во времена монгольского нашествия на Русь. По имени одного из племён русские называли монголов татарами.

которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошёл в комнату Марьи Ивановны. Я увидел её постелю, перерытую разбойниками; шкаф был разломан и ограблен; лампадка теплилась ещё перед опустелым кивотом[1]. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной девической кельи[2]? Страшная мысль мелькнула в уме моём: я вообразил её в руках у разбойников... Сердце моё сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнёс имя моей любезной... В эту минуту послышался лёгкий шум, и из-за шкафа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

— Ах, Пётр Андреич! — сказала она, сплеснув руками. — Какой денёк! какие страсти!

— А Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо. — Что Марья Ивановна?

— Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны.

— У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачёв!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачёв пировал со своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал её вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадья вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

— Ради Бога! где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением.

— Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, — отвечала попадья. — Ну, Пётр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава Богу, всё прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнётся да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». — «А молода твоя племянница?» — «Молода, государь». — «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». У меня сердце так и ёкнуло, да нечего делать. «Изволь, государь; только девка-то не мо-

[1] *Кивот (киот)* — небольшой шкаф, подставка для икон.
[2] *Келья* — здесь: небольшая комната уединённо живущего человека.

жет встать и прийти к твоей милости». — «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошёл окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдёрнул занавес, взглянул ястребиными своими глазами — и ничего... Бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за это.

В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась.

— Ступай себе домой, Пётр Андреич, — сказала она, — теперь не до вас: у злодея попойка идёт. Беда, попадётесь под пьяную руку. Прощайте, Пётр Андреич. Что будет, то будет; авось Бог не оставит!

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришёл домой. Савельич встретил меня у порога.

— Слава Богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Пётр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, бельё, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?

— Нет, не узнал; а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле, сходство Пугачёва с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

— Не изволишь ли покушать? — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет, пойду пошарю да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла ещё быть полезна отечеству в настоящих затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но всё же не мог не трепетать, воображая опасность её положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, «что-де великий государь требует тебя к себе».

— Где же он? — спросил я, готовясь повиноваться.

— В комендантском, — отвечал казак. — После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приёмы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орёл, величиною с пятак, а на другой персона его.

Я не почёл нужным оспоривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидание с Пугачёвым и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришёл я к комендантскому дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши всё ещё валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввёл меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановной.

Необыкновенная картина мне представилась. За столом, накрытым скатертью и уставленным штофами и стаканами, Пугачёв и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгорячённые вином, с красными рожами и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачёв, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на край стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся.

С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачёв на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шёл об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспоривал Пугачёва.

И на сём странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню.

«Ну, братцы, — сказал Пугачёв, — затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! Начинай!» — Сосед мой затянул тонким голосом заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зелёная дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думати.

Что заутра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Ещё станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Ещё много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надёжа православный царь,
Всю правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ещё первый мой товарищ тёмная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвёртый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калёны стрелы.
Что возговорит надёжа православный царь:
Исполать[1] тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — всё потрясало меня каким-то пиитическим[2] ужасом.

Гости выпили ещё по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачёвым. Я хотел за ними последовать, но Пугачёв сказал мне: «Сиди, я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной весёлостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе верёв-

[1] *Исполать* (устар.) — хвала, слава.
[2] *Пиитический* (устар.) — поэтический.

ку на шею? Я чаю[1], небо с овчинку показалось... А покачался бы ты на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель[2], за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов. То ли ещё увидишь! Так ли ещё тебя пожалую, когда получу своё государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачёв мрачно ждал моего ответа. Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачёву:

— Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышлёный; ты сам увидел бы, что я лукавствую.

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев[3] не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до

---

[1] *Я чаю* — здесь: я думаю.

[2] *Добродетель* — добро, стремление к добру.

[3] *Григорий Отрепьев* — самозванец, ставленник польских вельмож, под именем Дмитрия, сына Ивана IV, захвативший в 1605 году русский престол. Убит в 1606 году во время народного восстания.

иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твёрдостию. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачёв задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрёма клонит».

Я оставил Пугачёва и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звёзды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости всё было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, всё в нём было тихо.

Я пришёл к себе на квартиру и нашёл Савельича, горюющего по моём отсутствии. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава Тебе, Владыко! — сказал он, перекрестившись. — Чем свет оставим крепость и пойдём, куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомлённый душевно и физически.

Глава IX
Разлука

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков[1].

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошёл на сборное место. Там строились уже толпы пугачёвские около виселицы, где всё ещё висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьём. Знамёна развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тело комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачёв вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачёв остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачёва окружили главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моём он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачёв, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детскою любовию и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: «Вот вам, детушки, новый командир. Слушайтесь его во всём, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачёв сошёл с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно

---

[1] *М. М. Херасков* (1733—1807) — русский поэт и драматург.

вскочил в седло, не дожидаясь казаков, которые хотели было подсадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачёву и подаёт ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» — спросил важно Пугачёв. «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачёв принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрёно пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?[1]»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачёву. «Читай вслух», — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чём дядька мой вздумал писать Пугачёву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

«Два халата, миткалевый[2] и шёлковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачёв.

— Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зелёного сукна, на семь рублей. Штаны белые суконные, на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами, на десять рублей.

Погребец с чайною посудою, на два рубля с полтиною...»

— Что за враньё? — прервал Пугачёв. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крякнул и стал объясняться. «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр[3] барскому добру, раскраденному злодеями...»

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачёв.

— Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодеи не злодеи, а твои ребята-таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырёх ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

---

[1] *Обер-секретарь* — главный секретарь.

[2] *Миткаль* — дешёвая хлопчатобумажная ткань.

[3] *Реестр* — список, перечень.

— Дочитывай, — сказал Пугачёв.

Секретарь продолжал:

«Одеяло ситцевое, другое тафтяное[1], на хлопчатой бумаге, четыре рубля.

Шуба лисья, крытая алым ратином[2], 40 рублей.

Ещё заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

— Это что ещё! — вскричал Пугачёв, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачёв его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? — вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив её в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобрали: экая беда? Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками... Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

— Как изволишь, — отвечал Савельич, — а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачёв был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошёл провожать Пугачёва. Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя моё доброе согласие с Пугачёвым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха.

— Смейся, сударь, — отвечал Савельич, — смейся; а как придётся нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет.

Я спешил в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная го-

---

[1] Тафта — плотная глянцевитая шёлковая ткань.

[2] Ратин — шерстяная ткань для верхней одежды.

речица. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в её комнату. Я тихо подошёл к её кровати. Перемена в её лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное моё бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал моё воображение. Облечённый властию от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, он мог решиться на всё. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал её, орошая слезами. «Прощайте, — говорила мне попадья, провожая меня, — прощайте, Пётр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Выйдя на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошёл по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал... Я шёл, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой:

— Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да ещё, — примолвил, запинаясь, урядник, — жалует он вам... полтину денег... да я растерял её дорогою; простите великодушно.

Савельич посмотрел на него косо и проворчал:

— Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!

— Что у меня за пазухой-то побрякивает? — возразил урядник, нимало не смутясь. — Бог с тобою, старинушка! Это бренчит уздечка, а не полтина.

— Добро, — сказал я, прерывая спор. — Благодари от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку.

— Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь, — вечно за вас буду Бога молить.

При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича.

— Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недаром подал мошеннику челобитье[1]: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты сам изволил ему пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок.

ГЛАВА X
ОСАДА ГОРОДА

Заняв луга и горы,
С вершины, как орёл, бросал
на град он взоры.
За станом[2] повелел соорудить раскат[3]
И, в нём перуны[4] скрыв, в нощи[5]
привесть под град.
Херасков.

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников[6] с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов. Иные вывозили в те-

[1] *Челобитье* (устар.) — прошение (от *бить челом* — кланяться до земли).
[2] *Стан* — лагерь.
[3] *Раскат* — земляная насыпь для установки пушек.
[4] *Перун* — бог грома в древнеславянской мифологии. Здесь: под перунами подразумеваются пушки.
[5] *В нощи* (устар.) — ночью.
[6] *Колодник* — арестант, узник в колодках.

лежащий сор, наполнявший ров; другие лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпичи и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то повёл меня прямо в дом генерала.

Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнажённые дыханием осени, и с помощию старого садовника бережно их укутывал тёплой соломой. Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добродушие. Он мне обрадовался и стал расспрашивать об ужасных происшествиях, коим[1] я был свидетель. Я рассказал ему всё. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывал сухие ветви. «Бедный Миронов! — сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. — Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронов добрая была дама и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвечал, что она оставалась в крепости на руках у попадьи. «Ай, ай, ай! — заметил генерал. — Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкою?» Я отвечал, что до Белогорской крепости недалёко и что, вероятно, его превосходительство не замедлит выслать войско для освобождения бедных её жителей. Генерал покачал головою с видом недоверчивости. «Посмотрим, посмотрим, — сказал он. — Об этом мы ещё успеем потолковать. Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет. Ты можешь нам дать верные сведения о бездельнике Пугачёве и об его войске. Теперь покамест поди отдохни».

Я пошёл на квартиру, мне отведённую, где Савельич уже хозяйничал, и с нетерпением стал ожидать назначенного времени. Читатель легко себе представит, что я не пропустил[2] явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою. В назначенный час я уже был у генерала.

Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможни[3], толстого и румяного старич-

[1] *Коим* (устар.) — которым.
[2] *Не пропустил* (устар.) — не забыл.
[3] *Таможня* — учреждение для контроля над провозом товаров через границу.

ка в глазетовом[1] кафтане. Он стал расспрашивать меня о судьбе Ивана Кузмича, которого называл кумом, и часто прерывал мою речь дополнительными вопросами и нравоучительными замечаниями, которые если и не обличали в нём человека сведущего в военном искусстве, то по крайней мере обнаруживали сметливость и природный ум. Между тем собрались и прочие приглашённые. Между ими, кроме самого генерала, не было ни одного военного человека. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно, в чём состояло дело. «Теперь, господа, — продолжал он, — надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: наступательно или оборонительно? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду. Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безопасно... Итак, начнём собирать голоса по законному порядку, то есть начиная с младших по чину. Г-н прапорщик[2]! — продолжал он, обращаясь ко мне. — Извольте объяснить нам ваше мнение». Я встал и, в коротких словах описав сначала Пугачёва и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия[3].

Мнение моё было принято чиновниками с явною неблагосклонностию. Они видели в нём опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово «молокосос», произнесённое кем-то вполголоса. Генерал обратился ко мне и сказал с улыбкою: «Господин прапорщик! Первые голоса на военных советах подаются обыкновенно в пользу движений наступательных; это законный порядок. Теперь станем продолжать собирание голосов. Господин коллежский советник[4], скажите нам ваше мнение!»

Старичок в глазетовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом, и отвечал генералу: «Я думаю, ваше превосходительство, что

---

1 *Глазет* — узорчатая шёлковая ткань.
2 *Прапорщик* — младший офицерский чин в царской армии.
3 *Правильное оружие* — здесь: регулярные войска.
4 *Коллежский советник* — гражданский чин VI класса (по Табели о рангах).

не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно.

— Как же так, господин коллежский советник? — возразил изумлённый генерал. — Других способов тактика[1] не представляет: движение оборонительное или наступательное...

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

— Эх-хе-хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...

— И тогда, — прервал таможенный директор, — будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и по ногам.

— Мы ещё об этом подумаем и потолкуем, — отвечал генерал. — Однако надлежит во всяком случае предпринять и военные меры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадёжности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастие оружия. Наконец генерал, выслушав все мнения, вытряхнул пепел из трубки и произнёс следующую речь:

— Государи мои! должен я вам объявить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен: ибо мнение сие основано на всех правилах здравой тактики, которая всегда почти наступательные движения оборонительным предпочитает.

Тут он остановился и стал набивать свою трубку. Самолюбие моё торжествовало. Я гордо посмотрел на чиновников, которые между собой перешёптывались с видом неудовольствия и беспокойства.

— Но, государи мои, — продолжал он, выпустив вместе с глубоким вздохом густую струю табачного дыму. —

[1] Тактика — наука о ведении боя.

Я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идёт о безопасности вверенных мне провинций ее императорским величеством, всемилостивейшей моею государыней. Итак, я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками — отражать.

Чиновники в свою очередь насмешливо поглядели на меня. Совет разошёлся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решался следовать мнениям людей несведущих и неопытных.

Спустя несколько дней после сего знаменитого совета узнали мы, что Пугачёв, верный своему обещанию, приближался к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдесятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачёвым в малых крепостях, им уже покорённых. Вспомня решение совета, я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы; даже приступы Пугачёва уже не привлекали общего любопытства. Я умирал от скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о её судьбе меня мучила. Единственное развлечение моё состояло в наездничестве. По милости Пугачёва, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачёвскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на сторо-

не злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тощая городовая конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота; но глубина снега мешала ей действовать удачно против рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностию и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; и готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Пётр Андреич! Как вас Бог милует?»

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Пётр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо.

— Где ж оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною, — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. — Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул её и с трепетом прочёл следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережёте и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застращав Пугачёвым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, кото-

рая сказала злодеям, будто бы я её племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезёт меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой[1]. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать ещё три дни; а коли через три дня за него не выйду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Пётр Андреич! вы один у меня покровитель, заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота,

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошёл. Я пустился в город, без милосердия пришпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал. Генерал ходил взад и вперёд по комнате, куря свою пенковую[2] трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

— Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному; ради бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идёт о счастии всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? — спросил изумлённый старик. — Что я могу для тебя сделать? Говори.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошёл (в чём почти и не ошибался).

— Как это? Очистить Белогорскую крепость? — сказал он наконец.

---

[1] *Лизавета Харлова* — жена коменданта Нижнеозёрной крепости, убитая пугачёвцами (историческое лицо).

[2] *Пенковый* — изготовленный из пенки — лёгкого огнестойкого материала.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

— Нет, молодой человек, — сказал он, качая головою. — На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникаций[1] с главным стратегическим пунктом[2] и получить над вами совершенную победу. Пресечённая коммуникация...

Я испугался, увидя его завлечённого в военные рассуждения, и спешил его прервать.

— Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо: она просит помощи; Швабрин принуждает её выйти за него замуж.

— Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm[3], и если попадётся ко мне в руки, то я велю его судить в двадцать четыре часа, и мы расстреляем его на парапете[4] крепости. Но покамест надобно взять терпение...

— Взять терпение! — вскричал я вне себя. — А он между тем женится на Марье Ивановне!..

— О! — возразил генерал. — Это ещё не беда: лучше ей быть покамест женою Швабрина: он теперь может оказать ей протекцию[5], а когда его расстреляем, тогда, Бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят; то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдёт себе мужа, нежели девица.

— Скорее соглашусь умереть, — сказал я в бешенстве, — нежели уступить её Швабрину!

— Ба, ба, ба, ба! — сказал старик. — Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблён. О, дело другое! Бедный малый! Но всё же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоразумна; я не могу взять её на свою ответственность.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чём она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

---

[1] *Коммуникация* — сообщение, связь, здесь: пути сообщения.

[2] *Стратегический пункт* — место, район, имеющий важное военное значение.

[3] Шельма, мошенник (нем.).

[4] *Парапет* — земляной вал, прикрывающий от неприятельских пуль и ядер.

[5] *Протекция* — покровительство, поддержка.

Глава XI
Мятежная слобода

> В ту пору лев был сыт,
> хоть с роду он свиреп.
> «Зачем пожаловать изволил
> в мой вертеп[1]?» —
> Спросил он ласково.
>
> А. Сумароков[2].

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. «Охота тебе, сударь, переведываться[3] с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не ровен час: ни за что пропадёшь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого».

Я прервал его речь вопросом: «Сколько у меня всего-навсе денег?» — «Будет с тебя, — отвечал он с довольным видом. — Мошенники как там ни шарили, а я всё-таки успел утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелёк, полный серебра. «Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость».

— Батюшка Пётр Андреич! — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — Побойся Бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? Погоди маленько: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны.

Но намерение моё было твёрдо принято.

— Поздно рассуждать, — отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: Бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Покупай, что тебе будет нужно, хоть втридорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня не ворочусь...

— Что ты это, сударь? — прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду

---

[1] Вертеп (старинн.) — пещера.

[2] Этот эпиграф сочинён Пушкиным и приписан Сумарокову.

[3] *Переведываться* — здесь: перестреливаться, вызывать на поединок.

за тобой, а тебя не покину. Чтоб я стал без тебя сидеть за каменной стеною! Да разве я с ума спятил? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отстану.

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить её. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шёл мимо Бердской слободы, пристанища пугачёвского. Прямая дорога занесена была снегом; но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, ради Бога потише! Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Пётр Андреич... батюшка Пётр Андреич!.. Не погуби!.. Господи Владыко, пропадёт барское дитя!»

Вскоре засверкали бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооружённых дубинами: это был передовой караул пугачёвского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове; шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбежали; я воспользовался этой минутой, пришпорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я поворотил лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очу-

видел снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ними. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие моё их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, по-видимому, главный, объявил нам, что он сейчас поведёт нас к государю. «А наш батюшка, — примолвил он, — волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дождаться свету Божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрёстка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об вас доложим». Он вошёл в избу. Я взглянул на Савельича: старик крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай; наш батюшка велел впустить офицера».

Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток[1], уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачёв узнал меня с первого взгляда. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостию. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принёс?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать.

---

[1] *Шесток* — площадка в передней части русской печи.

Пугачёв, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачёв, — от них я ничего не таю». Я взглянул наискось на наперсников[1] самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо[2] по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому, широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей[3]), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало моё воображение. Но Пугачёв привёл меня в себя своим вопросом: «Говори, по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение[4], вторично приведшее меня к Пугачёву, подавало мне случай привести в действие моё намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачёва:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачёва засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?»

---

[1] Наперсник (устар.) — любимец, человек, пользующийся особым доверием.

[2] Пугачёв награждал своих приближённых по царским законам. Голубую ленту через плечо носили награждённые высшим орденом — Андрея Первозванного.

[3] *Белобородов* и *Хлопуша* — видные участники Пугачёвского восстания (исторические лица).

[4] Провидение — высшая Божественная сила, судьба.

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрина, — сказал Пугачёв. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору[1].

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признаёт, так нечего у тебя и управы искать, а коли признаёт, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами[2]? Не прикажешь ли свести его в приказную[3] да запалить там огоньку: мне сдаётся, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительной. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачёв заметил моё смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне, подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачёва возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

— Добро, — сказал Пугачёв. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава Богу, — отвечал я, — всё благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачёв. — А народ мрёт с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

---

[1] *Наговор* — донос, клевета.
[2] *Супостат* (устар.) — враг.
[3] *Приказная* (приказная изба) — помещение, где допрашивали преступников.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Если ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачёва. К счастию, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы всё душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чём душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

— Да ты что за угодник[1]? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костливый кулак и, засуча рукав, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье да в тёмном лесу, не дома, сидя за печью; кистенём[2] и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отворотился и проворчал слова: «Рваные ноздри!..»

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придёт и твоё время; Бог даст, и ты ноздрей понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородёнки не вырвал!

— Господа енаралы! — провозгласил важно Пугачёв. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачёву, сказал ему с весёлым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя

[1] *Угодник* — так верующие называют некоторых святых (буквально: человек, угодивший Богу).

[2] *Кистень* — старинное ручное оружие (гиревый набалдашник на короткой рукояти).

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Художник С. Герасимов

за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замёрз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачёв развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба[1] ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

[1] Зазноба (народн.) — любимая, возлюбленная.

— Твоя невеста! — закричал Пугачёв. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести, но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачёвым и с его страшными товарищами.

Оргия[1], коей я был невольным свидетелем, продолжалась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевать собеседников. Пугачёв задремал, сидя на своём месте; товарищи его встали и дали мне знак оставить его. Я вышел вместе с ними. По распоряжению Хлопуши, караульный отвёл меня в приказную избу, где я нашёл и Савельича и где меня оставили с ним взаперти. Дядька был в таком изумлении при виде всего, что происходило, что не сделал мне никакого вопроса. Он улёгся в темноте и долго вздыхал и охал; наконец захрапел, а я предался размышлениям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задремать.

Поутру пришли меня звать от имени Пугачёва. Я пошёл к нему. У ворот его стояла кибитка, запряжённая тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачёва: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противуречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачёв весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачёв широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце моё сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! Стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачёв велел остановиться. «Батюшка Пётр Андре-

[1] Оргия — попойка, пьяная пирушка.

ич! — кричал дядька. — Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...» — «А, старый хрыч! — сказал ему Пугачёв. — Опять Бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

— Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, усаживаясь. — Дай Бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрел[1] и успокоил. Век за тебя буду Бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачёва. К счастию, самозванец или не расслыхал, или пренебрёг неуместным намёком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачёв кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачёв не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачёв мог проведать истину и другим образом... Тогда что станется с Марьей Ивановной? Холод пробегал по моему телу, и волосы становились дыбом... Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чём, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастие всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачёв. — Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и

---

[1] *Призре́ть* (устар.) — позаботиться, взять под свою опеку.

сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой ещё кровопийца, как говорит обо мне ваша братья.

Я вспомнил взятие Белогорской крепости, но не почёл нужным его оспоривать и не отвечал ни слова.

— Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачёв, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да! — сказал он с весёлым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енералов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

— Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридериком[1]?

— С Фёдором Фёдоровичем? А как же нет? С вашими енералами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие моё было счастливо. Дай срок, то ли ещё будет, как пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

— Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою.

— То-то! — сказал я Пугачёву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся. «Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

---

[1] Фридерик («Фёдор Фёдорович») — Фридрих II (1712–1786), прусский король, армии которого в середине XVIII века были разгромлены русскими войсками.

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погрузясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII
Сирота

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то её некому,
Благословить-то её некому.

Свадебная песня.

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачёва и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачёву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъявлял свою радость и усердие. Увидя меня, он сму-

тился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце моё заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел ещё диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия[1] прошедшему времени. Пугачёв сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыплённый ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднёс ему водки. Пугачёв выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошёл ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачёв был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачёв осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне её».

Швабрин побледнел как мёртвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна..., она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно, но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачёв. — Это моё дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

---

[1] Эпитафия — надгробная, поминальная надпись.

— Отворяй! — сказал Пугачёв.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачёв толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрёпанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтём хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачёв посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» Потом, подошед к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чём ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачёв взглянул грозно на Швабрина: «И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачёв смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца её родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втёрлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачёв вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал, смеясь, Пугачёв. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посажёным отцом, Швабрин дружкою[1]; закутим, запьём — и ворота запрём!

---

[1] *Дружка* — распорядитель на свадьбе.

Чего я опасался, то и случилось. Швабрин, услыша предложение Пугачёва, вышел из себя. «Государь! — закричал он в исступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости».

Пугачёв устремил на меня огненные свои глаза. «Это что ещё?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твёрдостию.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы её загрызли. Ничто её бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачёв. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнию моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачёва была тронута. «Ин быть по-твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези её куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел ему выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачёв отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто там?» — спросила Палаша. Я назвался. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей.

«Погодите, Пётр Андреич. Я переоденусь. Ступайте к Акулине Памфиловне; я сейчас туда же буду». Я повиновался и пошёл в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Пётр Андреич, — говорила попадья. — Привёл Бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!.. Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачёвым-то поладили! Как он это вас не уходил? Добро, спасибо злодею и за это». — «Полно, старуха, — прервал отец Герасим. — Не всё то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании[1]. Батюшка Пётр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались».

Попадья стала угощать меня чем Бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принуждал их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расставаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я в свою очередь рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья перекрестились, услыша, что Пугачёву известен их обман. «С нами сила крестная! — говорила Акулина Памфиловна. — Пронеси Бог тучу мимо. Ай да Алексей Иваныч, нечего сказать: хорош гусь!» В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила своё крестьянское платье и одета была по-прежнему, просто и мило.

Я схватил её руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас её положения, все испытания, которым подвергал её гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время. Оба мы плака-

[1] Многословие не даёт спасения (старослав.).

ли... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачёву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевающем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагорасположение отца моего её пугало. Я её успокоил. Я знал, что отец почтёт за счастие и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба её соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противуречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом всё было между нами решено.

Через час урядник принёс мне пропуск, подписанный каракульками Пугачёва, и позвал меня к нему от его имени. Я нашёл его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было моё сердце.

Мы расстались дружески. Пугачёв, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велев ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он ещё раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». — Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачёв уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошёлся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника. Всё было готово

и нашему отъезду: я не хотел более медлить. Добро наше всё было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей.

Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел её проводить, но она просила меня оставить её одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроём: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! Прощайте, Пётр Андреич, сокол наш ясный! — говорила добрая попадья. — Счастливый путь, и дай Бог вам обоим счастья!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

Глава XIII
Арест

— Не гневайтесь, сударь:
по долгу моему
Я должен сей же час отправить
вас в тюрьму.
— Изволь, я готов; но я в
такой надежде,
Что дело объяснить дозволите
мне прежде.
Княжнин.

Соединённый так нечаянно с милой девушкою, о которой ещё утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что всё со мною случившееся было пустое сновидение. Марья Ивановна глядела с задумчивостию то на меня, то на дорогу и, казалось, не успела ещё опомниться и прийти в себя. Мы молчали. Сердца наши слишком были утомлены.

Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачёву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с какой их запрягали, по торопливой услужливости бородатого казака,

поставленного Пугачёвым в коменданты, и увидел, что, благодаря болтливости ямщика, нас привёзшего, меня принимали как придворного временщика[1].

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближались к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопрос: «кто едет?» — ямщик отвечал громогласно: «Государев кум со своею хозяюшкою». Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. «Выходи, бесов кум! — сказал мне усатый вахмистр[2]. — Вот ужо тебе будет баня, и с твоею хозяюшкою!»

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повёл меня к майору. Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи Владыко! чем это всё кончится?» Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к домику, ярко освещённому. Вахмистр оставил меня при карауле и пошёл обо мне доложить. Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагородию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в острог, а хозяюшку к себе привести.

— Что это значит? — закричал я в бешенстве. — Да разве он с ума сошёл?

— Не могу знать, ваше благородие, — отвечал вахмистр. — Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а её благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк[3]. Майор метал[4]. Каково было моё изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зурина, некогда обыгравшего меня в симбирском трактире!

---

[1] *Временщик* — человек, достигший большой власти вследствие близости к царю или царице.

[2] *Вахмистр* — унтер-офицер в кавалерии.

[3] *Банк* — карточная азартная игра.

[4] *Метать* — здесь: держать банк, т. е. вести игру, ставить деньги на кон.

— Возможно ли? — вскричал я. — Иван Иваныч! ты ли?

— Ба, ба, ба, Пётр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку?[1]

— Благодарен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

— Какую тебе квартиру? Оставайся у меня.

— Не могу: я не один.

— Ну, подавай сюда и товарища.

— Я не с товарищем; я... с дамою.

— С дамою? Где же ты её подцепил? Эге, брат! (При сих словах Зурин засвистал так выразительно, что все захохотали, а я совершенно смутился.)

— Ну, — продолжал Зурин, — так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попировали по-старинному... Гей! малый! Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачёва? или она упрямится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный, ничем не обидит, да хорошенько её в шею.

— Что ты это? — сказал я Зурину. — Какая кумушка Пугачёва? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез её из плена и теперь провожаю до деревни батюшкиной, где и оставлю её.

— Как! Так это о тебе мне сейчас докладывали? Помилуй! что же это значит?

— После всё расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепугали.

Зурин тотчас распорядился. Он сам вышел на улицу извиняться перед Марьей Ивановной в невольном недоразумении и приказал вахмистру отвести ей лучшую квартиру в городе. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и, когда остались вдвоём, я рассказал ему свои похождения. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Всё это, брат, хорошо; одно нехорошо: зачем тебя чёрт несёт жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать: поверь же ты мне, что женитьба блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да нянчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послушай меня: развяжись ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна.

[1] Поставить карту — здесь: принять участие в карточной игре.

Отправь её завтра ж одну к родителям твоим, а сам оставайся у меня в отряде. В Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадёшься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них ещё раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдёт сама собою, и всё будет ладно».

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж я чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы.

Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтобы на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей Ивановной. Он было заупрямился. «Что ты, сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностию. «Друг ты мой, Архип Савельич! — сказал я ему. — Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твёрдо решился, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней».

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неописанного. «Жениться! — повторил он. — Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?»

— Согласятся, верно согласятся, — отвечал я, — когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем[1], не так ли?

Старик был тронут. «Ох, батюшка ты мой Пётр Андреич! — отвечал он. — Хоть рановато задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию. Ин быть по-твоему! Провожу её, ангела Божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого».

Я благодарил Савельича и лёг спать в одной комнате с Зуриным. Разгорячённый и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно;

---

[1] Ходатай — заступник, защитник.

но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее; наконец, вместо ответа на какой-то вопрос, он захрапел и присвистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром пришёл я к Марье Ивановне. Я сообщил ей свои предположения. Она признала их благоразумие и тотчас со мною согласилась. Отряд Зурина должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив её Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она тихим голосом. — Придётся ли нам увидаться или нет, Бог один это знает; но век не забуду вас; до могилы ты один останешься в моём сердце». Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружали. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волновали. Наконец она уехала. Я возвратился к Зурину, грустен и молчалив. Он хотел меня развеселить; я думал себя рассеять; мы провели день шумно и буйно и вечером выступили в поход.

Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачёв всё ещё стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни при виде наших войск приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и всё предвещало скорое и благополучное окончание.

Вскоре князь Голицын, под крепостию Татищевой, разбил Пугачёва, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанёс бунту последний и решительный удар. Зурин был в то же время отряжен противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидали. Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачёв не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и снова начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о

взятие Казани и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться через Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разорённые бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено; помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

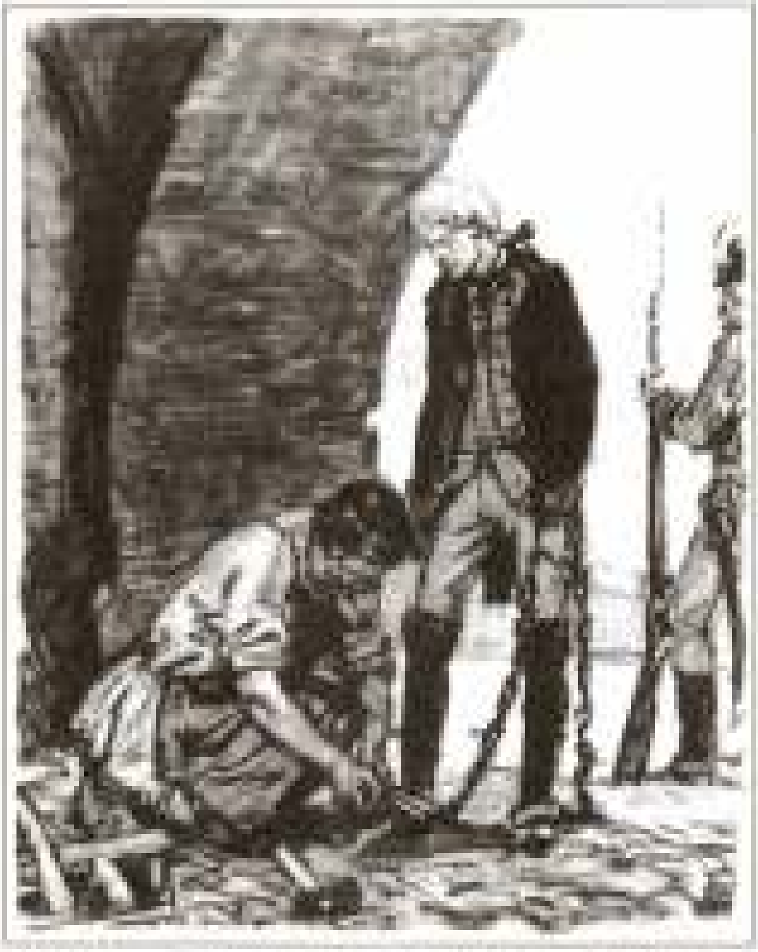
Пугачёв бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном[1]. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребёнок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе несдобровать! Женишься — ни за что пропадёшь!»

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле. «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нём неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

---

[1] И. И. Михельсон (1740—1807) — во время Пугачёвского восстания подполковник, впоследствии генерал. Один из усмирителей Пугачёвского восстания.



А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Художник Д. Шмаринов

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошёл ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. «Маленькая неприятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал её читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань,

в Следственную комиссию, учреждённую по делу Пугачёва.

Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачёвым как-нибудь да дошёл до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть, на несколько ещё месяцев устрашала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

Глава XIV
Суд

Мирская молва —
Морская волна.
Пословица.

Я был уверен, что виною всему было самовольное моё отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но ещё всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинён в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачёвым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надёжным.

Я приехал в Казань, опустошённую и погорелую. По улицам, наместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачёвым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепи и заковали наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и тёмной ка-

нурка, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решёткою.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиянной из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошёл в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагой, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моём имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что, каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востёр, — сказал он мне нахмурясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошёл я в службу к Пугачёву и по каким поручениям был я им употреблён?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачёву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажён самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чём она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблён словами гвардейского офицера и с жаром начал своё оправдание. Я рассказал, как началось моё знакомство с Пугачёвым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать моё усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринёва, якобы замешанного в нынешнем смятении[1] и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринёв находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачёва в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал своё чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову её, то комиссия потребует её к ответу; и мысль впутать её между гнусными изветами[2] злодеев и её самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть вчерашнего злодея. Я с живостию обратился к

---

1 *Смятение* — здесь: смута, мятеж, беспорядки.

2 *Извет* (устар.) — донос, клевета.

дверях, ожидая появления моего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошёл — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно чёрные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжён был от Пугачёва в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всём, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился ещё более в моём намерении, и, когда судьи спросили, чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чём остаётся мне уведомить читателя; но я так часто слыхал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренне привязались, потому что нельзя было её узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустой блажью; а матушка только того и желала, чтоб её Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моём аресте поразил всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспокоило их, но ещё заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачёва и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию.

Прошло несколько недель… Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа[1] он объявлял ему, что подозрения насчёт участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастию, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдалённый край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твёрдости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачёва! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур[2] мой умер на Лобном месте[3], отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец пострадал вместе с Волынским и Хрущёвым[4]. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с

---

1 *Приступ* — здесь: вступление.

2 *Пращур* — предок.

3 *Лобное место* — возвышение на Красной площади в Москве. По преданию, когда-то здесь казнили важных государственных преступников.

4 А. П. Волынский, А. Ф. Хрущёв — видные государственные деятели XVIII века, сторонники ограничения самодержавия, казнены за «государственную измену».

разбойниками, с убийцами, с беглыми холопами!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нём плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастия. Она скрывала от всех свои слёзы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы Придворного календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слёзы изредка капали на её работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба её зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упрёком. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздохом. — Мы твоему счастию помехи сделать не хотим. Дай Бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкою, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла её и молила Бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлучённый со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит наречённой[1] моей невесте.

---

[1] *Наречённая* — объявленная, признанная невеста.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию[1] и, узнав, что Двор[2] находился в то время в Царском Селе, решилась тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила её во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала её со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева[3]. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на неё смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые гла-

---

[1] София — почтовая станция недалеко от Царского Села под Петербургом.

[2] Двор — царский двор (царь и приближённые к нему лица).

[3] П. А. Румянцев (1725—1796) — крупный полководец времён Екатерины II.

за и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы так ещё молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом ещё более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно её благодарила. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала её незнакомой своей покровительнице, которая стала читать про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг её лицо переменилось, — и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринёва? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — воскликнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала её со вниманием. «Где вы остановились? — спросила она потом; и, услыша, что у Анны Власьевны, примолвила с улыбкой: — А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вышла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила её за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по её словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца и камер-лакей[1] вошёл с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умеете. Не проводить ли мне вас? Всё-таки я вас хоть в чём-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за её жёлтым робронном[2]?» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чём её застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце её сильно билось и замирало. Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед ней отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных

---

[1] Камер-лакей — придворный слуга.
[2] *Роброн* (устар.) — старинное женское платье.

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Художник П. Соколов

комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил её одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрашала её, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную[7] государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру[8]».

---

[7] *Уборная* — здесь: комната, где одеваются и приводят себя в порядок (от слова *убираться* — украшаться, наряжаться).

[8] *Свёкор* — отец мужа.

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня её отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая её возвращения, осыпала её вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна её беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что он был освобождён от заключения в конце 1774 года, по именному повелению[1]; что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко времени, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель.

19 окт. 1836.

---

[1] *Именное повеление* — повеление царя или царицы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД А. С. ПУШКИНА

Давно известно, что Пушкину в высшей степени присуще историческое чувство и историческое мышление. Историзм — одно из тех свойств художественного гения поэта, которое легло краеугольным камнем в основание его реализма.

Можно сказать, что историю, особенно русскую, Пушкин воспринимал исключительно лично, интимно, и это нисколько не мешало, наоборот, помогало ему видеть истинный, хотя подчас загадочный, отнюдь не лежащий на поверхности её смысл. Свою жизнь Пушкин вписывал в историю России, которую, в свою очередь, просматривал и через призму своей судьбы человека и поэта. Это органическое слияние личного удела и исторического движения покоилось на убеждении Пушкина в неостановимости исторического процесса, который определяют вполне постигаемые чувством и разумом законы, побуждающие людей, участников исторического действа, выбирать ту или иную позицию, не оставаться пассивными и равнодушными зрителями.

В «Истории Пугачёвского бунта» Пушкина интересовала прежде всего «пугачёвщина», то есть само восстание, а не его инициаторы, вожди и вдохновители. Они обрисованы Пушкиным скупо, в отличие, например, от «Капитанской дочки», где столь выразительны портреты Пугачёва, Хлопуши, Белобородова и даже рядовых участников крестьянской войны. В «Истории Пугачёвского бунта» всё повествование занял развитие восстания и как бы «образ» восстания в народном сердце и в народной памяти.

Взрыв возмущённой народной стихии, по мысли Пушкина, лишён какой-либо чёткой политической сознательности, хотя её элементы проскальзывают в действиях восставших. В «Капитанской дочке» Пугачёв рассказывает Гринёву притчу об орле и вороне. Смысл её многозначен: с одной стороны, народ возжаждал вольной и яркой жизни, где его силы могли бы развернуться.

Однако, с другой стороны, смысл притчи отражает и политическую наивность народа, воодушевлённого моментом. Он действует импульсивно, словно в экстазе. Им руководит не сознание, а социальный инстинкт. Ощутив свободу, он превращает её в разгул, и она сразу оборачивается своеволием и произволом. Мечта Пугачёва, как признаётся он Гринёву, — «поцарствовать». Пушкинский герой в ответ на притчу Пугачёва резонно замечает: «Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину».

Повесть Пушкина вобрала в себя богатый материал, освоенный и обобщённый в «Истории Пугачёвского бунта». И это касается самых разнообразных деталей: золочёного «дворца» Пугачёва, портретов мятежников, их реплик, характеристик персонажей, описаний Оренбурга и Казани, предметов быта и обихода, разговоров и поведения. За каждой строкой чувствуется полное погружение в эпоху, в психологию исторических лиц. Но главное всё же в том, что вымышленные герои Пушкина включились в большое историческое движение, определившее их судьбы, заставившее их делать выбор. Они невольно оказываются причастными к истории, слушают её, непосредственно извлекая нравственные уроки. И по воле Пушкина они переживают самые яркие, самые счастливые минуты, каких уже никогда, пожалуй, не будет в их жизни: чувство первой застенчивой любви, смертельные опасности, отчаяние, разлуку, тревогу, гибель родных, наветы, клевету, суд и наказание, неожиданные милости и прощение, — всё им дано испытать и не запятнать чести, не потерять достоинства, закалить себя, укрепиться в любви и тихо, мирно, спокойно окончить свои дни. Немногим выпадает на долю жить в поворотные, крутые моменты истории и быть в самой гуще её роковых событий. Пушкинские герои общаются с главными её участниками, с теми, кто её творит. История прошла через их сердца. Они встречаются с Пугачёвым и Екатериной II, воюют с восставшими и обращаются к ним за помощью.

Следуя исторической истине, Пушкин не привёл Гринёва в стан Пугачёва. Его герой не признал самозванца Петром III. Пушкин знал, что ни один дворянин из «породных» (то есть древних, потомственных) фамилий не служил Пугачёву. Лишь Шванвич (один из прототипов Швабрина) оказался изменником, да и то уклонялся от поручений и при первой возможности сбежал и явился с повинной. В повести Швабрин делается предателем по собственной воле из-за своей человеческой низости. На самом деле он попал в плен. Так что из общего закона, столь отчётливо выведенного Пушкиным, Шванвич не исключался. Как бы то ни было, Гринёв Пугачёву не служит, но самозванец его помиловал и даже оказал помощь, вырвав Марью Ивановну из рук Швабрина.

Ясно, что в «Капитанской дочке» исторические события призваны оттенить человеческие качества героев. Это равно относится и к Гринёву, и к Пугачёву, и к второстепенным персонажам. Например, генерал Рейнсдорп в «Истории Пугачёвского бун-

тва — нерешительный, глуповатый, лишённый военного таланта незадачливый полководец. В «Капитанской дочке» у Андрея Карловича Р. эти качества сохранены, но, кроме них, он ещё и верен старой дружбе, и добр, и способен на сожаление.

Задачи, стоявшие перед Пушкиным в «Истории Пугачёвского бунта» и в «Капитанской дочке», обусловили отличающийся подход к изображению исторических фигур. Прежде всего это относится к Пугачёву.

Первый план исторического труда заняло крестьянское движение, а в «Капитанской дочке» — Пугачёв. В «Истории Пугачёвского бунта» последовательно описан ход восстания: противостояние лагерей, расслоение внутри каждого из них, действия бунтовщиков и правительственных начальников. Тут — сама история, как она реально совершалась.

Пугачёв нарисован в «Капитанской дочке» куда более живо, чем в «Истории Пугачёвского бунта». «Его видишь, его слышишь», — писал Вяземский. И надо сказать, что это имеет первостепенное значение для художественной мысли Пушкина. Если «Историей Пугачёвского бунта» поэт преследовал практическую цель — указать на необходимость преобразований, то «Капитанской дочкой» он художественно решал более отдалённую, но не менее глубокую гуманистическую проблему: как достичь единства нации, как примирить противоречия и на какой основе это возможно. Оказалось, что почва для сближения «мужицкого царя», повстанца Пугачёва, и дворянина Гринёва есть, она ещё не в настоящем, а в будущем. Пугачёв и Гринёв — в разных лагерях, но человечность, уважение к личности других людей, к их простым чувствам объединяют пушкинских героев. Пугачёв, следуя народной нравственности, заступается за сироту, он чисто по-отечески сочувствует Гринёву и предлагает даже сыграть свадьбу и попировать. А Гринёв, проявляя жалость к заблуждающемуся мужику, предостерегая его от предвидимого печального конца, искренне желает Пугачёву добра, и тот это чувствует и ценит. Так дворянин и враг дворян находят общий язык, между ними на короткий срок устанавливается взаимопонимание, и Пушкину оно особенно дорого.

Человечность Вожатого в «Капитанской дочке» высвечена ярче, чем в «Истории Пугачёвского бунта». Но не забудем, сколь многим в «Капитанской дочке» поэт был обязан добросовестному и проницательному историку, автору «Истории Пугачёвского бунта».

В. Коровин

Проверьте себя

1. В чём заключался историзм Пушкина? В чём разница подхода А. С. Пушкина к пугачёвскому восстанию в «Истории Пугачёвского бунта» и «Капитанской дочке»?
2. Внимательно прочитайте статью об историческом труде Пушкина, составьте её цитатный план и постарайтесь пересказать её содержание.
3*. Сопоставьте главы из «Истории Пугачёвского бунта» с текстом «Капитанской дочки». Найдите разницу в отношении автора к Пугачёву и объясните её.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Со стихотворными и прозаическими произведениями А. С. Пушкина вы знакомы с самого раннего возраста. Какие его стихотворения вы знаете наизусть? Какие прозаические произведения вы перечитывали много раз?

1. Вы прочитали и обсудили повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Сейчас прослушайте главу «Вожатый» в исполнении Юрия Васильева. На чём сосредоточивает внимание актёр? Какие интонации, логические ударения помогают вам представить характер вожатого?
2. Какие новые впечатления о героях повести появились у вас после прослушивания актёрского чтения?
3. Изменилось ли у вас отношение к героям и их поступкам?
4. Как настраивает музыка на восприятие бурана, как передаёт особое, тревожное состояние героев?
5. Как меняется темп чтения актёра, когда вожатый ведёт разговор с хозяином постоялого двора?
6. Какое впечатление у вас возникает при чтении актёром первого и второго отрывков?
7. Как меняется настроение отца при чтении главы «Сирота»?

Размышляем о прочитанном

Глава I. Сержант гвардии

1. Глава называется «Сержант гвардии». О чём рассказывается в этой главе? Какова была семья Гринёва? Какую роль в его детстве играли Савельич и Бопре? Как провожали Петрушу родители на службу и какими словами напутствовал его отец?
2. Как характеризует Гринёва и Савельича эпизод с Зуриным?

Глава II. Вожатый

1. Почему глава начинается народной песней? Как характеризует Гринёва разговор с Савельичем, какой характер Савельича? Дорога, буран — расскажите об этом. Какой смысл для дальнейших событий имеет сон Петруши? Опишите портрет Вожатого, его таинственный разговор с хозяином. В чём его иносказательность?
2. Как отблагодарил Гринёв Вожатого?
3. Чем интересен разговор Гринёва с генералом? Как Гринёв объяснил генералу выражение «держать в ежовых рукавицах»? Каков истинный смысл этого выражения? Проверьте, как объясняется этот оборот в фразеологическом словаре.

Глава III. Крепость

1. Что представляли собой Белогорская крепость, порядки, заведённые в ней? Чем объяснить такой «семейный» характер отношений между людьми в крепости? Расскажите о её обитателях — Иване Кузьмиче, его жене, Швабрине, Марье Ивановне. Какое значение имеет солдатская песня, ставшая эпиграфом к третьей главе?
2. Каковы ваши впечатления о каждом из героев?

Глава IV. Поединок

1. Как проявили себя Гринёв и Швабрин в главе «Поединок»?
2. Что нового вы узнали о них? Какие черты характера стали проявляться в Гринёве?

Глава V. Любовь

1. Перескажите подробно главу от лица Марьи Ивановны. Расскажите, какие черты характера проявили герои во взаимоотношениях друг с другом. Какой смысл вкладывает автор в народную песню — эпиграф?
2. Что можно сказать о Швабрине?
3. Как вы понимаете слова Гринёва о «благом потрясении»?

Глава VI. Пугачёвщина

1. Опишите губернию, которая заселена была множеством полудиких народов. Можно ли считать, что этим описанием Пушкин как бы подготавливает читателя к событиям, которые произойдут в Белогорской крепости?
2. Какие приготовления начались в крепости после получения письма от генерала?

Глава VII. Приступ

1. О чём говорит песня, поставленная в эпиграф к этой главе? Почему так быстро удалось Пугачёву взять крепость?
2. Как вели себя немногочисленные защитники крепости? О чём хочет сказать автор фразой: «Народ повалил на площадь; нас погнали туда же»? Как приняли смерть Иван Кузьмич, Иван Игнатьич, Василиса Егоровна?

Глава VIII. Незваный гость

1. В чём смысл эпиграфа к этой главе?
2. Кого Гринёв называет «новообразованным изменником» и почему?

3. Какие настроения пугачёвцев передаёт бурлацкая песня?
4. Каким предстал Петруше военный совет Пугачёва? Почему Пугачёв простил дерзкие и правдивые речи Гринёву?

Глава IX. Разлука

1. Швабрин на службе у Пугачёва. Савельич предъявляет счёт Пугачёву. Прощание с Марьей Ивановной. Прочитайте и прокомментируйте названные эпизоды.
2. Подготовьте близкий к тексту пересказ эпизодов.

Глава X. Осада города

1. Как встретился Гринёв с генералом? Что происходило в городе на военном совете? О каком «подпольном» движении говорили на совете?
2. Что происходило при осаде города?
3. О чём писала Марья Ивановна?

Глава XI. Мятежная слобода

1. Как держался Гринёв в пугачёвском стане и как вели себя пугачёвцы? Чем интересен разговор Пугачёва и Гринёва?
2. Что значат слова Пугачёва: «Улица моя тесна; воли мне мало»?
3. Какое значение имеет сказка Пугачёва об орле и как отреагировал на неё Гринёв? В чём смысл этого диалога?

Глава XII. Сирота

1. Как в этой главе рассказчик называет Швабрина?
2. Почему Пугачёв решил помиловать Марью Ивановну?

Глава XIII. Арест

Почему Гринёву пришлось расстаться с Марьей Ивановной?

Глава XIV. Суд

1. По чьей вине Гринёв привлечён к суду и почему оправдан?
2. Как сложилась дальнейшая судьба героев?
3. Подумайте, как происходило взросление героя: от недоросля к человеку достойному и честному. Воспользовался ли он при этом образом подражания?
4. Как относится автор к героям? Подтвердите своё мнение цитатами из текста произведения. Что можно сказать о пушкинском отношении к восставшим, восстанию, Гринёву, Пугачёву, Маше Мироновой?

ПОДВЕДЁМ ИТОГИ

1. Кто главный герой романа? Почему он назван «Капитанская дочка»?
2. Известно, что по России в 1831 году прокатилась волна холерных бунтов, вооружённых выступлений. Об этом знал Пушкин. Роман он посвятил народным выступлениям XVIII века. Исследователи пушкинского творчества считают, что истоки настоящего искали в прошлом России и что там надо было искать и найти от-

веты на вопросы, которые волновали поэта. Согласны ли вы с этим суждением? Можно ли в прошлом найти объяснение современным событиям?

3. Приступая к роману, Пушкин изучил документы, манифесты, указы Екатерины II, воспоминания современников Пугачёвского восстания. Он писал: «Я прочёл со вниманием всё, что было напечатано о Пугачёве, и сверх того 18 толстых томов разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, проверяя мёртвые документы словами ещё живых, но престарелых очевидцев...», затем создал научный труд «История Пугачёвского бунта».
Найдите на «Карте путешествий А. С. Пушкина» те места, где пришлось побывать поэту, когда он подготавливал материалы для исторической повести о Пугачёве и «Капитанской дочки». Расскажите, что вы об этом знаете.
4. Подготовьте рассказы о действующих лицах романа — Пугачёве, Швабрине, Гринёве, Маше, Савельиче.
5. Вспомните, какой пословицей начинается первая глава. Что хотел сказать ею автор? Каковы тема и идея «Капитанской дочки»? Какова концовка романа «Капитанская дочка» и в чём её смысл?
6. Какие «проверки» устраивает автор Гринёву и Швабрину на честность и на милосердие? В чём смысл четырёх встреч героев? Какие особенности человеческих характеров и человеческого общения они раскрывают?
7. Подняться над жестоким веком, сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к чужой жизни людей, — такой видят главную мысль романа некоторые литературоведы. Согласны ли вы с такой точкой зрения?
Можно ли считать, что Пушкин мечтал, чтобы Гринёв соблюдал честь дворянина, Савельич — честь крестьянина и чтобы человечность объединяла все сословия? Какие герои «Капитанской дочки» и когда проявляют человечность (сочувствие, сострадание, доброту, честность)?

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации художников А. Бенуа, П. Соколова, С. Герасимова, Д. Шмаринова к роману А. С. Пушкина. Найдите в тексте и прочитайте эпизоды из романа, изображённые на рисунках. Какие черты характеров героев романа подчёркивают иллюстраторы?

Творческое задание

Какие вечные проблемы поднимает А. С. Пушкин в этом произведении? В чём современное звучание романа? Напишите сочинение-эссе на эту тему.

1. Сопоставьте отрывки из книги «История Пугачёвского бунта» Пушкина с прочитанным вами романом. Какие документы, описания событий, по вашему мнению, в той или иной степени отражены в пушкинском тексте «Капитанской дочки»?
   Сравните портрет Пугачёва в романе и в «Истории Пугачёвского бунта». В чём сходство и в чём разница?
   Как вы думаете, что стремится подчеркнуть А. С. Пушкин, описывая Пугачёвское восстание, людей, окружающих своего атамана, офицеров царской армии?
   Известный историк В. О. Ключевский признавал, что в «Капитанской дочке» больше истории, чем в «Истории Пугачёвского бунта». Как вы понимаете это высказывание? Что хотел сказать этим историк? Подготовьте развёрнутый письменный ответ на этот вопрос.
2. Итак, мы выяснили, что внимание к истории для крупного писателя не ограничивается только произведениями, посвящёнными историческим событиям, что в любом произведении, как пишет литературовед В. Н. Коровин, проверенном испытанием временем, в той или иной степени автор касается истории, жизни и деятельности людей определённой эпохи, следовательно, отражает историческое время, характеры людей этой эпохи, своеобразие их поступков, взаимоотношений. Кроме того, не существует в подобном случае ограничения жанра произведений. Согласны ли вы с этим суждением литературоведа? Постарайтесь на примерах произведений разных жанров одного писателя подтвердить эту точку зрения. Подготовьте сообщение по этой проблеме в письменной или устной форме.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«19 октября» (1825). В послании «19 октября», первом стихотворении, посвящённом лицейской годовщине, Пушкин, вспоминая друзей-лицеистов, славил дружеский союз («прекрасен наш союз!»), лицейское братство, которое помогает противостоять натиску «судьбины» и даже усмирить её «гнев». Он приветствовал пир жизни, наслаждение её радостями, творчеством и общением родственных душ. Поэт был уверен, что заточение скоро закончится и свобода стоит на пороге его дома:

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:

Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!

Стихотворение отразило и прилив могучих творческих сил поэта, полного новых, невиданных доселе замыслов.

19 октября

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать весёлых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовёт;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждёт.

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Ещё кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлёк холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришёл? Кого меж вами нет?

Он не пришёл, кудрявый наш певец,
С огнём в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашёл привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лёд полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;

Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришёл, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел.
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам!

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!

Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнём волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слёз и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мёртвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока ещё мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придётся одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,

Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведёт,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провёл без горя и забот.

Размышляем о прочитанном

1. Кого вспоминает поэт в связи с датой 19 октября?
2. Кого из друзей-лицеистов особенно называет поэт? Что вы о них знаете?
3. Как вы понимаете слова: [illegible], [illegible], [illegible]?
4. Какие чувства вызывает у поэта воспоминание о друзьях?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение текста, интонационно выделяя слова поэта, обращённые к друзьям-лицеистам.

«Туча» (1835). Стихотворение «Туча» можно рассматривать и как пейзажную зарисовку, и как отклик на десятилетие восстания декабристов, и как философское размышление.

Да, было время, когда природа ждала ливня, грозы, когда туча безраздельно властвовала над всем пространством, сотрясала небо грозными раскатами грома, насыщая землю животворной влагой. Но эта пора прошла. «Земля освежилась, и буря промчалась...» Таков вечный закон изменения и обновления природы. Ему и посвящено стихотворение «Туча» А. С. Пушкина.

Если рассматривать его с философской точки зрения, то этот закон благ и справедлив: вечное движение, вечное изменение — условие неиссякаемости, неисчерпаемости жизни. Но, с другой стороны, это вызывает грусть, ибо само прошлое и то ценное, что было в нём, уходит, в нём уже нет нужды. Этот закон объемлет все сферы жизни, он универсален, следовательно, в орбиту его действия попадает и поэт.

В этом случае в стихотворении можно усмотреть скрытые параллели с жизненным путём поэта: недавно бывший кумиром общества, властителем дум поколения, он вынужден ныне сойти с жизненной и литературной сцены и уступить место другим. Все-

общий закон обновления жизни торжествует повсюду, но и прощание, разлука с прошлым, с его ценностями и достижениями не выступают только личными переживаниями, а тоже являются всеобщими, универсальными, свойственными всем людям чувствами. Так уравниваются в своём значении и гармонически примиряются печаль частного человека и его же всепобеждающая, несокрушимая вера в жизнь.

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождём.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Размышляем о прочитанном

О чём это стихотворение — о рассеянной буре и туче или о настроении поэта, связанном с картиной, которую он наблюдает? Или о чём-то другом?

Учимся читать выразительно

Выучите стихотворение наизусть, прочитайте его выразительно в классе, выделяя интонационно настроение поэта, переданное через пейзажные образы-символы.

Совершенствуйте свою речь

1. Как вы понимаете выражения рассеянная буря, унылая тень, ликующий день, таинственный гром, алчная земля и т. д.?
2. Какие приметы тучи выделяет поэт, используя слова и выражения небо облегала, печально, обвивала гром и т. д.? Как называются литературные приёмы, используемые поэтом?

К* («Я помню чудное мгновенье...»)** (1825). В шесть строф Пушкин вместил целую историю встреч и разлук с А. П. Керн. Сначала (первые две строфы) — мимолётная встреча, потом (следующие две строфы) — унылая жизнь в заточенье, когда мятежной порой «забыли» голос нежный и его затворничество протекало:

Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

И наконец, последние две строфы — пробуждение души, упоение творчеством, жизнью, наслаждение красотой, увенчанные любовью:

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Стихотворение «К***», однако, не только автобиографично. В нём есть другой план, в котором раскрыта тема красоты, тема поэтического вдохновения. Любовь пришла к Пушкину после того, как «душе настало пробужденье», когда все духовные силы поэта встрепенулись для приятия жизни, все творческие способности раскрылись и чувствам стала внятна красота. Тогда и приходит любовь, гармонически венчающая всю картину. Стихотворение «К***» даёт возможность понять очень важные черты Пушкина-художника. Жизнь вне гармонии, без красоты, без любви, без творчества бедна и однообразна. Поэт отторгнут от мира, он не слышит бытия, не видит его красок. Но вот приходит чудо преображения души, и исчезают «томленья грусти безнадежной», «тревоги шумной суеты». Душа открывается всему миру, и мир открывается душе. Поэт готов внимать бытию и отвечать ему поэтическим словом. Мир предельно расширяется, поэт вбирает его впечатления, обретает гармонию с ним. В душе поэта также утверждается согласие. Приобщение к бытию проис-

ходит необъяснимым образом, благодаря «чудному мгновенью», преображающая сила которого сродни религиозному откровению («как мимолётное виденье») и явлению неземного ангельского лика («как гений чистой красоты»).

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Размышляем о прочитанном

1. О чём это стихотворение?
2. С чем связано вдохновение поэта? Почему ему так важно пробуждение души?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть, интонационно подчеркнув слова, повествующие о пробуждении души и приходящем к поэту вдохновении.

Обогащаем свою речь

1. Как вы понимаете слова *вдохновенье, упоенье, пробужденье*?
2. Объясните значение слов и словосочетаний и введите их в собственную речь: *Отечество, вольность, проповедь, беспутность, распря, [illegible], осыпать упрёками, недоросль, [illegible], изумлённый*.

Проект

1. Используя ресурсы Интернета и статью в разделе учебника «Литературные места России», подготовьте заочную экскурсию «Пушкин в Оренбурге».
2. Подготовьте и проведите в классе викторину «Пушкин и его родословная» (при подготовке используйте материалы книги «Читаем, думаем, спорим... 8 класс»).

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

На позиции художественного историзма в литературе вслед за Пушкиным переходит и *Лермонтов*. Поэт понимает историзм как совокупность признаков, определяющих национальное своеобразие. К таким признакам он относит климат, верования, язык, обычаи. Под их влиянием складывается характер народа и характер человека.

В начале своего творчества *Лермонтов убеждён*, что история представляет собой *арену борьбы свободы и тирании*, добра и зла. Однако такой взгляд на историю во второй половине 1830-х годов утрачивает для поэта свою привлекательность. Он проникается мыслью, что личное вольнолюбие и личное стремление к свободе при всей их ценности терпят крушение и что причиной катастрофы выступают не личные убеждения и пороки гордых и смело вступающих в борьбу с деспотизмом и его проявлениями героев, а стоящая над ними власть обстоятельств. Она мыслится сначала роковой предначертанностью событий, Божьей волей.

Мцыри чувствует свою зависимость не только от того, что, рождённый в естественной среде, он воспитывался в неволе монастыря, которая оставила неизгладимый «след» в его душе и повлияла на его судьбу, помешав обрести волю, но и зависимость своей участи от высших сил. *Лермонтов даёт понять*, что движение истории зависит не только от усилий личности, но и от пока ещё неясных, таинственных обстоятельств, которые управляют самой личностью.

От произведения к произведению историзм *Лермонтова* становился всё более глубоким. Так, уже в «Песне про царя Ивана

Васильевича... и удалого купца Калашникова» сам конфликт и характеры героев — Ивана Васильевича, Кирибеевича и Калашникова — определены укладом жизни в Древней Руси, её обычаями, её психологией и духовным строем, её нравственными понятиями, образом жизни русских людей. Купец Калашников, его жена, его братья держатся старых патриархальных порядков. В их доме царит размеренный, веками укоренившийся быт. Таковы и отношения в семье: муж — защитник жены и младших братьев, которые ему подчиняются беспрекословно. В случае смерти или гибели мужа и старшего брата младшие занимают его место, берут на себя его долю ответственности и все заботы о семье. Поэтому они обещают Калашникову, если он будет побит в бою с Кирибеевичем, снова вступить в схватку с обидчиком. Но патриархальный быт уже терпит крушение. Его устои нарушают, с одной стороны, деспотический царь, который не подчиняется вековым обычаям, хотя сам же должен их соблюдать, и, с другой стороны, его слуга Кирибеевич, противопоставляющий общим народным установлениям личную волю, личный произвол. Царь тем самым ставит себя над народом, Кирибеевич не желает считаться с народной моралью. Конфликт в поэме перерастает семейно-бытовые рамки и превращается в исторический. В поэме Лермонтова, наполненной широким эпическим содержанием, повествуется о важном переломе в русской жизни, в русской истории.

В этой поэме Лермонтов на стороне купца Калашникова, который был выразителем вековой народной нравственности. Недаром о нём не забывает народ, сохранивший его имя в песне и в своей памяти. По мысли поэта, единство с народом придаёт величие и бессмертие отдельному человеку.

С течением времени Лермонтов перестал изображать, как это было в начале 1830-х годов, своих героев, взятых из истории, носителями современного ему сознания. Он уже не переносил исторические, социальные, психологические понятия, свойственные его времени, в прошедшие исторические эпохи. Герои Лермонтова думали и говорили так, как они могли думать и говорить в те годы, когда они жили и действовали. Это особенно хорошо видно в стихотворении «Бородино», где передано патриотическое чувство русских людей, в том числе старого солдата-артиллериста, рассказывающего своим языком с присущими ему живыми интонациями о сражении при Бородине. С глубоким сожалением Лермонтов передаёт и своё ощущение: нынешнее племя стало мелким, в нём нет богатырей, подобных старым русским воинам, победившим в Отечественную войну 1812 года. Это до-

садное переживание сменялось, однако, более светлым, в котором сквозила надежда.

Через три года Лермонтов написал знаменитую «Родину», где явно сказал о богатырстве в России и о любви к ней. Теперь родина представлялась ему страной, как бы предназначенной для жизни богатырей: бесконечные степи, огромные просторы, широкие, подобные морям реки. Но поэт увидел и другую сторону: печаль, бедность, скромный быт. В этих противоречиях открылась поэту Россия, и, признаваясь в любви к ней, он искренне радовался нехитрому довольству крестьянской жизни, если ему удавалось его заметить. В таком понимании России Лермонтову помог подлинный историзм. Он стал складываться в его творчестве по мере постижения жизни народа в прошлом и настоящем.

В. Коровин

?! Проверьте себя

1. Постарайтесь передать близко к тексту содержание статьи В. И. Коровина о поэте.
2. Вспомните, какие произведения на историческую тему, созданные Лермонтовым, вам известны. Расскажите о них.
3. Прочитайте наизусть одно из стихотворных произведений поэта на историческую тему.

Мцыри[1]

Вкушая, вкусих мало мёда, и се аз умираю.
1-я Книга Царств[2]

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы

[1] *Мцыри* — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». *(Прим. Лермонтова.) Послушник* — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество.

[2] «*Вкушая, вкусих мало мёда, и се аз умираю*». — «Я попробовал немного мёда, и вот я умираю» — слова из Библии. Смысл эпиграфа: немного радостей пришлось испытать герою, а вот он должен умереть.

И ныне видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц[1] благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручён своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребёнка пленного он вёз.
Тот занемог, не перенёс
Трудов[2] далёкого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нём мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал

---

[1] *Кади́льница* — сосуд для благовонных курений во время церковной службы.

[2] *Труды́* — здесь: тяготы, лишения.

И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасён.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещён святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет[1],
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днём приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришёл к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь

[1] *Обет* — обещание религиозного характера. *Изречь монашеский обет* — принять монашество, стать монахом.

Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой — дитя, судьбой — монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов „отец" и „мать".
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,

В душе я клятву произнёс:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежею толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды тёмных скал,

Когда поток их разделил,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтиться никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курилися, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножон
Кинжалов длинных... и как сон

Всё это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.
А мой отец? Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестёр...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток,
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождём
Волны касалися крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре[1],
Вы ниц[2] лежали на земле,

---

[1] Алтарь — главная часть храма, отделённая иконостасом (стеной с иконами) от общего помещения.

[2] Ниц — ничком.

Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнии ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устав,
Прилёг между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж тёмным небом и землёй,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далёких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуёй блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор

С упрямой грудою камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез[1].

11

Кругом меня цвёл Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слёз,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серёг подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.

[1] Имеется в виду легенда об ангеле, согрешившем перед Богом и за это низвергнутом с небес.

Всё, что я чувствовал тогда.
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах[1] вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — лёгкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он

[1] *Прах* (устар.) — здесь: пыль.

Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

12

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры[1]
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоскою кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,

[1] Чадра — лёгкая ткань, которой женщины-мусульманки укрывали голову, лицо и фигуру.

Как отпиралась тихонько дверь...
И запиралася опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурён,
Я лёг в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне —
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятья жадные раскрыв.
Мир тёмен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе, — и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник [1], спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева,
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,

[1] Терновник — низкий колючий кустарник.

Играл, валяясь на песке.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё оружье... Он завыл,
Рванулся из последних сил,

И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Ещё они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез

М.Ю. Лермонтов. «Мцыри». Художник Ф. Глебов. 1940

В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,

Терзал, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унесть в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомненье погружён,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут всё ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слёз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма

Оставила... Такой цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёг
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая жёлтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нём,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,

Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред. Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лёд холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пёстрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуёй
Была покрыта золотой
Её спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор её зелёных глаз
Был грустно нежен и глубок...

И любоваться я не мог.
Её сребристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил: „Дитя моё,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житьё
И холод и покой.

*

Я созову моих сестёр:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою..."

*

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой

Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовёт меж стен глухих
Вниманье скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёг свою тюрьму
И возвратится вновь к Тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенесть меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлёт,
Пришлёт с прохладным ветерком...

И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отёр внимательной рукой
С лица кончины холодный пот
И что вполголоса поёт
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну
И никого не прокляну!..»

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Не первый год вы знакомитесь с творчеством М.Ю. Лермонтова (стихотворения, поэмы, сказки). Назовите произведения поэта, которые вы изучали в пятом — восьмом классах.

1. Какова основная художественная мысль поэмы «Мцыри»? Как вы объясните слово *исповедь*?
2. Какие чувства и настроения Мцыри передаются в актёрском чтении Николаем Лазаревым?
3. Какие интонации преобладают при чтении поэмы: торжественные, грустные, радостные? С какими чувствами это связано?
4. Усиливает ли музыка К. Дебюсси ваши впечатления, возникшие при чтении и прослушивании поэмы?
5. Что вы могли бы добавить к характеристике Мцыри благодаря чтению Николая Лазарева?
6. В чём смысл сравнения жизни Мцыри в монастыре и на воле? Удалось ли это различие продемонстрировать актёру в чтении?
7. Какую роль играют в поэме картины кавказской природы? Какие литературные приёмы помогли автору показать их, а актёру подчеркнуть интонацией?
8. Выучите наизусть и прочитайте выразительно отрывок из поэмы от слов «Ты слушать исповедь мою...» до слов «Бежал я долго...» или другие отрывки из исповеди Мцыри.

НАЧАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОМАНТИЗМЕ

Романтизм — художественное направление в искусстве и литературе большинства стран Европы, в том числе и России, а также в литературе США.

Общей исторической почвой, на которой возник европейский романтизм, явилась переломная эпоха, связанная с Вели-

кой французской революцией (1789), с ощущением безграничной свободы личности и одновременно невозможностью в полной мере осуществить эту свободу в реальной действительности. Таким образом, романтизм изначально противоречив и проявился в литературе именно в этой противоречивости — как очарование возможностями личности, ставшей свободной, и как разочарование личности, не способной на деле воспользоваться свободой для полного и гармоничного расцвета.

Личность и земной мир в лице государства, общества, быта и личность в романтизме — враги, и согласие между ними невозможно. Вместе с тем личность может влиять на внешний мир в положительном или отрицательном смысле, так же, как внешний мир может влиять на личность. Но в ходе всегда непримиримого конфликта личность чаще всего гибнет, оставаясь верной своим убеждениям. Внешний мир может погубить романтического героя, но не может изменить его душу. Он не властен над внутренним содержанием личности.

Таким образом, в романтизме мир и герой резко противопоставлены друг другу. Отсюда возникает основной принцип романтического изображения — контраст, обнажённое и бескомпромиссное столкновение главных героев, которые отстаивают противоположные нравственные ценности. При этом художник-романтик не ставит перед собой задачи точно воспроизвести реальную действительность. Его цель — передать своё отношение к ней, создать свой, вымышленный образ мира, чтобы с помощью контраста героя с окружающей жизнью выразить свой идеал и своё неприятие отрицаемого им мира. Стало быть, события, происходящие в романтических произведениях, важны для раскрытия особенностей личности, которая интересует автора. Художник-романтик, в частности Лермонтов, в разнообразных формах стремится воспроизвести трагедию современного человека и своё отношение к неудовлетворяющей и отвергаемой действительности,

Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

Литература романтизма выдвинула своего героя, чаще всего выражающего авторское отношение к действительности.

Романтическая картина мира контрастна, она представляет собой скопление противоположностей: божественное — дьявольское, возвышенное — низменное, небесное — земное, истинное — ложное и т. д. Романтик находится в вечном противоречии

с действительностью. Согласно романтизму мир совершенен и прекрасен как замысел и несовершенен как воплощение. Поэтому истинной родиной для романтика выступает небесный мир, находящийся за гранью мира земного. К этому идеальному миру романтик устремлён всей душой, всем сердцем. От тусклого, унылого, скучного «здесь», от дольнего мира романтик порывается к очаровательному «там», к миру горнему. Так возникает романтическое двоемирие.

Романтический герой неотделим от авторского «я». Именно герой высказывает или выражает своим поведением тайные мысли и чувства автора. Герой романтизма — носитель истинно человеческого нравственного начала, которого лишена действительность. Поэтому для окружающих людей он предстаёт странным. Его странность проступает в портрете (одухотворённая красота, уродство или физическое безобразие, оттеняющие высокую человечность, болезненная бледность, выразительный взгляд необыкновенно умных и проницательных глаз), в поведении (герой поступает не так, как обычные люди, его поведение выбивается из существующих норм и приличий). Так образуется целый ряд романтических типов (наивный чудак, детски простодушный и в глазах общества смешной, трагический одиночка и мечтатель, романтический бродяга или разбойник, разочарованный наблюдатель, демоническая личность, испытывающая трагический разлад с действительностью и самим собой, патриот и гражданин, автобиографический образ, безумный художник, причастный к тайне творчества). Эти романтические герои появляются на фоне особых пейзажей. Природа рисуется романтику вольной стихией, неподвластной человеческому произволу. Поэтому пейзаж всегда таинствен, неопределёнен: чаще всего избираются либо рассвет, либо вечерние сумерки, либо ночь. Романтик предпочитает бурные стихийные проявления природы или покой, а также прихотливую изменчивость состояний природы.

Романтический герой — исключительная и часто таинственная личность, которая пребывает обычно в исключительных обстоятельствах. Столкновение внешних событий перенесено во внутренний мир героя, в душе которого происходит борьба добра и зла. В результате такого воспроизведения характера романтизм чрезвычайно высоко поднял ценность личности, неисчерпаемой в своих духовных глубинах, открыв её неповторимый внутренний мир. Человек в романтических произведениях также воплощён с помощью контраста, антитезы: с одной стороны, он мнит все-

цом творения, а с другой — безвольной игрушкой в руках судьбы, неведомых и неподвластных ему сил, играющих его чувствами. Поэтому он часто превращается в жертву своих собственных страстей.

?! Проверьте себя

1. Расскажите о характерных чертах романтического героя (на примере героя поэмы «Мцыри»).
2. Каковы отличительные черты романтического пейзажа? Приведите примеры романтического описания природы в поэме М. Ю. Лермонтова.

ПОЭМА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МЦЫРИ» В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ

В. Г. Белинский: Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму... Какое разнообразие картин, образов и чувств! Тут и бури духа, и умиление сердца, и вопли отчаяния, и тихие жалобы, и гордое самоотречение, и кроткая грусть, и мрак ночи, и торжественное величие утра, и блеск полудня, и таинственное обаяние вечера!.. Многие положения изумляют своею верностию: таково место, где Мцыри описывает своё замирание подле монастыря, когда грудь его пылала предсмертным огнём, когда над усталою головою уже веяли успокоительные сны смерти и носились её фантастические видения. Картины природы обличают кисть великого мастера: они дышат грандиозностию и роскошным блеском фантастического Кавказа.

Д. Е. Максимов: Поэма «Мцыри» — одно из самых поразительных поэтических созданий Лермонтова. В русском и мировом искусстве не часто встречаются произведения, в которых воля и свобода, мечта о родине, прославление земной жизни и борьбы — «мира восторг беспредельный» — были бы доведены до такой остроты, до такого могучего напряжения, как в этой поэме.

Мцыри — «естественный человек» в большей степени, чем другие близкие ему персонажи Лермонтова. Мцыри — высокий мятежный герой, ищущий пути из своего заточения на родину, в мир цельного бытия, свободы, борьбы и любви...

Мцыри не только «естественный человек», сохранивший в себе духовные сокровища своей родины. Помимо того, он по-

страдающий от цивилизации, заточенный его в монастырь, и этот факт не безразличен для его характеристики.

...В личности Мцыри живо и убедительно сочетаются черты силы и слабости. В этом [illegible] и заключается основной принцип индивидуализации его образа. Огненная страстность, мужественность, свободолюбие, непреклонная воля Мцыри — явление могучего духа «его отцов» — неотделимы в нём от его физической хилости и болезненности — наследства монастырского режима...

Поэма «Мцыри», в которой рассказывается об увлечённых переживаниях кавказского юноши, не является прямым отражением действительности 30-х годов. Тем не менее явленная в «Мцыри» действительность Кавказа, в целом отнюдь не условная, подлинная, просвечивает скрывающейся за ним русской действительностью, но и не исчерпывается...

Живой и конкретный образ монастырского послушника, помимо своих ярких локальных черт, близок самому Лермонтову и передовым людям его эпохи — страдающим, непокорным, рвущимся к свободе. Вольные и невольные сопоставления Мцыри с лирическим героем Лермонтова и другими персонажами его творчества и произведений современных ему авторов подтверждают это заключение...

Стиховая форма «Мцыри» (четырёхстопный ямб со сплошными мужскими рифмами, частыми переносами и отрывистым синтаксисом) оказалась влиятельной. Инерция её ясно ощущается в поэмах «Разговор» Тургенева, «На Волге» Некрасова.

Личность Мцыри не исчерпывается волей, гордостью, страстью. В ней есть что-то ещё: горячее, нежное, трепетное...

Но в душе Мцыри преобладают, определяя его поведение, упругие, мужественные силы. Он полон решимости приобщиться к прекрасному миру. Мцыри — действенный герой, чуждый обезоруживающей мировой скорби и презрения к людям как таковым...

В. И. Коровин: Поэма «Мцыри» начинается кратким эпическим зачином, в котором дана предыстория героя. Действие поэмы отнесено в прошлое. Трагическая и мятежная судьба начинается с того, что Мцыри взят в плен ребёнком. Лермонтов сразу же подчёркивает противоречивость героя — он пуглив и дик, «слаб и гибок», но «в нём мучительный недуг / Развил тогда могучий дух / Его отцов». Могущество внутреннего духа и слабость тела — вот характерное противоречие Мцыри, объясняемое оторванностью от родных мест и вековой тоской по

родине. Могучий дух возрос в чуждой ему искусственной среде, он питается воспоминаниями и неясными предчувствиями вольной жизни.

Двуплановость образа Мцыри отражена в двуплановости внешнего мира, в монастырской тюрьме и в кавказской природе, в двуплановости поэтической структуры, где стих выражает внутренний мир Мцыри, а сюжет — внешнюю обусловленность его судьбы.

Мцыри поставлен в один ряд с природой, временами он чувствует себя диким и вольным зверем. Именно здесь, в столкновении с природой, слабый телом юноша ощутил необыкновенный прилив сил, гармонию телесного и духовного. Природа напрягает душевные силы юноши, дает ему отдых, утоляет жажду, приносит счастье любви. Эпизод с грузинкой раскрывает духовный мир Мцыри, его жажду счастья, любви, добра, его приверженность прекрасному миру, полноту его желаний и недостижимость для него простого счастья, его принципиальную невозможность. Чувство Мцыри остается томлением, тоской, оно овеяно печалью и грустью.

Природа открывает Мцыри свои душевные и предметные богатства, но как только юноша вступает в непосредственное соприкосновение с ее дарами, его посещает тоска.

Мцыри предлагается один путь — на волю, в действительность. *Лермонтов* отстаивал героическое деяние, путь борьбы, мужества, несгибаемой стойкости. Но каковы реальные пути к светлой цели, «лермонтовский человек» ещё не знает и над этим почти не задумывается. Он ищет пути, предлагаемые самой жизнью.

Доверие к жизни и к внутренним силам личности провозглашает и поэтизирует *Лермонтов* в «Мцыри».

РОМАНТИЧЕСКИ-УСЛОВНЫЙ ИСТОРИЗМ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В творчестве *Лермонтова* русская и мировая история представлена широко и разнообразно. Поэт обращается и к прошлому человечества, и к настоящему. Прошлое являлось поэту через фольклор («Песня про купца Калашникова...»), через предания, устные рассказы («Бородино»), настоящее выражалось в закреплявшихся в самих перипетиях событиях. При этом историзм Лермонтова приобретает сугубо индивидуальную, личную окра-

ная и в этом отношении становится романтически-условным. Так, история Мцыри является эпизодом русско-кавказских отношений (генерал привозит пленного ребёнка в монастырь). В дальнейшем эта история отходит на второй план, и судьба Мцыри осмыслена в исключительно личном и романтически-условном ключе, где повествование об исторических событиях уже не играет решающей роли. Такой же романтически-условный и целиком личный характер носит история в поэме «Песня про купца Калашникова...» и в стихотворении «Бородино». Конкретные исторические детали служат для прояснения личного восприятия истории.

Размышляем о прочитанном

1. Чем отличается интонация повествования об истории героя от исповеди Мцыри? Что значит слово исповедь? Что отстаивает в своей исповеди Мцыри?
2. Каковы история судьбы Мцыри и его характер? Что делал, что видел и о чём вспоминал герой на воле? О чём тоскует он и печалится? Почему не нашёл Мцыри «помощи людской»?
   Какова его битва с барсом и кем бы вы назвали Мцыри-борца? Как вы понимаете сравнение «...В тюрьме воспитанный цветок» и в чём смысл этого сравнения? На что надеется Мцыри? О чём просит Мцыри в конце исповеди?
   В чём смысл сравнений Мцыри жизни в монастыре и на воле?
3. Какую роль играют в поэме картины кавказской природы и какие литературные приёмы помогли автору показать их?
4*. Литературоведы считают, что в поэме «Мцыри» поэт провозглашает и поэтизирует доверие к жизни и внутренним силам личности. Как вы понимаете это утверждение, согласны ли вы с ним? При изложении своей позиции подтвердите её текстом поэмы.
5. Совпало ли ваше впечатление о прочтении поэмы «Мцыри» с впечатлением В. Г. Белинского?
6. Какие мысли литературоведов во взгляде на лермонтовского героя близки друг другу? Что вам показалось особенно важным для создания характеристики Мцыри и его высказываниях?

Литература и другие виды искусства

1. Известны ли вам иллюстрации к поэме? Так ли представлялись вам облик героя и эпизоды из произведения?
2. Рассмотрите иллюстрации к поэме. Удалось ли художнику И. Тоидзе передать пафос поэмы «Мцыри», характер главного героя?

Учимся читать выразительно

Выберите текст из поэмы для заучивания наизусть (исповедь героя, описание битвы с барсом, начало поэмы — на выбор) и подготовьте его для выразительного чтения в классе.

Творческое задание

Составьте план и подготовьте характеристику Мцыри, включите в неё цитаты из текста и высказывания литературоведов для подтверждения своих суждений о герое.

Обогащаем свою речь

Объясните значение слов и словосочетаний и включите их в отзыв о поэме «Мцыри»: [illegible]

Проект

Используя статью о музее М. Ю. Лермонтова в Москве (раздел «Литературные места России») и ресурсы Интернета, подготовьте заочную экскурсию по музею.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

1809—1852

Н. В. Гоголь с детства испытывал глубокий интерес к истории. Он хорошо знал не только русскую и украинскую, но и всемирную историю, был сведущ в истории мировой культуры, изобразительного искусства, европейской архитектуры. Любовь к истории и к искусству принимала подчас необычные формы. Гоголь, например, мечтал о том, чтобы в одном из городов отвести улицу, на которой затем разместить образцы архитектуры на протяжении всего исторического развития человеческого общества — от памятников первобытной архитектуры и образцов зодчества Древнего Египта, Древней Греции, Древнего Рима, Средних веков, Возрождения вплоть до архитектурных ансамблей Нового времени.

В собственных сочинениях Гоголь часто обращается к любимой им истории. В сборниках «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», в «Петербургских повестях», поэме «Мёртвые души» у Гоголя встречается множество исторических событий. Он касается в этих произведениях и царствования Екатерины II, и событий Отечественной войны 1812 года, вспоминает народные песни, предания, исторические анекдоты.

Историческая тема (повесть «Тарас Бульба») становится главной в рассказе о Запорожской Сечи. В изображении Гоголя Запорожская Сечь — это особый мир, особая вселенная, со своим укладом, обычаями, отношениями между людьми и в семье — между мужем и женой, детьми и отцом, детьми и матерью.

В основе гоголевского понимания национальной истории лежит представление о том, что история сохраняется в фольклоре, в языке, в народных легендах. Герои легенд — богатыри, сила которых была неизмеримой, но потом, со временем, стала исче-

вать. И вот уже пропала Запорожская Сечь, не слышно весёлых песен, не смеются девушки и парубки. В центре Миргорода расположилась вечная лужа, а обыватели городка измельчали и теперь спорят друг с другом из-за пустяков. Причины Гоголь увидел в том, что современные люди не исполняют свой долг граждан, радеющих о благе Отечества, что они поддались корыстным соблазнам и ради них готовы на обман ближнего. Каждый мечтает показаться более значительным, чем он есть на самом деле. В итоге исчезает личность, индивидуальность, которую заменяют либо прическа, либо галстук, либо воротник, либо бакенбарды, либо шляпка. Уменьшается число настоящих людей, обладающих достоинством, умом, высокими чувствами, умеющих воспитывать в себе подлинных людей, и страна теряет духовные силы, становится слабой, душевно порочной. Души людей подтачивает и нагрызает червь корысти, преклонения перед чином и званием, в людях укореняются низменные инстинкты. Всё общество превращается в скопище нравственных уродов, летящих в пропасть.

Эту историческую опасность Гоголь видел в России и стремился её предотвратить. Он надеялся смехом потрясти до основания человеческое сердце, чтобы, увидев себя в зеркале юмора, иронии, насмешки, — иногда и сатиры, оно, человеческое сердце, ужаснулось бы тому, что же с ним стало, и, ужаснувшись, затрепетало бы, желая иной, лучшей судьбы.

И тогда человек, думал Гоголь, станет воспитывать сам себя в духе священных Божеских и гражданских обязанностей. Он обратится за помощью к Богу и станет исполнять его заветы. Когда это произойдёт, в России возвратятся прежняя мощь, прежнее богатырство, удаль, прежняя ширь и страна вновь обретёт душевное и духовное богатство. Писатель верил, что Россия станет самой просвещённой, самой величественной и самой богочеловечной страной мира, с которой будут брать пример другие народы и государства.

Пока же, считал Гоголь, надо показать русским людям, в какой мерзости они живут, как обнищали их души. С этой целью писатель вывел в комедии «Ревизор» вымышленный город, одновременно и похожий и непохожий на провинциальные города России, в котором царит подлость, все чиновники погрязли в пороках. Их души омертвели, сами они незаметно для самих себя превратились в глупцов, хотя по природе вовсе и не глупы. Все заняты сплетнями, мелочными, корыстными интересами. На этом фоне душевно и духовно ничтожных людишек появляется незначащий чиновник из Петербурга, который всего боится. Провинциальные

чиновники страшатся его и неожиданно воображают важным и таинственным ревизором, прибывшим из столицы. Страх становится у Гоголя следствием нравственной пустоты, морального уродства и приводит городничего и городских чиновников к полному духовному краху. Вместо живых лиц внезапно обнаружилось какое-то свиное рыло, наложенное на лица людей. Лица людей искажены до неузнаваемости и напоминают самых грязных животных. Но это не грязь внешняя, легко смываемая, а грязь душевная. Для того чтобы её смыть и очистить свою душу, надо много и упорно трудиться, нравственно воспитывая себя. К этому и призывал Гоголь, в этом видел исторический путь России к спасению.

?! Проверьте себя

1. Что вы можете сказать об интересе Гоголя к истории? В каких произведениях писателя идёт речь об истории или исторических событиях?
2. В чём видел Гоголь опасность для России? Что необходимо, по его мнению, чтобы возвратились ей прежние мощь и богатство?
3*. Можно ли считать, что мысль Гоголя о создании в одном городе специальной улицы, в архитектурном ансамбле которой отражалось бы развитие мировой культуры, в некоторой степени воплощается в жизнь сегодня (например, при создании «Диснейленда»)? Какой цели служат эти проекты?

О ЗАМЫСЛЕ, НАПИСАНИИ И ПОСТАНОВКЕ «РЕВИЗОРА»

Гоголь мечтал о комедии «со злостью и солью». Он придавал театру исключительно большое общественно-воспитательное значение. Театр представлялся ему «кафедрой, с которой читается разом целой толпе живой урок». Гоголь мечтал о театре, который явился бы «великой школой» для общества и беспощадно карал бы смехом «плевелы»[1] русской действительности. «На сцену их! — восклицает писатель. — Пусть видит их весь народ! Пусть посмеётся им! О, смех великое дело! Ничего более не боится человек так, как смеха».

В октябре 1835 года Гоголь пишет Пушкину: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит тем временем написать комедию... Сделайте милость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь — куда смешнее

[1] Плевелы — сорняки; здесь: вредное, губительное, негативное.

мёртвых». Впоследствии Гоголь говорил, что мысль о «Ревизоре» ему впервые подсказал Пушкин.

Повсеместно царившие казнокрадство и взяточничество провинциальных властей, их боязнь ревизора из центра — всё это было распространённым явлением в тогдашней России. С негодованием и сарказмом писатель раскрыл всю гниль и мерзость людей, олицетворяющих собой власть в городе, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Дикий произвол, взяточничество, казнокрадство, невежество — таковы нравы безвестного города, в который случай занёс Хлестакова.

19 апреля 1836 года на сцене Александринского театра в Петербурге состоялось первое представление «Ревизора». Зал был полон «блистательной публики». Перед самым началом представления в театр прибыл царь с наследником. Вначале в зрительном зале раздавался раскатистый смех. Уже после первого акта, свидетельствует очевидец, недоумение было написано на всех лицах зрителей, сидящих в партере и ложах. Смех становился всё сдержаннее. К концу спектакля недоумение перешло в ярость. Только теперь понят истинный смысл «Ревизора» и Николай I, выходя из ложи, он заметил:

— Ну и пьеска! Всем досталось, а мне — более всех!

Реакционная критика начала неслыханную свистопляску вокруг имени писателя. Его гениальную комедию стали третировать в печати как «грязное творение», как глупый фарс, недостойный искусства и ничего общего не имеющий с действительностью.

В демократическом лагере комедию Гоголя встретили восторженно. В. В. Стасов рассказывал: «Все были в восторге. Мы наизусть повторяли друг другу... целые сцены, длинные разговоры оттуда...»

25 мая 1836 года «Ревизор» был поставлен в Москве, на сцене Малого театра. Критик Белинский приветствовал в «Ревизоре» истинно художественное произведение, а впоследствии неутомимо пропагандировал его. Историческую заслугу Гоголя Белинский видел в том, что он осуществил поворот русской драматургии к социальной теме, к изображению реальных процессов русской действительности. Гоголь продолжал дорабатывать пьесу. В окончательном тексте 1842 года появляется знаменитое восклицание городничего: «Чему смеётесь? Над собой смеётесь!» Именно в этом издании впервые был предпослан комедии сатирический эпиграф («На зеркало неча пенять, коли рожа крива»), были изменены и дополнены новые сцены, завершающая комедию.

Сцена V действия первой постановки «Ревизора» в Александринском театре. *Гравюра по рисунку В. Самойлова*

Гоголь понимал, что успех драматургического произведения зависит во многом от актёра, от того, как правильно и глубоко проникнет он в замысел автора. Писатель не уставал разъяснять актёрам, как надлежит играть пьесу, подчёркивал при этом очень важную мысль, что герои, которых они воплощают, — самые обыкновенные люди, не исключение из своей среды, а самые типичные её представители.

Позднее, в 1846 году, в разгар работы над «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголь написал «Развязку „Ревизора"». В ней он сообщал, что под провинциальным городом он подразумевал «душевный город» человека, под видом чиновников «бесчинствуют наши страсти», а Хлестаков — это «ветреная светская совесть». Гоголь придал «Ревизору» аллегорическое толкование. «Пёстрая куча толков, вызванная появлением «Ревизора», произвела на Гоголя тягостное впечатление. «Теперь я вижу, — отмечает он в письме к Щепкину, — что значит быть комическим писателем. Малейший признак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия...»

Гоголь принимает решение уехать за границу. Он надеется там отдохнуть, поправить здоровье...

По книге С. Машинского «Гоголь»

1. О каком театре мечтал Гоголь? Когда был поставлен «Ревизор» в театре (в Петербурге, в Москве)? Какова была реакция зрителей и императора? Что изменилось в окончательном варианте 1842 года?
2. Какую оценку пьесе дал В. Г. Белинский? Какую «развязку» впоследствии придумал Н. В. Гоголь к «Ревизору»?
3. Против чего восстали все сословия? Как это воспринимал автор?

Ревизор

Комедия в пяти действиях

> На зеркало неча пенять,
> коли рожа крива.
> *Народная пословица*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий[1].

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель[2] училищ.

Жена его.

Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений[3].

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер[4].

Пётр Иванович Бобчинский } городские помещики.
Пётр Иванович Добчинский }

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

---

[1] *Городничий* — начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX века).

[2] *Смотритель* — должностное лицо, которому поручался надзор за чем-нибудь, учреждением.

[3] *Богоугодные заведения* — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались богатыми людьми, чтобы угодить Богу). *Попечитель* — должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах.

[4] *Почтмейстер* — начальник почтовой конторы (ныне отделения почтовой связи и современный почтамт).

Фёдор Андреевич Люлюков Иван Лазаревич Растаковский Степан Иванович Коробкин	отставные чиновники, почётные лица в городе.

Степан Ильич Уховёртов, частный пристав[1].

Свистунов Пуговицын Держиморда	полицейские.

Абдулин, купец.
Февронья Петровна Пошлёпкина, слесарша.
Жена унтер-офицера.
Мишка, слуга городничего.
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актёров.

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведёт себя очень солидно; довольно сурьёзен, несколько даже резонёр[2]; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жёстки, как у всякого начавшего тяжёлую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своём мундире с петлицами и в ботфортах[3] со шпорами. Волоса на нём стриженые, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, ещё не совсем пожилых лет, воспитанная вполовину на романах и альбомах, вполовину на хлопотах в своей кладовой и девичьей[4]. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берёт иногда власть над мужем потому только, что он не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

---

[1] *Частный пристав* — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города.
[2] *Резонёр* — человек, любящий вести пространные рассуждения нравоучительного характера.
[3] *Ботфорты* — высокие сапоги с раструбами выше колен.
[4] *Девичья* — комната для дворовых служанок.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове[1], — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьёзно, смотрит несколько вниз, резонёр и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга, оба с небольшими брюшками, оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьёзнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему даёт вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своём значительную мину. Говорит басом, с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всём том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы[2] их всегда почти находятся перед глазами.

---

[1] Без царя в голове — для понимания этого выражения сравните его с пословицей «Свой ум — царь в голове».

[2] Оригиналы — здесь: подлинники, прообразы.

Господа актёры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесённое слово должно произвесть электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения этих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито[1]. И ещё с секретным предписаньем.

Аммос Фёдорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! ещё и с секретным предписаньем!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель *(бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами)*... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд *(значительно поднимает палец вверх)*. Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя

[1] Инкогнито — тайно.

чистым лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» *(остановясь)*, ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрыпке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Фёдорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! *(Вздохнув.)* До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Фёдорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то[1], вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Ещё и умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Фёдорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предуведомил[2]. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

---

1 *Министерия* — здесь правительство.
2 *Предуведомить* — предупредить.

Н. В. Гоголь. «Ревизор». Действие I, явление 1.
Автолитография. Художник П. Боклевский. 1867

Артемий Филиппович. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! Насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре[1], тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук,
отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

---

[1] *Натура* — природа.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места[1]. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завесть его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

Аммос Фёдорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник[2]. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

Аммос Фёдорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчёт же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерьянцы[3] напрасно против этого говорят.

---

[1] Присутственные места — здание учреждения; здесь: уездный суд.

[2] Арапник — ременный кнут.

[3] Волтерьянцы (правильно: вольтерьянцы) — последователи великого французского писателя и философа Вольтера, борца против феодального строя. «Волтерьянцами» невежды и реакционеры называли всех свободомыслящих людей, критически относившихся к властям.

Аммос Фёдорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

Аммос Фёдорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Фёдорович. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях[1], но имеют очень странные поступки, натурально[2] неразлучные с учёным званием. Один из них, например вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда

[1] *Коллегия* — здесь: высшее учебное заведение.
[2] *Натурально* (устар.) — естественно.

зашёл было в класс наш предводитель[1], он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хвать стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи Бог служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы ещё ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

---

[1] *Предводитель* — здесь: предводитель дворянства — выборный представитель дворян, ведавший их сословными делами.

Аммос Фёдорович. Я сам сейчас то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это всё француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство[1] меня смущает. Говорят, что я им солоно пришёлся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю *(берёт его под руку и отводит в сторону)*, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же, в самом деле, к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нём какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение: иное письмо с наслаждением прочтёшь: так описываются разные пассажи[2]... а назидательность[3] какая... Лучше, чем в «Московских ведомостях»[4]!

Городничий. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные ме-

---

1 *Гражданство* (устар.) — горожане.
2 *Пассаж* — случай, происшествие.
3 *Назидательность* — поучительность.
4 *«Московские ведомости»* — газета, издававшаяся Московским университетом.

ста. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течёт, говорит, в эмпиреях[1]: барышень много, музыка играет, штандарт[2] скачет...» С большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадётся жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Фёдорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Фёдорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шёл было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждёшь, что вот отворится дверь и — шасть[3]...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят, запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что? что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский *(перебивая)*. Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

---

[1] *В эмпиреях* — в блаженстве (эмпирей в древнегреческой мифологии — самая высокая часть неба, местопребывание богов).

[2] *Штандарт* (устар.) — воинское знамя. Здесь имеется в виду штандарт-юнкер (унтер-офицер из дворян), носивший знамя.

[3] *Шасть* (просторечн.) — внезапно войдёт.

Добчинский *(перебивая)*. Э, позвольте, Пётр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьётесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Пётр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Пётр Иванович, вот вам стул!

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте: я всё по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Пётр Иванович! Я уж всё, всё, всё знаю-с. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашёл вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский *(перебивая)*. Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Пётр Иванович уж услыхали об этом от ключницы[1] вашей Авдотьи, которая, не знаю за чем-то, была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву...

Добчинский *(перебивая)*. За бочонком для французской водки.

Бобчинский *(отводя его руки)*. За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Пётр Иванович... энтого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Пётр Иванович говорит: «Зайдём, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего

[1] *Ключница* — служанка, ведавшая съестными припасами в доме.

не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича. «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей сёмги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский *(перебивая)*. Недурной наружности, в партикулярном[1] платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь *(вертит рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Пётр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Пётр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечает на это: «Это», — говорит... Э, не перебивайте, Пётр Иванович, пожалуйста, не перебивайте. Вы не расскажете, ей-богу, не расскажете: вы пришепётываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует[2]: другую уж неделю живёт, из трактира не едет, забирает всё на счёт и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило... «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Пётр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить нотицию[3], — ревизор.

---

[1] Партикулярный — штатский, невоенный.
[2] Аттестует — здесь: обнаруживает свой характер, ведёт себя.
[3] Нотиция — письменное извещение.

Городничий *(в страхе)*. Что вы, Господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит, и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная[1] прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательный: всё обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели сёмгу, — больше потому, что Пётр Иванович насчёт своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живёт?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина[2].

Городничий. Две недели! *(В сторону.)* Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена[3]! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье! *(Хватается за голову.)*

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

Аммос Фёдорович. Нет, нет! Вперёд пустить голову[4], духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»[5]...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, ещё даже и спасибо получал. Авось Бог вынесет и теперь. *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Вы говорите, он молодой человек?

---

[1] *Подорожная* — документ о маршруте и праве проезжающего получать определённое количество почтовых лошадей.

[2] *Василий Египтянин* — имя христианского Римского святого. Празднования святых происходили в определённые дни года, и поэтому употребление имён святых нередко имело календарное значение.

[3] Телесные наказания жён унтер-офицеров были запрещены.

[4] *Голова* — городской голова — выборное лицо, ведавшее городским самоуправлением.

[5] *Иоанн Масон* — английский религиозный писатель.

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трёх или четырёх с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый чёрт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам, или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно[1], для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идём, идём, Аммос Фёдорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Фёдорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые наден на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп[2] давать, а у меня по всем коридорам несёт такая капуста, что береги только нос.

Аммос Фёдорович. А я на этот счёт покоен. В самом деле, кто зайдёт в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уже пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон[3] не разрешит, что в ней правда и что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

ЯВЛЕНИЕ V

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки[4] там стоят?

Квартальный. Стоят.

1 Приватно — частным образом.
2 Габерсуп — овсяный суп.
3 Соломон — иудейский царь, отличавшийся, по библейским преданиям, высокой мудростью.
4 Дрожки — лёгкий четырёхколёсный экипаж.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтоб и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме[1], да только к делу не может быть употреблён.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, Боже мой, Боже мой! Ступай скорее на улицу! или нет — беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Пётр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Пётр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щёлочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас, возьми десятских[2], да пусть каждый из них возьмёт... Эк шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмёт в руки по улице... чёрт возьми, по улице! — по метле! и вымели бы всю улицу, что идёт к трактиру, и вымели бы чисто. Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там куманишься[3], да крадёшь в ботфорты серебряные ложечки; смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берёшь! Ступай!

---

[1] *Частный дом* — помещение полицейской части (участка).

[2] *Десятский* — служитель при полиции, выбранный из городских жителей (от каждых десяти домов).

[3] *Куманиться* — от глагола *кумиться* — водиться, знаться, вступать в приятельские отношения.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе[1].

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, Боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город! только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — чёрт их знает откудова и нанесут всякой дряни! (*Вздыхает.*) Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу[2], довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. (*Берёт вместо шляпы футляр.*) Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой ещё никто

[1] *Пожарная труба* — пожарная машина, главную часть которой составляла насосная труба, т. е. насос.

[2] *Служба* — здесь: солдаты и низшие полицейские чины.

не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! Едем, Пётр Иванович! *(Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.)*

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий *(бросая её)*. Коробка так коробка. Чёрт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована[1] сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Пётр Иванович! *(Уходит и возвращается.)* Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза[2] наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, Боже мой!.. *(Отворяя дверь.)* Муж! Антоша! Антон! *(Говорит скоро.)* А всё ты, а всё за тобой. И пошла копаться: «Я булавочку, я косынку»... *(Подбегает к окну и кричит.)* Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости, после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? *(С пренебрежением.)* Уехал! Я тебе вспомню это! А всё эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А всё проклятое кокетство; услышала, что почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдёт. Воображает,

---

[1] *Ассигнована* — выделена (деньги).

[2] *Гарниза* — гарнизонные солдаты.

что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернёшься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? всё равно через два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Через два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что через месяц ещё лучше можно узнать! *(Свешивается в окно.)* Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками! Пусть машет, а ты всё бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, всё женихи сидят. А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побеги, расспроси: куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь? Подсмотри в щёлку и узнай всё, и глаза какие: чёрные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее! *(Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щётка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

Осип лежит на барской постели.

Чёрт побери, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошёл, как уже из Питера! Профинтил[1] дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны[2]; нет, видишь ты, нужно в каждом городе показать себя! *(Дразнит его.)* «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь

[1] Профинтить (разг.) — истратить зря.
[2] Прогоны — плата за проезд на почтовых лошадях.

елистратишка[1] простой! С проезжающими знакомится, а потом в картишки, — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности[2], да и заботности меньше; возьмёшь себе бабу, да и лежи весь век на полатях, да ешь пироги. Ну, кто ж спорит, конечно, если пойдёт на правду, так житьё в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная[3]: кеятры, собаки тебе танцуют, и всё что хочешь. Разговаривает всё на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдёшь на Щукин[4] — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер[5] расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони всё видишь. Старуха офицерша забредёт; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! *(Усмехается и трясёт головою.)* Галантерейное[6], чёрт возьми, обхождение! Невежливого слова никогда не услышишь; всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти — берёшь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнёшь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А всё он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлёт денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошёл кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеятр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нём всего останется сертучишка да шинелишка, ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублёв полтораста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочём идут. А отчего? оттого, что делом не

[1] *Елистратишка* — искажённое *регистратишка*. Имеется в виду коллежский регистратор — низший гражданский чин (XIV класс) в царской России.
[2] *Публичность* (устар.) — наличие публики, общества.
[3] *Политичный* (простореч.) — вежливый, обходительный.
[4] *Щукин* (двор) — один из петербургских рынков.
[5] *Кавалер* — здесь бывалый солдат.
[6] *Галантерейный* (ирон.) — галантный, любезный, вежливый.

занимается: вместо того, чтобы в должность, а он идёт гулять по прешпекту[1], в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идёт. *(Поспешно схватывается с постели.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. *(Отдаёт фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врёшь, валялся; видишь, вся склочена!

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков *(ходит по комнате)*. Посмотри там в картузе[2] — табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвёртого дня последнее выкурили.

Хлестаков *(ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай, эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков *(громким, но не столь решительным голосом)*. Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков *(голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе)*. Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак?

Осип. Да так; всё равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

---

[1] *Прешпект* — искажённое слово *проспект*.

[2] *Картуз* — здесь: бумажный пакетик для табака.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот ещё вздор!

Осип. «Ещё, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не плотит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, этаких шаромыжников[1] и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне всё это.

Осип. Говорит: «Этак всякий приедет, обживётся, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобою, чтоб на съезжую[2] да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, чёрт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошёлся, думал, не пройдёт ли аппетит, — нет, чёрт возьми, не проходит. Да, если б я в Пензе не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня, штосы удивительно, бестия, срезывает[3]. Всего каких-нибудь четверть часа посидел и всё обобрал. А при всём том страх хотелось бы с ним ещё раз сразиться. Случай только не привёл встретиться — на всё нужен случай. Какой скверный городишко! В овощенных лавках[4] ничего не дают в долг. Это уж просто подло. *(Насвистывает сначала из «Роберта»[5], потом: «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни сё ни то.)* Никто не хочет идти.

---

[1] *Шаромыжник* (правильно: шеромыжник) — человек, живущий на чужой счёт.

[2] *Съезжая* — помещение при полиции для арестованных.

[3] *Штосы срезывать* — выигрывать в карты (штосс — азартная карточная игра).

[4] *Овощенная лавка* — мелочная лавка.

[5] «Роберт-Дьявол» — название оперы французского композитора Мейербера.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли всё идёт?

Слуга. Да, слава Богу, всё хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется, я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьёзно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как ещё никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим[1] не дал на про-

[1] Иохим (правильнее: Иоахим) — известный в Петербурге каретный мастер и домовладелец.

нят кареты, а хорошо бы, чёрт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чёртом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею[1]. Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иван Александрович Хлестаков, из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи[2], и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь-помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдёшь: «Сударыня, как я...» (*Потирает руки и подшаркивает ножкой.*) Тьфу! (*плюёт*) даже тошнит, так есть хочется...

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелками и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж даёт.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это в самом деле такое!.. этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что ещё много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели сёмгу и ещё много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

---

[1] *Ливрея* — форменная парадная одежда для лакеев, швейцаров, кучеров.

[2] *Пентюх* (простореч.) — неуклюжий, грубоватый человек.

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А сёмга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросёнок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? отчего же я, чёрт возьми, не могу также? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. *(Наливает суп и ест.)* Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков *(защищая рукою кушанье)*. Ну, ну, ну... оставь, дурак; ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(Продолжает есть.)* Я думаю, ещё ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Чёрт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. *(Ест.)* Мошенники, канальи, чем они кормят! и челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! совершенно как деревянная кора — ничем вытащить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Канальи! подлецы! и хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип (*входит*). Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков (*испугавшись*). Вот тебе на! Эка бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж? если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу, там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу. Да что он? как он смеет, в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? (*Бодрится и выпрямливается.*) Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы...»

У дверей вертится ручка. Хлестаков бледнеет и съёживается.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский. Городничий, войдя, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув руки по швам*). Желаю здравствовать!

Хлестаков (*кланяется*). Моё почтение!..

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать?.. Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп — он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий *(робея)*. Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Я служу в Петербурге. *(Бодрится.)* Я, я, я...

Городничий *(в сторону)*. О, Господи ты Боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков *(храбрясь)*. Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! *(Стучит кулаком по столу.)* Что вы? Что вы?

Городничий *(вытянувшись и дрожа всем телом)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот ещё! мне какое дело. Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий *(дрожа)*. По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить. Казённого жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. *(В размышлении.)* Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот ещё! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий *(в сторону)*. О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хо-

чит. Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. *(Вслух.)* Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы, я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий *(подносит бумажки)*. Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков *(принимая деньги)*. Покорнейше благодарю; я вам тотчас пришлю их из деревни, у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий *(в сторону)*. Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдёт теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! *(К городничему и Добчинскому.)* А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. *(Добчинскому.)* Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... *(Добчинскому.)* Садитесь!

Городничий и Добчинский садятся.
Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий *(в сторону)*. Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы[8]; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. *(Вслух.)* Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, ещё по христи-

[8] *Турусы* — выдумки, враньё.

анскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший приём, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий *(в сторону)*. Да, рассказывай! не знал, чем заплатить. *(Вслух.)* Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий *(в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение)*. В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо востро! *(Вслух.)* Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчёт задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлеченье для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу[1] и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий *(в сторону)*. Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплёл! *(Вслух.)* И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий *(в сторону)*. Славно завязал узелок! Врёт, врёт — и нигде не оборвётся. А ведь какой невзрачный, низенький, кажется — ногтем бы придавил его. Ну да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! *(Вслух.)* Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть

---

[1] *Владимир в петлицу* — орден Владимира четвёртой степени, который носили на груди.

бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно ещё когда будет. *(Окидывает глазами комнату.)* Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки, кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещённый гость и терпит, от кого же? от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно, хозяин завёл обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придёт фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я не достоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет! не достоин, не достоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь. Ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства; особливо если гость просвещённый человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже, я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом. Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счёт.

Слуга. Я уж давича подал вам другой счёт.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори: сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили сёмги и потом пошли всё в долг брать.

Хлестаков. Дурак, ещё начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождёт. *(Слуге.)* Пошёл вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. *(Прячет деньги.)*

Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.

ЯВЛЕНИЕ X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли вам будет осмотреть некоторые заведения в нашем городе, как-то богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой... для путешественника...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы[1] — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены, в своём экипаже или вместе со мною на дрожках?

---

[1] Острог — тюремное здание, где содержались осуждённые преступники. Тюрьмы — место заключения подсудимых, уже получивших приговор, но ещё не отправленных на поселение или на каторгу. Характерное преувеличение: в уездном городке есть и острог, и тюрьмы, т. е. целый исправительно-тюремный «комплекс».

Хлестаков. Да я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий *(Добчинскому)*. Ну, Пётр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий *(тихо Добчинскому)*. Слушайте: вы побегите, да бегом, во все лопатки и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. *(Хлестакову.)* Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?.. А впрочем, тут и чернила, только бумаги — не знаю... Разве на этом счёте?

Городничий. Я здесь напишу. *(Пишет и в то же время говорит про себя.)* А вот посмотрим, как пойдёт дело после фриштика[1] да бутылки-то толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. *(Написавши, отдаёт Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается.)*

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверх носа небольшая нашлёпка! Я забегу к Христиану Ивановичу, у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдёт.

Городничий *(делая Бобчинскому укорительный знак. Хлестакову)*. Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйте! а слуге вашему я скажу, чтобы перенёс чемодан. *(Осипу.)* Любезнейший, ты перенеси всё ко мне, к городничему — тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! *(Пропускает вперёд Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.)* Уж и вы! не нашли другого места упасть! И растянулся как чёрт знает что такое. *(Уходит; за ним Бобчинский.)*

Занавес опускается.

[1] Фриштик (нем.) — завтрак.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Андреевна, Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уже целый час дожидаемся, а всё ты с своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, ещё нужно копаться... Было бы не слушать её вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто вымерло всё.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, чрез минуты две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. *(Всматривается в окно и вскрикивает.)* Ах, маменька, маменька! кто-то идёт, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идёт? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идёт. Кто же это идёт? Небольшого роста... во фраке... Кто ж это? а? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маменька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? Тебе всегда вдруг вообразится этакое... Совсем не Добчинский. *(Махает платком.)* Эй, вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот, нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе — не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу, — из чего же ты споришь? *(Кричит в окно.)* Скорей, скорей! вы тихо идёте. Ну что, где они? А? Да говорите же оттуда — всё равно. Что? очень строгий? А? а муж, муж? *(Немного отступя от окна, с досадою.)* Такой глупый: до тех пор, пока не войдёт в комнату, ничего не расскажет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну скажите, пожалуйста: ну не совестно ли вам? Я на вас одного полагалась, как на

порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда же за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам! Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Моё почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Пётр Иванович!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто он такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу. Такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава Богу, всё благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице всё нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменил мысли, и, слава Богу, всё пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться? Ведь вы не служите.

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну что ж... это всё, однако ж, вздор; расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек; лет двадцати трёх; а говорит совсем так, как старик. «Извольте, говорит, я поеду и туда, и туда»... *(размахивает руками)* — так это всё славно. «Я, говорит, и написать и почитать люблю; но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно».

Анна Андреевна. А собою каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет[1], и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? *(Читает.)* «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние моё было весьма печальное; но, уповая на милосердие Божие, за два солёные огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю: к чему же тут солёные огурцы и икра?

Добчинский. А это Антон Антонович писали на черновой бумаге, по скорости: там какой-то счёт был написан.

Анна Андреевна. А да, точно. *(Продолжает читать.)* «Но, уповая на милосердие Божие, кажется, всё будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена жёлтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...» Ах, Боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский *(бежит и кричит в дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка!

Мишка входит.

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку. *(Садится к столу, пишет записку и между тем говорит.)* Эту записку ты отдашь кучеру Сидору, чтоб он побежал с ней к купцу Абдулину и принёс оттуда вина. А сам пойди сейчас прибери эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее...

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обозревает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

---

1 Шантрет (франц.) — шатен.

ЯВЛЕНИЕ III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка. Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеял. Тебе приличнее всего надеть твоё голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. Право, говоришь лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое[1], я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вам нейдёт палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдёт?

Марья Антоновна. Нейдёт, я что угодно даю — нейдёт: для этого нужно, чтобы глаза были совсем тёмные.

Анна Андреевна. Вот хорошо! а у меня глаза разве не тёмные? самые тёмные. Какой вздор говорит! как же не тёмные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценой.)* Этакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое!

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор. Из других дверей выходит Осип с чемоданом на голове.

ЯВЛЕНИЕ IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемычное житьё! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

---

[1] *Палевый* — бледно-жёлтый.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? Да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж это, больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка там что-нибудь поесть!

Мишка. Да для вас, дядюшка, ещё ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простого-то что у вас есть?

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, всё будем есть. Ну, понесём чемодан! Что, там другой выход есть?

Мишка. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть пользе; а здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием[1] и бдительностью заслужить внимание начальства.

---

[1] *Благочиние* — здесь: соблюдение приличий, порядка.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (подбегая). Лабардан-с[1].

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришёл бы в затруднение, но, благодарение Богу, всё идёт благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, всё думаешь: «Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность[2] и было довольно...» Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всём порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемий Филиппович (в сторону). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

---

[1] *Лабардан* — свежепросоленная треска.

[2] *Ревность* — здесь: старание.

Бобчинский *(Добчинскому)*. Справедливо, всё справедливо, Пётр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий *(в сторону)*. Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! *(Вслух.)* Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападёт, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич *(в сторону)*. А у меня, подлец, выпонтировал[1] вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь[2], тогда как нужно гнуть от трёх углов[3]... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство моё: жена и дочь.

Хлестаков *(раскланиваясь)*. Как я счастлив, сударыня, что имею в своём роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам ещё более приятно видеть такую особу.

Хлестаков *(рисуясь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне ещё приятнее.

---

[1] *Выпонтировать* — выиграть в карточной игре.

[2] *Забастовать* — здесь: перестать увеличивать ставку в игре в банк.

[3] *Гнуть от трёх углов* — втрое увеличивать ставку в карточной игре.

Анна Андреевна. Как можно-с! вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастие; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счёт... Я думаю, вам после столицы вояжировка[1] показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, comprenez vous[2], в свете и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... *(посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней)* так вознаградил за всё...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с, вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент[3], с тем только, чтобы сказать: «это вот так, это вот так!», а там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским асессором[4] сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною со щёткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». *(Городничему.)* Что вы, господа, стоите? пожалуйста, садитесь!

---

[1] *Вояжировка* — путешествие.
[2] Понимаете ли (фр.).
[3] *Департамент* — отдел министерства.
[4] *Коллежский асессор* — гражданский чин VIII класса.

Н. В. Гоголь. «Ревизор». Хлестаков рассказывает. *Художник А. Константиновский. 1937*

Вместе.

Городничий. Чин такой, что ещё можно постоять.

Артемий Филиппович. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемоний. Напротив, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего. Солдаты выскочили из гауптвахты[1] и сделали ружьём. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

[1] Гауптвахта — помещение для караула.

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики[1]... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал[2].

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро»[3], «Роберт-Дьявол», «Норма»[4]. Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса[5], «Фрегат Надежды»[6] и «Московский телеграф»[7]... всё это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин[8] даёт за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский»[9] ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это моё сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

---

[1] *Водевиль* — небольшая пьеса с пением куплетов.
[2] *Оригинал* — здесь: своеобразный, ни на кого не похожий человек.
[3] *«Женитьба Фигаро»* — комедия французского драматурга Бомарше.
[4] *«Норма»* — опера итальянского композитора Беллини.
[5] *Барон Брамбеус* — псевдоним русского журналиста О. И. Сенковского.
[6] *«Фрегат „Надежда"»* — повесть Марлинского (А. А. Бестужева).
[7] *«Московский телеграф»* — журнал, издававшийся в 1825—1834 годах.
[8] *А. Ф. Смирдин* — известный петербургский книгопродавец и издатель.
[9] *«Юрий Милославский»* — роман М. Н. Загоскина.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всем.)* Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист[1] свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж, скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся. Графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «Ваше превосходительство»[2]. Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто чёрт возьми! После, видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? — я спра-

[1] *Вист* — карточная игра между четырьмя партнёрами.

[2] *Ваше превосходительство* — обращение в царской России к высшим чинам (III–IV классов — генерал-лейтенантам, генерал-майорам или тайным советникам и действительным статским советникам).

шлю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате, хотел отказаться, но думаю: дойдёт до государя; ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни! Уж у меня ухо востро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясение, всё дрожит и трясётся, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю; я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет[1] боится. Да что, в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и всё, что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский *(Добчинскому)*. Вот это, Пётр Иванович, человек-то! Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер

[1] *Государственный совет* — высший законосовещательный орган в России XIX века.

со страху. Как вы думаете, Пётр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подмётки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдём расскажем поскорее Аммосу Фёдоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Оба уходят.

Артемий Филиппович *(Луке Лукичу)*. Страшно просто; а отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что, как проспится да в Петербург махнёт донесение? *(Уходит в задумчивости вместе с смотрителем училищ, произнеся:)* Прощайте, сударыня.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приёмы и всё это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — всё на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Где ему смотреть на тебя? и с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, всё смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, — говорит себе, — дай уж посмотрю на неё!»

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и городничий.

Городничий *(входит на цыпочках)*. Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? *(Задумывается.)* Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек всё несёт наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... чёрт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нём образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины! Всё кончено, одного этого слова достаточно! Вам всё — финтирлюшки![1] Вдруг брякнут ни из того ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... *(Посматривает на дочь.)*

Городничий *(один)*. Ну, уж с вами говорить!.. Эка, в самом деле, оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. *(Отворяет дверь и говорит в дверь.)* Мишка! позови квартальных, Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. *(После небольшого молчания.)* Чудно всё завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он! Ещё военный всё-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давича в трактире, заламливал такие аллегории и екивоки[2], что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да ещё и наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

---

[1] *Финтирлюшки (финтифлюшки)* — глупость, пустяк.

[2] *Екивоки (экивоки)* — двусмысленность, намёк.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Осип. Все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Тсс!.. что? что? спит?

Осип. Нет ещё, немного потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий *(жене и дочери)*. Полно, полно вам! *(Осипу.)* Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип *(в сторону)*. А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит, после ещё лучше накормят. *(Вслух.)* Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы этакими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоём барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, Боже мой, вы всё с своими глупыми расспросами! Не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтобы всё было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твоё лицо. Друг, ты должен быть хороший человек. Ну, что...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит?..

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь: дело идёт о жизни человека... *(К Осипу.)* Ну что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик; оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

Осип *(принимая деньги)*. А покорнейше благодарю, сударь! Дай вам Бог всякого здоровья; бедный человек, помогли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осип, душенька! какой хорошенький носик у твоего барина!

Городничий. Да постойте, дайте мне! *(К Осипу.)* А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придётся. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! Бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородие!» — «Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду». — «А, — думаю себе *(махнув рукою)*, — Бог с ним! я человек простой».

Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот ещё сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? *(Прячет деньги.)* Разве уж выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты
небольшой кашель Хлестакова.

Городничий. Чш! *(Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса.)* Боже вас сохрани шуметь! Идите себе! полно уж вам...

Анна Андреевна. Пойдём, Машенька! Я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоём только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай! и уши потом заткнешь. *(Обращаясь к Осипу.)* Ну, друг...

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи — стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас чёрт таскает?

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш! *(Закрывает ему рот.)* Эк как каркнула ворона! *(Дразнит его.)* Был по приказанию! Как из бочки, так рычит! *(К Осипу.)* Ну, друг, ты ступай, приготовляй там, что нужно для барина. Всё, что ни есть в доме, требуй.

Осип уходит.

А вы — стоять на крыльце, и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идёт кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! *(Показывает ногою.)* Слышите? Чш... Чш... *(Уходит на цыпочках вслед за квартальными.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Фёдорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах. Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Фёдорович *(строит всех полукружием).* Ради Бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Пётр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Пётр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Фёдорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Фёдорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Фёдорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Фёдорович. Опасно, чёрт возьми, раскричится: государственный человек. А разве в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куда-нибудь подальше. Слушайте: эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырёх глаз и того... как там следует — чтобы и уши не слыхали! Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну вот вы, Аммос Фёдорович, первый и начните.

Аммос Фёдорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкушал хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет, и язык, как в грязь, завязнул. Нет, господа, увольте, право, увольте!

Артемий Филиппович. Да, Аммос Фёдорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Фёдорович. Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечёшься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все *(пристают к нему)*. Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении[1]... Нет, Аммос Фёдорович, не

---

[1] Столпотворéние — смешение языков, происшедшее, по библейским преданиям, у потомков Вавилона в наказание за то, что они задумали построить башню до неба.

оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Фёдорович!

Аммос Фёдорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицания:

Голос Бобчинского. Ой! Пётр Иванович! Пётр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние — совсем прижали!

Выхватываются несколько восклицаний «ай! ай!», наконец все выпираются, и комната остаётся пуста.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что ещё можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков и Аммос Фёдорович.

Аммос Фёдорович *(входя и останавливаясь, про себя)*. Боже, Боже! вынеси благополучно! так вот коленки и ломает. *(Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.)* Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Фёдорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трёхлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьёю?

Аммос Фёдорович. За три трёхлетия представлен к Владимиру четвёртой степени с одобрения со стороны

начальстии. (*В сторону.*) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени[1] уже не так.

Аммос Фёдорович (*высовывая понемногу вперёд сжатый кулак. В сторону*). Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Фёдорович (*потерявшись и роняя на пол ассигнации*). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Фёдорович (*дрожа всем телом*). Никак нет-с. (*В сторону.*) О Боже! вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков (*подымая*). Да, это деньги.

Аммос Фёдорович (*в сторону*). Ну, всё кончено — пропал! Пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Фёдорович (*поспешно*). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (*В сторону.*) Ну, смелее, смелее! Вывези, Пресвятая Матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да сё... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Фёдорович. Помилуйте! как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... (*Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.*) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Фёдорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нём надобности; нет, ничего. Покорнейше благодарю.

Аммос Фёдорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья — хороший человек!

---

[1] Анна третьей степени — низшая степень ордена Святой Анны. Орден Владимира четвёртой степени был значительно выше ордена Анны третьей степени.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник[1] Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим! Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж! Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон[2] и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(В сторону.)* А он, однако ж, ничуть не горд: обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно, — не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. *(Глядя в глаза ему, говорит про себя.)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! *(Вслух.)* Какой странный со мной случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастие. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(Встает, вытягивается и придерживает шпагу.)* Не смею долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

---

[1] Надворный советник — гражданский чин VII класса.

[2] Хороший тон, светская утонченность (от фр. bon ton).

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек: по крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков и Лука Лукич, *которого почти выталкивают из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»*

Лука Лукич *(вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу)*. Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник[1] Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? *(Подаёт ему сигару.)*

Лука Лукич *(про себя, в нерешимости)*. Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, — просто ручки себе потом поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. *(Подаёт ему свечу.)*

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич *(от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя)*. Чёрт побери всё! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот ещё насчёт женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... *(В сторону.)* Ну и сам не знаю, что говорю!

---

[1] *Титулярный советник* — гражданский чин IX класса.

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загогулинку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели, видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла… преос… сият… *(В сторону.)* Продал проклятый язык! продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах, точно, есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич *(хватаясь за карманы, про себя).* Вот те штука, если нет! Есть, есть! *(Вынимает и подаёт, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич *(вытягиваясь и придерживая шпагу).* Не смею долее беспокоить присутствием…

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич *(летит вон почти бегом и говорит в сторону).* Ну, слава Богу! авось не заглянет в классы!

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, *вытянувшись и придерживая шпагу.*

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я — признаюсь, это моя слабость, — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажет-

ся, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.)* Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, — если признаться перед вами, — конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского; но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем якобинец[1], и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я всё это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я всё позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с! пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они... как они того?..

---

[1] *Якобинец* — революционер эпохи Великой французской буржуазной революции XVIII века; здесь: вольнодумец, политически неблагонадёжный человек.

Н. В. Гоголь. «Ревизор». Хлестаков берёт деньги у Хлопова. Художник А. Константиновский. 1937

Артемий Филиппович. То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определённого на священные обязанности... *(Раскланивается с тем, чтобы уйти.)*

Хлестаков *(провожая)*. Нет, ничего. Это всё очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.)* Эй вы! как вас? я всё позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как мило. Покорнейше вас благодарю.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Пётр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Пётр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава Богу! Не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... *(Вдруг и отрывисто.)* Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Пётр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения[1].

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский *(шаря в карманах)*. У вас, Пётр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский *(смотря в бумажник)*. Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-ка получше, Пётр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну всё равно... Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей... это всё равно. *(Принимает деньги.)*

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

---

[1] *Приказ общественного призрения* — учреждение, ведавшее больницами, приютами, а также хранившее некоторые денежные сбережения.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите знать, рождён мною ещё до брака...

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно так только говорится, а рождён мною так совершенно, как бы и в браке, и всё это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтобы он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчёт способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подаёт: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадёт ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Пётр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... всё это будет сделано, да, да... *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Не имеете ли вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чём?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам[1] и адмиралам, что вот, ваше сиятельство или превосходительство, живёт в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придётся, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живёт Пётр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утруждали вас своим присутствием.

---

[1] Сенатор — член Сената, высшего судебно-административного органа царской России.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. *(Выпроваживает их.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачьё! Напишу-ка я обо всём в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки, пусть-ка он их общёлкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнёсши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот, какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

ЯВЛЕНИЕ IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава Богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков *(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда! Ей-богу, уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька, ну — и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровён час, какой-нибудь другой наедет... ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатили!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет, мне ещё хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатили славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (*пишет*). Ну хорошо. Отнеси только наперёд это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря[1], катили и песни бы пели!.. (*Продолжает писать.*) Воображаю, Тряпичкин умрёт со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтобы не прошло понапрасну время.

Хлестаков (*пишет*). Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (*выходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, брат! Отнесёшь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казённый. Да чтоб всё живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, ещё письмо не готово.

Хлестаков (*продолжает писать*). Любопытно знать, где он теперь живёт — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. (*Свёртывает и надписывает.*)

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(*Даёт Осипу письмо.*) На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошёл, пошёл! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

---

[1] *Фельдъегерь* — правительственный или военный курьер.

Осип (*глядя в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К вашей милости прибегаем. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(*Принимает из окна просьбы, развёртывает одну из них и читает.*) «Его высокоблагородному Светлости Господину Финансову от купца Абдулина...» Чёрт знает что: и чина такого нет!

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и купцы *с кузовом вина и сахарными головами.*

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьём вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда ещё, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем[1] совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, видишь ты, ему всего этого мало. Ей-ей! придёт в лавку и, что ни попадёт, всё берёт. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несёшь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятываешь в лавке, когда его

[1] *Постой* — расквартирование военнослужащих в частных домах.

заведёшь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берёт: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец[1] не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесёшь, ни в чём не нуждается. Нет, ему ещё подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несёшь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей. А попробуй прекословить, наведёт к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селёдки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его — всё будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью. Кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне взаймы рублей триста, — ну тогда совсем другое дело: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! (*Вынимают деньги.*) Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте — взаймы я ни слова: я возьму.

Купцы (*подносят ему на серебряном подносе деньги*). Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет: я взяток никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берёте? Возьмите! в дороге всё пригодится. Давай сюды головы и кулёк! Давай всё, всё пойдёт впрок. Что там? верёвочка! давай и верёвочку! — и верёвочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

---

[1] Сиделец (устар.) — приказчик в магазине, лавке.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство! Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? *(Подходит к окну.)* А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков *(в окно)*. Пропустить её.

ЯВЛЕНИЕ XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша *(кланяясь в ноги)*. Милости прошу...

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петровна Пошлёпкина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему Бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни тёткам его ни в чём никакого прибытку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты[1], и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал, мошенник, сделал; побей Бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тётка есть, то и тётке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева

[1] Забрить лоб в солдаты — сдать в солдаты.

тоже подослала к супруге полтины три штуки; так он ко мне: «Ну что, говорит, тебе муж, он уж тебе не годится». Да я-то знаю: годится или не годится, это моё дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да всё равно, говорит, он украдёт, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! чтобы всей родне твоей не довелось видеть света Божьего! А если есть тёща, то чтоб и тёще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпроваживает старуху.)*

Слесарша *(уходя)*. Не забудь, отец наш! Будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафт. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там ещё? *(Подходит к окну.)* Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! *(Отходя.)* Надоели, чёрт возьми! не впускай, Осип!

Осип *(кричит в окно)*. Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой[1] шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекой; за ней в перспективе показывается несколько других.

[1] Фриз — толстая, грубая ткань.

Пошёл, пошёл! чего лезешь? *(Упирается передними руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков *(рисуется)*. Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков *(рисуется)*. А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принесть удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. *(Села.)*

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чём вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, всё, что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..»[1] Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это всё ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... *(Отодвигает стул.)*

Хлестаков. Отчего ж вы отодвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отодвигаясь)*. Для чего ж близко? всё равно и далеко.

Хлестаков *(придвигаясь)*. Отчего ж далеко? всё равно и близко.

Марья Антоновна *(отодвигается)*. Да к чему ж это?

Хлестаков *(придвигаясь)*. Да ведь это вам кажется только, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна *(смотрит в окно)*. Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков *(целует её в плечо и смотрит в окно)*. Это сорока.

---

[1] Начальные строки стихотворения М. В. Ломоносова.

Марья Антоновна (*встаёт и негодуя*). Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков (*удерживая её*). Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... (*Силится уйти.*)

Хлестаков (*продолжая удерживать её*). Из любви, право, из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. (*Падает на колени.*) Простите же, простите. Вы видите, я на коленях.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидя Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, чёрт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! и не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте, здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я ещё не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию[1] насчёт моей дочери.

Хлестаков. Нет, я влюблён в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

[1] Декларация — здесь предложение.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего! Для любви нет различия, и Карамзин сказал: «Законы осуждают»[1]. Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... *(Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.)* Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трёхлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна *(сквозь слёзы)*. Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берёшь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? Не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие — перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков *(схватывая за руку дочь)*. Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна *(с изумлением)*. Так вы в неё?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала, как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастия.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперёд не буду.

---

[1] «Законы осуждают предмет моей любви» — строчка из песни в повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм».

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я её высек; она врёт, ей-богу, врёт. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до неё.

Городничий. Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот эдакой ребёнок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчёт мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство, она немного с придурью, такова же была и мать её.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблён.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостоин такой чести.

Хлестаков. Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чёрт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! ну, когда тебе толкуют.

Городничий. Не могу верить!

Хлестаков. Отдайте, отдайте — я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом! Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким ещё никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват!

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за чёрт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вишь, как дело-то пошло!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть насчёт, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это на одну минуту только, на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить. Прощайте, душенька! *(Целует её ручку.)*

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? *(Немного подумав.)* А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста: я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! *(Вынимает из бумажника.)* Ещё, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! (*Берёт и рассматривает ассигнации.*) Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца, мне нигде не было такого хорошего приёма. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так по крайней мере чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую: вынь ковёр самый лучший, что по голубому полю, персидский, скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Когда прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковёр? давай его сюда, клади вот так! теперь давай-ко с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр...

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! ещё! Хорошо! Славно будет! (*Бьёт рукою по ковру.*) Теперь садитесь, ваше благородие.

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос женщины. Эй вы, залётные!

Колокольчик звенит; занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнились!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полёта, чёрт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы! Эй, кто там?

Входит квартальный.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый иудейский народ! Постойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь Бог послал городничему, что выдаёт дочь свою — не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете ещё не было, что может всё сделать, всё, всё, всё! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, чёрт возьми! Уж когда торжество, так торжество!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербург. Как можно здесь оставаться?

Городничий. Ну, в Питер так в Питер; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к чёрту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Ещё бы! конечно, можно.

Городничий. А, чёрт возьми, славно быть генералом! Кавалерию[1] повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно, голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперёд: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, все дожидаются: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе всё такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то, что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты ездишь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? Ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим; а там ведь жизнь совершенно другая.

---

[1] *Кавалерия* — здесь: широкая шёлковая лента, которую носили через плечо при самых высоких орденах (красную — при Станиславе и Анне первой степени, голубую — при Андрее Первозванном).

Городничий. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечёт, как начнёшь есть.

Анна Андреевна. Ему всё бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре[1], чтоб нельзя было войти, и нужно бы только этак зажмурить глаза. *(Зажмуривает глаза и нюхает.)* Ах, как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)*. Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идёт ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? Что? много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!..

Городничий *(с неудовольствием)*. А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас... у!.. Обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь её, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе ещё награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо сует вперёд: он купец; его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожа! дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? начинаешь плутнями, тебя хозяин бьёт за то, что не умеешь обманывать. Ещё мальчишка, «Отче наша»[2] не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрёт тебе брюхо да набьёшь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

---

[1] *Амбре* — благоухание.

[2] *«Отче наш»* — молитва, которую заучивали ещё в детстве.

Н. В. Гоголь. «Ревизор». Действие V, явление 2. Автолитография.
Художник П. Боклевский. [illegible]

Купцы *(кланяясь).* Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперёд жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! Вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого, что моё взяло; а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, канальи, втоптал в самую грязь, ещё бы и бревном сверху навалил.

Купцы *(кланяются в ноги).* Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. «Не погуби!» Теперь: «не погуби!», а прежде что? Я бы вас... *(Махнув рукой.)* Ну, да Бог простит! полно! Я не памятозлобен; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина. Чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... Ну, ступай с Богом!

Купцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Фёдорович, Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Фёдорович *(ещё в дверях)*. Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастие?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастием. Я душевно обрадовался, когда услышал. *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Анна Андреевна! *(Подходя к ручке Марьи Антоновны.)* Марья Антоновна!

Растаковский *(входит)*. Антона Антоновича поздравляю. Да продлит Бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат! Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходит к ручке Марьи Антоновны.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Коробкин с женой, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходит к её ручке.)*

Жена Коробкина. Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастием.

Люлюков. Имею честь поздравить. Анна Андреевна! *(Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щёлкает языком с видом удальства.)* Марья Антоновна! Имею честь поздравить. *(Подходит к её ручке и обращается к зрителям с тем же удальством.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!», потом к Марье Антоновне, говоря: «Марья Антоновна!». Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить!

Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить!

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.

Добчинский. Марья Антоновна! *(Подходит к ручке.)* Честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастии, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинский *(перебивая)*. Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай вам Бог всякого богатства, червонцев и сынка-с этакого маленького, вон энтакого-с *(показывает рукою)*, чтоб можно было на ладонку посадить, да-с! Всё будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНИЕ VI

Ещё несколько гостей, подходящих к ручкам, Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь.

Жена Луки Лукича *(бежит вперёд)*. Поздравляю вас, Анна Андреевна! *(Целуются.)* А я так, право, обрадовалась; говорят мне: «Анна Андреевна выдаёт дочку». — «Ах, Боже мой!» — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот какое счастье Анне Андреевне!» «Ну, — думаю себе, — слава Богу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъявить лично Анне Андреевне...» «Ах, Боже мой, — думаю себе, — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела», и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уж Лука Лукич говорит: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слёзы-так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка! принеси сюда побольше стульев!

Гости садятся.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Фёдорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом всё это началось: постепенный ход всего дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Всё чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка, я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! Ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в своё дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Фёдорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба — индейка; заслуги привели к тому. *(В сторону.)* Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!

Аммос Фёдорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Фёдорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдёмся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастию! вы не можете себе представить.

Коробкина. Где же теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышала, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... *(Чихает.)*

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад... *(Чихает.)*

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли Бог на сорок сороков!

Артемия Филипповича. Чтоб ты пропал!

Жены Коробкина. Чёрт тебя побери!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, чёрт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай Бог получить.

Растаковский. От человека невозможно, а от Бога всё возможно.

Аммос Фёдорович. Большому кораблю — большое плаванье.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Фёдорович *(в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого ещё далеко песни. Тут и почище тебя есть, а до сих пор ещё не генералы.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, чёрт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы что, довольно. *(Обращаясь к нему.)* Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Фёдорович. А если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять этакими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует[1] нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я её знаю: посади её за стол, она и ноги свои...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и **почтмейстер** *впопыхах, с распечатанным письмом в руке.*

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, — я узнал это из письма.

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашёл беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера с тем, чтобы отправить его с эштафетой[2]; но любопытство такое одолело, какого

---

[1] Трактовать — здесь: называть (жена Коробкина употребляет это слово, чтобы подчеркнуть свою «образованность»).

[2] Эштафета (устар. эстафета) — здесь: срочная почта.

ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадёшь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни сё ни то; чёрт знает что такое!

Городничий (запальчиво). Как ни сё ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да ещё чёрт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (читает). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую[1], волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать; думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашарамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля; теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколь-

[1] Жуировать — развлекаться, вести весёлую жизнь.

во угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, чёрт возьми! нужно ещё повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать.*) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, чёрт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает.*) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев, должно быть, также, подлец, пьёт горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и...» (*Заикается.*)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечёткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (*Берёт письмо.*)

Артемий Филиппович (*не давая письма*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, вы читайте! ведь прежде вы читали.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! *(Коробкину.)* Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. *(Отдаёт письмо.)* Вот, позвольте... *(Закрывает пальцем.)* Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин *(читая)*. «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович *(к зрителям)*. И неостроумно! свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин *(продолжая читать)*. «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич *(к зрителям)*. Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Фёдорович *(в сторону)*. Слава Богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин *(читает)*. «Судья...»

Аммос Фёдорович. Вот тебе на... *(Вслух.)* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чёрт ли в нём: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин *(продолжает)*. «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон[1]!..» *(Останавливается.)* Должно быть, французское слово.

Аммос Фёдорович. А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

Коробкин *(продолжая читать)*. «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и*

---

[1] Здесь: человек дурного тона (от фр. mauvais ton).

читает адрес.) «Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербург, в Почтамтскую улицу, в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже, направо».

Одна из дам. Какой репримант[1] неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рылы вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машет рукой.)*

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чёрт угораздил дать и вперёд предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Фёдорович. Однако ж, чёрт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер *(вздыхает)*. Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Фёдорович *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий *(бьёт себя по лбу)*. Как я?.. нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трёх губернаторов обманул!.. Что губернаторов! *(махнув рукой)* нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий *(в сердцах)*. Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обрученьем!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Гро-*

[1] Здесь: неприятность (от фр. réprimande — буквально: выговор).

зит себе самому кулаком.) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вот он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесёт по всему свету историю. Мало того, что пойдёшь в посмешище... найдётся щелкопёр[1], бумагомарака, в комедию тебя вставит, вот что обидно, чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? над собою смеётесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкопёры, либералы[2] проклятые! чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас всех, да чёрту в подкладку! в шапку туды ему!.. *(Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания.)* До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе[3] похожего на ревизора? ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор, ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте.

Артемий Филиппович *(расставляя руки)*. Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал.

Аммос Фёдорович. Да кто выпустил! — вот кто выпустил: эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)*

Бобчинский. Ей-ей, не я, и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филиппович. Конечно, вы!

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас чёрт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Фёдорович. Пачкуны проклятые!

---

[1] *Щелкопёр* (устар.) — бумагомаратель, писака, враль.
[2] *Либерал* — здесь: свободомыслящий человек.
[3] *Вертопрах* — легкомысленный, ветреный человек.

Лука Лукич. Колпак!

Артемий Филиппович. Сморчки короткохвостые!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Пётр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Пётр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесённые слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остаётся в окаменении.

НЕМАЯ СЦЕНА

Городничий посередине в виде столба с распростёртыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращённый к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гостьи,

Н. В. Гоголь. «Ревизор». Из немой сцены.
Литография по рис. неизвестного художника. 30-е гг. XIX в.

прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнесть: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Добчинский и Бобчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

О НОВИЗНЕ «РЕВИЗОРА»

Исключительная быстрота написания «Ревизора» (всего два месяца) говорит о том, насколько органично совпал новый сюжет с творческими устремлениями Гоголя...

В 1909 году, когда отмечалось столетие со дня рождения Гоголя, В. И. Немирович-Данченко опубликовал свою речь «Тайны сценического обаяния Гоголя». Он заметил, что разбор «Ревизора» вызывает у исследователей «радостное изумление». Порождает это чувство не только открытие замечательных художественных достоинств комедии, но и осознание их новизны и оригинальности.

Например, удивительная смелость завязки. В «Ревизоре» завязкой является одна первая фраза: «Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор».

С необыкновенно смелой завязкой гармонирует и финал пьесы. Этот финал представляет одно из самых замечательных явлений сценической литературы.

Далее Немирович-Данченко видит главную особенность действия «Ревизора» в том, что оно последовательно, от начала до конца, вытекает из характеров — и только из них.

В середине 30-х годов тенденция гоголевской мысли к обобщению возросла ещё больше. «В „Ревизоре“ я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем», — читаем мы в «Авторской исповеди».

Хлестаков — самый трудный образ в пьесе.

Гоголь не раз предупреждал: Хлестаков — «самый трудный образ в пьесе». Почему? Потому что, сделавшись виновником всеобщего обмана, Хлестаков никого не обманывал. Он с успехом сыграл роль ревизора, не только не намереваясь её играть, но даже не поняв, что он её играет. *Лишь в середине четвёртого действия в голове Хлестакова начинают брезжить смутные догадки, что его принимают за «государственного человека».*

Но как раз в непреднамеренности — ключ к Хлестакову... Он спровоцировал всю хитроумную игру городничего и чиновников не хитростью, а чистосердечием...

Страх подготовил почву для обмана. Интересно, что у Хлестакова в противоположность городничему и другим почти совсем нет реплик «в сторону». Такие реплики служили драматургу для передачи внутренней речи персонажа, его тайных намерений. По отношению к Хлестакову этого не требовалось: у него что на уме, то и на языке.

В третьем и четвёртом действиях начинаются головокружительные превращения Хлестакова — воображаемые и реальные. В сцене вранья он министр и повелевает министрами — до фельдмаршала включительно. В сцене приёма чиновников он — взяточник. Потом — наречённый жених Марьи Антоновны.

Но во всех случаях — даже в минуту самого невероятного вранья — Хлестаков искренен. Выдумывает Хлестаков с тем же чистосердечием, с каким ранее говорил правду, — и снова чиновники обманываются. Но на этот раз они принимают за истину то, что было вымыслом.

Образ Хлестакова неисчерпаем, таит в себе ошеломляющие неожиданности. Хлестаков наделён исключительной лёгкостью и необыкновенностью выдумки. Лживость ли это Хлестакова? Но мы знаем, что он лжёт чистосердечно. Хвастливость? Но он верит сам в то, что говорит. Поневоле приходишь к выводу, что самым точным и всеобъемлющим будет определение, производное от имени самого персонажа, — хлестаковщина.

По книге Ю. В. Манна «Поэтика Гоголя»

Проверьте себя

1. Какова тема комедии «Ревизор»? Каков сюжет?
2. Кто первый сообщил о ревизоре? Почему все поверили этому сообщению? Кто такой Хлестаков: мелкий чиновник и никчёмный человек или значительное лицо? Каким он предстаёт в беседах с чиновниками, купцами, женой и дочерью городничего?

3. Где завязка и развязка комедии? Хотел ли Хлестаков обмануть чиновников и обывателей города?
4. Почему помещики Бобчинский, Добчинский и городничий обманываются? Прочитайте и прокомментируйте сцену в трактире. По какой причине чиновники верят Хлестакову в искреннее вранье? Вспомните и расскажите или прочитайте вслух эту сцену. Какова роль ремарок в комедии?
5. Что означало известие о прибытии нового ревизора и кто этот новый ревизор — чиновник или совесть каждого персонажа? Прочитайте эту сцену и подготовьте развёрнутый ответ на вопрос.
6. Прочитайте определения основных этапов развития сюжета. Как вы думаете, какие сцены комедии соответствуют этим этапам?

> **Экспозиция** — предыстория событий, лежащих в основе художественного произведения.
> **Завязка** — исходный эпизод, момент, определяющий последующие действия.
> **Кульминация** — высшая точка напряжения.
> **Развязка** — исход событий.

7. Известно, что Николай I после первого представления пьесы сказал: «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне более всех». А Гоголь воскликнул: «Все против меня!» Чем объяснить возмущение пьесой всех сословий?

Обогащаем свою речь

Воспользовавшись словарём литературоведческих терминов или литературным энциклопедическим словарём, дайте определения терминам *ремарка, монолог, диалог*. Проиллюстрируйте эти определения примерами из текста комедии.

Проект

Составьте электронный альбом «Герои комедии „Ревизор" и их исполнители (из сценической истории пьесы)».

Размышляем о прочитанном

1. Какова сценическая история комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»? Как была принята она общественностью и критикой?
2. В чём новизна комедии? Как говорит сам автор о замысле своего произведения? Что описал В. И. Немирович-Данченко в «тайнах сценического обаяния Гоголя»?

3. В чём загадка характера Хлестакова? Ю. Манн считает, что «Хлестаков — первое из художественных открытий Гоголя...». Как вы оцениваете это суждение? Подготовьте характеристику Хлестакова.
4. Каков образ города в «Ревизоре»? Как строится пирамида этого города (гражданство, купечество, чиновники, городские помещики, городничий)? Как складывается такая же пирамида из женской половины персонажей? Как раскрываются персонажи этой пирамиды?
5. Какова ситуация «Ревизора»? Какую роль играет в системе самодержавно-бюрократического управления страх? Как влияет страх на каждого из персонажей пьесы? Можно ли сказать, что Гоголь ситуацией ревизора захватил всех одним, общим чувством — страхом?
6*. Сравните высказывания литературоведов: Г. Гуковский показал, что в каждой реплике Хлестаков говорит то, чего от него ждут; В. Ермилов — что испуг Хлестакова заставил его сыграть роль «ревизора». К какому мнению вы бы присоединились и почему?
7*. Н. В. Гоголь огорчался, когда зрителям было лишь смешно во время просмотра спектакля. Почему?
«„Миражность"[1] положения Хлестакова в том, что он играет роль, к которой меньше всего способен, меньше всего достоин и которой, в известном смысле, меньше всего добивался... С раскрытием обмана Хлестакова мы всё более чувствуем, что комедия переходит... в трагедию...» — читаем мы в книге Ю. Манна «Поэтика Гоголя». Как вы воспринимаете пьесу Гоголя — в большей степени комической, смешной или трагической, сатирической, грустной?
Против чего направлена пьеса Гоголя «Ревизор»? Как вы определите, что такое хлестаковщина?
8. Какие произведения Гоголя посвящены исторической теме? Сам Гоголь внимательно изучал историю, читал лекции по истории. Расскажите об одном из произведений писателя, связанных тематически с историей Украины или России.
9. Гоголь считал, что в комедии честное, благородное лицо был смех. Как вы это понимаете? О каком смехе — развлекательном или грозном — он размышлял? Что осмеивает это «честное, благородное лицо»? Первоосновой комического является закон несоответствия. Имеется в виду то воздействие, которое оказывает несоответствие мнимого истинному, тому, что делается. Подумайте, как закон несоответствия реализован в комедии Н. В. Гоголя.
10. Н. В. Гоголь в «Авторской исповеди» писал: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных. Угадать человека я мог только тогда, когда мне представлялись самые мельчайшие подробности его внешности. Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображенья, а не воображенья. Чем более вещей принимал я в соображенье, тем у меня верней выходило созданье». Можете ли подтвердить слова писателя,

[1] Миражность, мираж — обманчивый призрак чего-то.

опираясь на текст его произведений («Заколдованное место», «Тарас Бульба», «Ревизор»)?

11. Черты художественного историзма Гоголя не оставались неизменными. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» историзм был тесно связан с фольклором, с народной фантастикой. В дальнейшем Гоголь всё больше погружался в сор и дрязги современной жизни. Он прямо вписывает своих героев в быт, который изображает детально и подробно. Этими свойствами отличается и комедия «Ревизор». Однако в ней, как и в других произведениях писателя второй половины 1830-х годов, историзм связан с апокалипсическими идеями. По мысли Гоголя, в русском обществе исчезла совесть. Души людей утратили её. Наша совесть есть данный нам Богом ревизор души, не тот мнимый, которым предстаёт Хлестаков, а настоящий, который как символ появляется в финале комедии. Он невидим, но незримо присущ всем. И когда он обнаруживается, то наступает душевный крах для бесчестных, пошлых и бездушных людей. Смех над ними соединяется с горечью, с убийственной иронией. В таком состоянии оказывается городничий. Подтвердите эти размышления примерами из текста комедии «Ревизор».

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации художников П. Боклевского, А. Константиновского, В. Самойлова к комедии «Ревизор». Кому из художников, на ваш взгляд, удалось передать атмосферу жизни чиновничества, их взаимоотношения, их портреты? Расскажите об одной из иллюстраций подробнее, сопровождая рассказ цитатами из текста.

Опыт литературоведческого исследования

Какой смысл заключён в немой сцене? Почему она так важна? По-разному её трактовали писатели и литературоведы, критики и просто зрители. В. Белинский подчёркивал её отрешённость, В. Гиппиус считал, что немая сцена выражает идею власти и закона, М. Храпченко видел в ней вводящую развязку, а подлинной развязкой считал слова городничего: «Чему смеётесь? над собой смеётесь!». В. Ермилов видел в немой сцене «взрыв внутренней подлости». Сам Гоголь говорил, что она выражает идею возмездия, при наступлении которого всё «пообледенело и потряслось». Ю. Манн считал, что немая сцена — завершающий аккорд произведения, что в ней всеобщность переживаний героев, цельность человеческой жизни получает пластическое выражение, что Гоголь дал немую сцену как намёк на торжество справедливости, а в результате ощущение тревоги, страха от этой сцены многократно возрастает. Как бы вы рассмотрели эту сцену? Подготовьте устное или письменное рассуждение на эту тему. Проанализируйте подробно одну из сцен пьесы, характер одного из персонажей, немую сцену, жанр пьесы и т. д. — на выбор.

Проект

Составьте электронный альбом «Комедия Н. В. Гоголя „Ревизор“ в иллюстрациях художников» со вступительной статьёй, биографическими справками о художниках, отзывами ваших одноклассников об иллюстрациях.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Н. В. Гоголь. «Ревизор»

В предыдущих классах вы уже читали прозаические произведения Н. В. Гоголя. Какие? О чём они? Кто их герои? Назовите их.

1. Действие 3, явление VI комедии Н. В. Гоголя читают несколько актёров. Главное в этом действии — самохарактеристика героя. Каков он? О каких качествах натуры героя свидетельствуют рассказы Хлестакова о службе в Петербурге, о знакомствах с первыми лицами государства, министрами, дипломатами, писателями?
2. Можно ли назвать эти рассказы и эту сцену сценой вранья? Какие интонации, логические ударения, риторические вопросы, восклицания особенно хорошо звучат в актёрском чтении?
3. Такими ли вы представляли себе интонации персонажей, какие услышали их в чтении актёров?
4. Кто из актёров, по вашему мнению, заслужил бы похвалу Н. В. Гоголя за точное создание характера персонажа? Почему?
5. Что добавляет к чтению актёров музыка?
6. Как вы теперь, после прослушивания актёрского чтения, воспринимаете комедию «Ревизор» — сатирической, юмористической, смешной, трагичной, грустной?
7. Против чего направлена пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор»? Как вы определите, что такое хлестаковщина? Как удалось актёрам обозначить смысл и главные черты этого явления?
8. Подготовьте выразительное чтение отрывков по ролям.

Шинель

В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своём оскорблённым всё общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капи-

тана-исправника[1], не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где, чрез каждые десять страниц, является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде. Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идёт дело, мы назовём одним департаментом. Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щёк и цветом лица, что называется, геморроидальным[2]... Что ж делать! виноват петербургский климат. Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник[3], над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться. Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подмётки. Имя его было Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вот как: родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребёнка. Матушка ещё лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальни-

[1] *Капитан-исправник* — начальник уездной полиции.
[2] *Геморроидальный* — свойственный людям, страдающим геморроем.
[3] *Титулярный советник* — гражданский чин IX класса.

ком[1] в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семёновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из трёх, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребёнка во имя мученика Хоздазата. «Нет, — подумала покойница, — имена-то всё такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, — проговорила старуха, — какие всё имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы ещё Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Ещё переворотили страницу — вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошёл Акакий Акакиевич. Ребёнка окрестили; причём он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник. Итак, вот каким образом произошло всё это. Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно. Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма; так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приёмную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже «перепишите», или: «вот интересное, хорошенькое дельце», или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев только на бумагу, не глядя, кто ему подложил и имел ли на то право. Он брал

[1] Столоначальник — начальник стола — отделения в учреждении.

и тут же пристраивался писать её. Молодые чиновники подсмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории; про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьёт его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докук[1] он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нём слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзённый, и с тех пор как будто всё переменилось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых весёлых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своём, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утончённой, образованной светскости, и, Боже! даже в том человеке, которого свет признаёт благородным и честным...

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, — нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и под-

[1] Докука — надоедливая просьба.

мигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу да нажил геморрой в поясницу. Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тёр лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своём платье: вицмундир у него был не зелёный, а какого-то рыжевато-мучного цвета. Воротничок на нём был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длинною, как у тех гипсовых котёнков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник, простирающий до того проницательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремёшка, — что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его.

Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись,

лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы. Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел всё это с мухами и со всем тем, что ни посылал Бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесённые на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, — когда всё уже отдохнуло после департаментского скрипенья перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задаёт себе добровольно, больше даже, чем нужно, неугомонный человек, когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несётся в театр; кто на улицу, определяя его на рассматриванье кое-каких шляпёнок; кто на вечер — истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идёт просто к своему брату в четвёртый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний, — словом, даже в то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист[1], прихлёбывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занёсшуюся из высшего общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова

[1] *Вист* — карточная игра.

Медного[1], — словом, даже тогда, когда всё стремится развлечься, — Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлёт переписывать завтра? Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным[2] и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами.

Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров. В девятом часу утра, именно в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колючие щелчки без разбору по всем носам, что бедные чиновники решительно не знают, куда девать их. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб и слёзы выступают в глазах, бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны. Всё спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом натопаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замёрзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям. Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев её хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трёх местах, именно на спине и на плечах, она сделалась точная серпянка: сукно до того истёрлось, что сквозило, и подклад-

[1] Памятник Петру I в Петербурге работы скульптора Фальконе.
[2] Тайный, действительный, надворный — высшие чины в России XIX века.

не распоролась. Надобно знать, что шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом насмешек чиновникам; от неё отнимали даже благородное имя шинели и называли её капотом[1]. В самом деле, она имела какое-то странное устройство: воротник её уменьшался с каждым годом более и более, ибо служил на подтачиванье других частей её. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило точно мешковато и некрасиво. Увидевши, в чём дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному, жившему где-то в четвёртом этаже по чёрной лестнице, который, несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков, — разумеется, когда бывал в трезвом состоянии и не питал в голове какого-нибудь другого предприятия. Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повести характер всякого лица был совершенно означен, то, нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда. Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик. С этой стороны он был верен дедовским обычаям и, споря с женой, называл её мирскою[2] женщиной и немкой. Так как мы уже заикнулись про жену, то нужно будет и о ней сказать слова два; но, к сожалению, о ней немного было известно, разве только то, что у Петровича есть жена, носит даже чепчик, а не платок; но красотою, как кажется, она не могла похвастаться; по крайней мере при встрече с нею одни только гвардейские солдаты заглядывали ей под чепчик, моргнувши усом и испустивши какой-то особый голос.

Взбираясь по лестнице, ведшей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех чёрных лестницах петербургских до-

---

[1] *Капот* — верхняя мужская или женская одежда в виде халата.

[2] *Мирской* — здесь: обыденный, простонародный.

ков, — взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович, и мысленно положил не давать больше двух рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже и самых тараканов. Акакий Акакиевич прошёл через кухню, не замеченный даже самою хозяйкою, и вступил наконец в комнату, где увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашеном столе и подвернувшего под себя ноги свои, как турецкий паша. Ноги, по обычаю портных, сидящих за работою, были нагишом. И прежде всего бросился в глаза большой палец, очень известный Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп. На шее у Петровича висел моток шёлку и ниток, а на коленях была какая-то ветошь. Он уже минуты с три продевал нитку в иглиное ухо, не попадал и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: «Не лезет, варварка; уела ты меня, шельма этакая!» Акакию Акакиевичу было неприятно, что он пришёл именно в ту минуту, когда Петрович сердился: он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражом, или, как выражалась жена его: «осадился сивухой, одноглазый чёрт». В таком состоянии Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, всякий раз даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходила жена, плачась, что муж-де был пьян и потому дёшево взялся; но гривенник, бывало, один прибавишь, и дело в шляпе. Теперь же Петрович был, казалось, в трезвом состоянии, а потому крут, несговорчив и охотник заламливать чёрт знает какие цены. Акакий Акакиевич смекнул это и хотел было уже, как говорится, на попятный двор, но уж дело было начато. Петрович прищурил на него очень пристально свой единственный глаз, и Акакий Акакиевич невольно выговорил:

— Здравствуй, Петрович!

— Здравствовать желаю, судырь, — сказал Петрович и покосил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая высмотреть, какого рода добычу тот нёс.

— А я вот к тебе, Петрович, того...

Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предлогами, наречиями и, наконец, та-

такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно того...», а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что всё уже выговорил.

— Что же такое? — сказал Петрович и обсмотрел в то же время своим единственным глазом весь вицмундир его, начиная с воротника до рукавов, спинки, фалд и петлей, — что всё было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Такой уж обычай у портных: это первое, что он сделает при встрече.

— А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного того... на спине, да ещё вот на плече одном немного попротёрлось, да вот на этом плече немножко — видишь, вот и всё. И работы немного...

Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал долго, покачал головою и полез рукою на окно за круглой табакеркой с портретом какого-то генерала, какого именно — неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четвероугольным лоскуточком бумажки. Понюхав табаку, Петрович растопырил капот на руках и рассмотрел его против света и опять покачал головою. Потом обратил его подкладкой вверх и вновь покачал, вновь снял крышку с генералом, заклеенным бумажкой, и, натащивши в нос табаку, закрыл, спрятал табакерку и, наконец, сказал:

— Нет, нельзя поправить: худой гардероб!

У Акакия Акакиевича при этих словах ёкнуло сердце.

— Отчего же нельзя, Петрович? — сказал он почти умоляющим голосом ребёнка, — ведь только всего что на плечах поистёрлось, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...

— Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, — сказал Петрович, — да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой — а вот уж оно и ползёт.

— Пусть ползёт, а ты тотчас заплаточку.

— Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, подержка больно велика. Только слава что сукно, а подуй ветер, так разлетится.

— Ну, да уж прикрепи. Как же этак, право, того!..

— Нет, — сказал Петрович решительно, — ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж вы лучше, как придёт зимнее холодное время, наделайте из неё себе онучек, потому что чулок не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев); а шинель уж, видно, вам придётся новую делать.

При слове «новую» у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и всё, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровичевой табакерки.

— Как же новую? — сказал он, всё ещё как будто находясь во сне, — ведь у меня и денег на это нет.

— Да, новую, — сказал с варварским спокойствием Петрович.

— Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того...

— То есть, что будет стоить?

— Да.

— Да три полсотни с лишком надо будет приложить, — сказал Петрович и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искоса, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

— Полтораста рублей за шинель! — вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул, может быть, в первый раз отроду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

— Да-с, — сказал Петрович, — да ещё какова шинель. Если положить на воротник куницу да пустить капишон на шёлковой подкладке, так и в двести войдёт.

— Петрович, пожалуйста, — говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов, — как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь ещё послужила.

— Да нет, это выйдет: и работу убивать, и деньги попусту тратить, — сказал Петрович, и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный.

А Петрович, по уходе его, долго ещё стоял, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, да и портного искусства тоже не выдал.

Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне. «Этаково-то дело этакое, — говорил он сам себе, — я, право, и не думал, чтобы оно вышло того..., — а потом, после некоторого молчания, прибавил: — Так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было этак». За сим последовало опять долгое молчание, после которого он произнёс: «Так этак-то! вот какое уж, точно, никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, он, вместо того чтобы идти домой, пошёл совершенно в противную сторону, сам того не подозревая. Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист и вычернил всё плечо ему; целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строившегося дома. Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника[1], который, поставя около себя свою алебарду[2], натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочник сказал: «Чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе трухтуара[3]?» Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здесь только он начал собирать мысли, увидел в ясном и настоящем виде своё положение, стал разговаривать с собою уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным приятелем, с которым можно поговорить о деле самом сердечном и близком. «Ну нет, — сказал Акакий Акакиевич, — теперь с Петровичем нельзя толковать: он теперь того... жена, видно, как-нибудь поколотила его. А вот я лучше приду к нему в воскресный день утром: он после канунешней субботы будет косить глазом и заспавшись, так ему нужно будет опохмелиться, а жена денег не даст, а в это время я ему гривенничек и того, в руку, он и будет сговорчивее и шинель тогда и того...» Так рассудил сам с собою Акакий Акакиевич, ободрил себя и дождался первого воскресенья, и, увидев издали,

[1] Будочник — полицейский часовой.
[2] Алебарда — старинное оружие.
[3] Трухтуар — искажённое «тротуар».

что жена Петровича куда-то выходила из дому, он прямо к нему. Петрович, точно, после субботы сильно косил глазом, голову держал к полу и был совсем заспанный; но при всём том, как только узнал, в чём дело, точно как будто его чёрт толкнул. «Нельзя, — сказал, — извольте заказать новую». Акакий Акакиевич тут-то и всунул ему гривенничек. «Благодарствую, сударь, подкреплюсь маленечко за ваше здоровье, — сказал Петрович, — а уж об шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель уж я вам сошью на славу, уж на этом постоим».

Акакий Акакиевич ещё было насчёт починки, но Петрович не дослышал и сказал: «Уж новую я вам сошью беспременно, в этом извольте положиться, старанье приложим. Можно будет даже так, как пошла мода: воротник будет застёгиваться на серебряные лапки под аплике[1]».

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же, в самом деле, на что, на какие деньги её сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уже размещены и распределены вперёд. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слоге, — словом, все деньги совершенно должны были разойтиться; и если бы даже директор был так милостив, что вместо сорока рублей наградных определил бы сорок пять или пятьдесят, то всё-таки останется какой-нибудь самый вздор, который в шинельном капитале будет капля в море. Хотя, конечно, он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг чёрт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты с ума сходишь, дурак такой! В другой раз ни за что не возьмёт работать, а теперь разнесла его нелёгкая запросить такую цену, какой и сам не стоит». Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмётся сделать; однако всё же откуда взять эти восемьдесят рублей? Ещё половину можно бы найти: половина бы

[1] *Аплике* — накладное серебро.

Н. В. Гоголь. «Шинель». Акакий Акакиевич у Петровича.
Художник Б. Кустодиев. 1905

отыскались; может быть, даже немножко и больше; но где взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, где взялась первая половина. Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек, запертый на ключ, с прорезанною в крышке дырочкой для бросания туда денег. По истечении всякого полугода он ревизовал накопившуюся медную сумму и заменял ее мелким серебром. Так продолжал он с давних пор, и, таким образом, в продолжение нескольких лет оказалось накопившейся суммы более, чем на сорок рублей. Итак, половина была в руках, но где же взять другую половину? Где взять другие сорок рублей? Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при ее свечке; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоропостижно подметок; как можно реже отдавать

прачке мыть белье, а чтобы не занашивалось, то всякий раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самим временем. Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то привыклось и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже твёрже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность — словом, все колеблющиеся и неопределённые черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли точно куницу на воротник? Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул: «ух!» и перекрестился. В продолжение каждого месяца он хоть один раз наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придёт же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана. Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Против всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей; уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель, или само собой так случилось, но только у него через это очутилось лишних двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Ещё каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания — и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. В первый же день он отправился вместе с Петро-

вечем в лавки. Купили сукна очень хорошего — и немудрено, потому что об этом думали ещё за полгода прежде и редкий месяц не заходили в лавки применяться к ценам; зато сам Петрович сказал, что лучше сукна и не бывает. На подкладку выбрали коленкору[1], но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был ещё лучше шёлку и даже на вид казистей и глазистей. Куницы не купили, потому что была точно дорога; а вместо её выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петрович провозился за шинелью всего две недели, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петрович взял двенадцать рублей — меньше никак нельзя было: всё было решительно шито на шёлку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры. Это было... трудно сказать, в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принёс наконец шинель. Он принёс её поутру, перед самым тем временем, как нужно было идти в департамент. Никогда бы в другое время не пришлась так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили ещё более усилиться. Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному. В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда ещё не видал. Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют заново. Он вынул шинель из носового платка, в котором её принёс; платок был только что от прачки; он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынувши шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил её сзади рукой книзу; потом драпировал его Акакия Акакиевича несколько нараспашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава, — вышло, что

[1] *Коленкор* — дешёвая плотная хлопчатобумажная материя.

и в рукава была хороша. Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как раз впору. Петрович не упустил при сём случае сказать, что он так только, потому что живёт без вывески на небольшой улице и притом давно знает Акакия Акакиевича, потому взял так дёшево; а на Невском проспекте с него бы взяли за одну только работу семьдесят пять рублей. Акакий Акакиевич об этом не хотел рассуждать с Петровичем, да и боялся всех сильных сумм, какими Петрович любил запускать пыль. Он расплатился с ним, поблагодарил и вышел тут же в новой шинели в департамент. Петрович вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго ещё смотрел издали на шинель и потом пошёл нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть ещё раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо. Между тем Акакий Акакиевич шёл в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги он не приметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел её кругом и поручил в особенный надзор швейцару. Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует. Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мере, он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговориться. Он уже минут через несколько, весь закрасневшись, начал было уверять довольно простодушно, что это совсем не новая шинель, что это так, что это старая шинель. Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знается даже с низшими себя, сказал: «Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же,

как нарочно, сегодня именинник». Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотою предложение. Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак не мог отказаться. Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь через то случай пройтись даже и вечером в новой шинели. Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил её бережно на стене, налюбовавшись ещё раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расползшийся. Он взглянул на него, и сам даже засмеялся: такая была далёкая разница! И долго ещё потом за обедом он всё усмехался, как только приходило ему на ум положение, в котором находился капот. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал[1] на постеле, пока не потемнело. Потом, не затягивая дела, оделся, надел на плеча шинель и вышел на улицу. Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и домы слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде. Как бы то ни было, но верно, по крайней мере, то, что чиновник жил в лучшей части города, — стало быть, очень не близко от Акакия Акакиевича. Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника улицы становились живее, населённей и сильнее освещены. Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решётчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками, — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа

[1] Сибаритствовать — жить, как сибарит, т. е. человек, предающийся праздности и удовольствиям.

колёсами по снегу, кареты с убранными козлами. Акакий Акакиевич глядел на всё это, как на новость. Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещённым окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной её, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой[1] под губой. Акакий Акакиевич покачнул головой и усмехнулся и потом пошёл своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, всё-таки у каждого сохраняется какое-то чутьё, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: «Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...» А может быть, даже и этого не подумал — ведь нельзя же залезть в душу человеку и узнать всё, что он ни думает. Наконец достигнул он дома, в котором квартировал помощник столоначальника. Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была во втором этаже. Вошедши в переднюю, Акакий Акакиевич увидел на полу целые ряды калош. Между ними, посреди комнаты, стоял самовар, шумя и испуская клубами пар. На стенах висели всё шинели да плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами. За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожнёнными стаканами, сливочником и корзиною сухарей. Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чая. Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошёл в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев. Он остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сделать. Но его уже заметили, приняли с криком, и все пошли тот же час в

[1] Эспаньолка — маленькая остроконечная бородка.

передней и вновь осмотрели его шинель. Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель. Потом, разумеется, все бросили и его и шинель и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста. Всё это: шум, говор и толпа людей, — всё это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к играющим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить в честь обновки по бокалу шампанского. Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского. Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул её, снял с неё всякую пушинку, надел на плечи и опустился по лестнице на улицу. На улице всё ещё было светло. Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали, однако ж, длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены ещё общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги ещё доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчёт своего местопребывания. Акакий Акакиевич шёл в весёлом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какою-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но, однако ж, он тут же остановился и пошёл опять по-прежнему, очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днём не так веселы, а тем более вечером. Теперь они

сделались ещё глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные домы, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки. Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видными на другой стороне её домами, которая глядела страшною пустынею.

Вдали, бог знает где, мелькал огонёк в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света. Весёлость Акакия Акакиевича как-то здесь значительно уменьшилась. Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. «Нет, лучше и не глядеть», — подумал и шёл, закрыв глаза, и, когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забилось в груди. «А ведь шинель-то моя!» — сказал один из них громовым голосом, схвативши его за воротник. Акакий Акакиевич хотел было уже закричать «караул», как другой приставил ему к самому рту кулак величиною в чиновничью голову, примолвив: «А вот только крикни!» Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал. Чрез несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он чувствовал, что в поле холодно и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, подле которой стоял будочник и, опершись на свою алебарду, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого чёрта бежит к нему издали и кричит человек. Акакий Акакиевич, прибежав к нему, начал задыхающимся голосом кричать, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он, вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к над-

зрителю, так наблюдатель отметит, что нет шинели. Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые ещё водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворить дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича. Когда же рассказал он, в чём дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к частному[1], что квартальный[2] надует, пообещается и станет водить; а лучше всего идти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка[3], служившая прежде у ней в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех, и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек. Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрёл в свою комнату, и, как он провёл там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого. Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришёл в десять — сказали опять: спит; он пришёл в одиннадцать часов — сказали: да нет частного дома; он в обеденное время — но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось. Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришёл из департамента за казённым делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят. Против этого писаря ничего не посмели сказать, и один из них пошёл вызвать частного. Частный

1 Частный — начальник полицейской части.
2 Квартальный — полицейский, под надзором которого находилась определённая часть города (квартал).
3 Чухонка — пренебрежительное название женщины финской национальности в дореволюционной России.

принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели или нет. Весь этот день он не был в присутствии[1] (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался ещё плачевнее. Повествование о грабеже шинели, несмотря на то, что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же многих тронуло. Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак, сумма оказалась самая бездельная. Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошёл не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо, списавшись и снёсшись с кем следует, может заставить успешнее идти дело. Нечего делать, Акакий Акакиевич решился идти к значительному лицу. Какая именно и в чём состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, ещё значительнейшими. Но всегда найдётся такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное. Впрочем, он старался усилить значительность многими

---

[1] Присутствие — учреждение в России.

другими средствами, именно: завёл, чтобы низшие чиновники встречали его ещё на лестнице, когда он приходил в должность, чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор[1] докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному или какому приходилось другому, и чтобы уже, таким образом, доходило дело до него. Так уж на святой Руси всё заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника. Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши её «комнатой присутствия», и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли её всякому приходившему, хотя в «комнате присутствия» насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол. Приёмы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но не многосложны. Главным основанием его системы была строгость. «Строгость, строгость и — строгость», — говаривал он обыкновенно и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил. Хотя, впрочем, этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя вытяжку, пока начальник пройдёт через комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трёх фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?» Впрочем, он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но генеральский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. Если ему случалось быть с ровными себе, он был ещё человек как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чи-

[1] *Коллежский регистратор* — низший гражданский чин в России XIX века.

ном пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость, тем более что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше. В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамильярно, и не уронит ли он чрез то своего значения? И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрёл таким образом титул скучнейшего человека. К такому-то значительному лицу явился наш Акакий Акакиевич, и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочем, кстати для значительного лица. Значительное лицо находился в своём кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался. В это время доложили ему, что пришёл какой-то Башмачкин. Он спросил отрывисто: «Кто такой?» Ему отвечали: «Какой-то чиновник». — «А! может подождать, теперь не время», — сказал значительный человек. Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговорили обо всём и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаниями, слегка только потрепливая друг друга по ляжке и приговаривая: «Так-то, Иван Абрамович!» — «Этак-то, Степан Варламович!» Но при всём том, однако же, велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней. Наконец наговорившись, а ещё более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он, наконец, как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: «Да, ведь там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти». Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенький вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: «Что вам угодно?» — голосом отрывистым и твёрдым, которому нарочно учился заранее у себя в комнате,

к уединению и перед зеркалом, ещё за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина. Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился и, как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время, частиц «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с господином обер-полицмейстером или другим кем и отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение фамильярным[1].

— Что вы, милостивый государь, — продолжал он отрывисто, — не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы бы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы её уже мне...

— Но, ваше превосходительство, — сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нём была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом, — я ваше превосходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадёжный народ...

— Что, что, что? — сказал значительное лицо. — Откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!

Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакию Акакиевичу забралось уже за пятьдесят лет. Стало быть, если бы он и мог назваться молодым человеком, то разве только относительно, то есть в отношении к тому, кому уже было семьдесят лет.

— Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это? я вас спрашиваю.

Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно. Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять, если бы не

[1] Фамильярный — бесцеремонный, излишне развязный.

подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлёпнулся на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошёл даже ожидание, и совершенно упоённый мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределённом состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

Как сошёл с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Акакий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног. В жизнь свою он не был ещё так сильно распечён генералом, да ещё и чужим. Он шёл по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырёх сторон, из всех переулков. Вмиг надуло ему в горло жабу[1], и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слёг в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата, болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать, и когда явился доктор, то он, пощупавши пульс, ничего не нашёлся сделать, как только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался без благодетельной помощи медицины; а впрочем, тут же объявил ему чрез полтора суток непременный капут[2]. После чего обратился к хозяйке и сказал: «А вы, матушка, и времени даром не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый будет для него дорог». Слышал ли Акакий Акакиевич эти произнесённые роковые для него слова, а если и слышал, произвели ли они на него потрясающее действие, пожалел ли он о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвестно, потому что он находился всё время в бреду и жару. Явления, одно другого страннее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хо-

---

[1] Жаба — ангина.

[2] Капут (нем.) — конец.

хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла; то спрашивал, зачем висит перед ним старый капот его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая надлежащее распеканье, и приговаривает: «Виноват, ваше превосходительство», то, наконец, даже сквернохульничал[1], произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, отроду не слыхав от него ничего подобного, тем более что слова эти следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство». Далее он говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять; можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконец бедный Акакий Акакиевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казённой бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот. Кому всё это досталось, Бог знает: об этом, признаюсь, даже не интересовался рассказывающий сию повесть. Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищённое, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть её в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого всё же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, оживившей на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастие, как обрушивается на царей и повелителей мира... Несколько дней после его смерти послан был к нему на квартиру из департамента сторож, с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует; но сторож должен был возвратиться ни с чем, давши отчёт, что не может больше прийти, и на запрос «поче-

---

[1] *Сквернохульничать — то же, что и сквернословить — употреблять неприличные слова в речи.*

Н. В. Гоголь. «Шинель». Акакий Акакиевич возвращается с вечера.
Художник Б. Кустодиев. 1905

му?» выразился словами: «Да так, уж он умер, четвёртого дня похоронили». Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича, и на другой день уже на его месте сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставлявший буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклоннее и косее.

Но кто бы мог вообразить, что здесь ещё не всё об Акакии Акакиевиче, что суждено ему на несколько дней прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь? Но так случилось, и бедная история наша неожиданно принимает фантастическое окончание. По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели, и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы — словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нём тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бро-

силился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем. Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы ещё только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдёргивания шинелей. В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, живого или мёртвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели. Именно будочник какого-то квартала в Кирюшкином переулке схватил было уже совершенно мертвеца за ворот на самом месте злодеяния, на покушении сдёрнуть фризовую шинель с какого-то отставного музыканта, свиставшего в своё время на флейте. Схвативши его за ворот, он вызвал своим криком двух других товарищей, которым поручил держать его, а сам полез только на одну минуту за сапог, чтобы вытащить оттуда тавлинку[1] с табаком, освежить на время шесть раз на веку примороженный нос свой; но табак, верно, был такого рода, которого не мог вынести даже и мертвец. Не успел будочник, закрывши пальцем свою правую ноздрю, потянуть левою полгорсти, как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза. Покамест они поднесли кулаки протереть их, мертвеца и след пропал, так что они не знали даже, был ли он точно в их руках. С этих пор будочники получили такой страх к мертвецам, что даже опасались хватать и живых, и только издали покрикивали: «Эй, ты, ступай своею дорогою!» — и мертвец-чиновник стал показываться даже за Калинкиным мостом, наводя немалый страх на всех робких людей. Но мы, однако же, совершенно оставили одно значительное лицо, который по-настоящему едва ли не был причиною фантастического направления, впрочем, совершенно истинной истории. Прежде всего долг справедливости требует сказать, что одно значительное лицо, скоро по уходе бедного, распечённого в пух Акакия Акакиевича, почувствовал что-то вроде сожаления. Сострадание было ему не чуждо; его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то что чин весьма часто мешал им обнаруживаться. Как только вышел из его

[1] Тавлинка — табакерка из бересты.

кабинета прежний приятель, он даже задумался о бедном Акакии Акакиевиче. И с этих пор почти всякий день представлялся ему бледный Акакий Акакиевич, не выдержавший должностного распеканья. Мысль о нём до такой степени тревожила его, что неделю спустя он решился даже послать к нему чиновника узнать, что он и как и нельзя ли в самом деле чем помочь ему; и когда донесли ему, что Акакий Акакиевич умер скоропостижно в горячке, он остался даже поражённым, слышал упрёки совести и весь день был не в духе. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неприятное впечатление, он отправился на вечер к одному из приятелей своих, у которого нашёл порядочное общество, а что всего лучше — все там были почти одного и того же чина, так что он совершенно ничем не мог быть связан. Это имело удивительное действие на душевное его расположение. Он развернулся, сделался приятен в разговоре, любезен — словом, провёл вечер очень приятно. За ужином выпил он стакана два шампанского — средство, как известно, недурно действующее в рассуждении весёлости. Шампанское сообщило ему расположение к разным экстренностям, а именно: он решил не ехать ещё домой, а заехать к одной знакомой даме, Каролине Ивановне, даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения. Надобно сказать, что значительное лицо был уже человек немолодой, хороший супруг, почтенный отец семейства. Два сына, из которых один служил уже в канцелярии, и миловидная шестнадцатилетняя дочь с несколько выгнутым, но хорошеньким носиком приходили всякий день целовать его руку, приговаривая: «Bonjour, papa»[1]. Супруга его, ещё женщина свежая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцеловать свою руку и потом, переворотивши её на другую сторону, целовала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочем, довольный домашними семейными нежностями, нашёл приличным иметь для дружеских отношений приятельницу в другой части города. Эта приятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такие уж задачи бывают на свете, и судить об них не наше дело. Итак, значительное лицо сошёл с лестницы, сел в сани и

[1] Добрый день, папа! (фр.)

сказал кучеру: «К Каролине Ивановне», — а сам, закутавшись весьма роскошно в тёплую шинель, оставался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть когда сам ни о чём не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их. Полный удовольствия, он слегка припоминал все весёлые места проведённого вечера, все слова, заставившие хохотать небольшой круг; многие из них он даже повторял вполголоса и нашёл, что они всё так же смешны, как и прежде, а потому не мудрено, что и сам посмеивался от души. Изредка мешал ему, однако же, порывистый ветер, который, выхватившись вдруг Бог знает откуда и невесть от какой причины, так и резал в лицо, подбрасывая ему туда клочки снега, хлобуча, как парус, шинельный воротник или вдруг с неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя, таким образом, вечные хлопоты из него выкарабкиваться. Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом, поношенном вицмундире и не без ужаса узнал в нём Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но ужас значительного лица превзошёл все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнёс такие речи: «А! так вот ты наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да ещё и распёк, — отдавай же теперь свою!» Бедное значительное лицо чуть не умер. Как ни был он характерен в канцелярии и вообще перед низшими, и хотя, взглянувши на один мужественный вид его и фигуру, всякий говорил: «У, какой характер!» — но здесь он, подобно весьма многим имеющим богатырскую наружность, почувствовал такой страх, что не без причины даже стал опасаться насчёт какого-нибудь болезненного припадка. Он сам даже скинул поскорее с плеч шинель свою и закричал кучеру не своим голосом: «Пошёл во весь дух домой!» Кучер, услышавши голос, который произносится обыкновенно в решительные минуты и даже сопровождается кое-чем гораздо действительнейшим, упрятал на всякий случай голову свою в плечи, замахнулся кнутом и помчался как стрела.

Минут в шесть с небольшим значительное лицо уже было пред подъездом своего дома. Бледный, перепуганный и без шинели, вместо того чтобы к Каролине Ивановне, он приехал к себе, доплёлся кое-как до своей комнаты и провёл ночь весьма в большом беспорядке, так что на другой день поутру за чаем дочь ему сказала прямо: «Ты сегодня совсем бледен, папа». Но папа молчал и никому ни слова о том, что с ним случилось, и где он был, и куда хотел ехать. Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчинённым: «Как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами?»; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чём дело. Но ещё более замечательно то, что с этих пор совершенно прекратилось появление чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечам; по крайней мере, уже не было нигде слышно таких случаев, чтобы сдёргивали с кого шинели. Впрочем, многие деятельные и заботливые люди никак не хотели успокоиться и поговаривали, что в дальних частях города всё ещё показывался чиновник-мертвец. И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение; но, будучи по природе своей несколько бессилен, так что один раз обыкновенный взрослый поросёнок, кинувшись из какого-то частного дома, сшиб его с ног, к величайшему смеху стоявших вокруг извозчиков, с которых он вытребовал за такую издёвку по грошу на табак, — итак, будучи бессилен, он не посмел остановить его, а так шёл за ним в темноте до тех пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебе чего хочется?» — и показало такой кулак, какого и у живых не найдёшь. Будочник сказал: «Ничего», — да и поворотил тот же час назад. Привидение, однако же, было уже гораздо выше ростом, носило преогромные усы и, направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте.

Размышляем о прочитанном

1. Кто главный герой повести «Шинель»? Каков его характер и образ жизни? Что вы могли бы сказать об отношении автора к герою? Против чего направлена повесть и как в ней раскрывается тема возмездия?

2. Какие повести вошли в состав «Петербургских повестей»? Подумайте, каким предстаёт Петербург в повести «Шинель». Проиллюстрируйте отрывками из текста, как Гоголь описывает зиму, ветер, вьюгу. Почему они получают символическое значение?

Опыт литературоведческого исследования

● В книге «Гоголь в Петербурге» (авторы М. Н. Гиллельсон, В. А. Мануйлов, А. Н. Степанов) читаем: «В „Шинели“ и в „Повести о капитане Копейкине“ рельефно запечатлён непримиримый социальный контраст Петербурга. Недаром Достоевский писал о последующих русских писателях: „Мы все вышли из «Шинели» Гоголя“. Тема униженных и оскорблённых, тема забитых и запуганных вечной нуждой людей, ютящихся в сырых подвалах петербургских домов, начинает свою родословную в произведениях Пушкина и Гоголя». Как вы понимаете это высказывание учёных? Подтвердите свои мысли примерами из прочитанных произведений или подготовьте собственное рассуждение на эту тему на основе прочитанного (на выбор).

Обогащаем свою речь

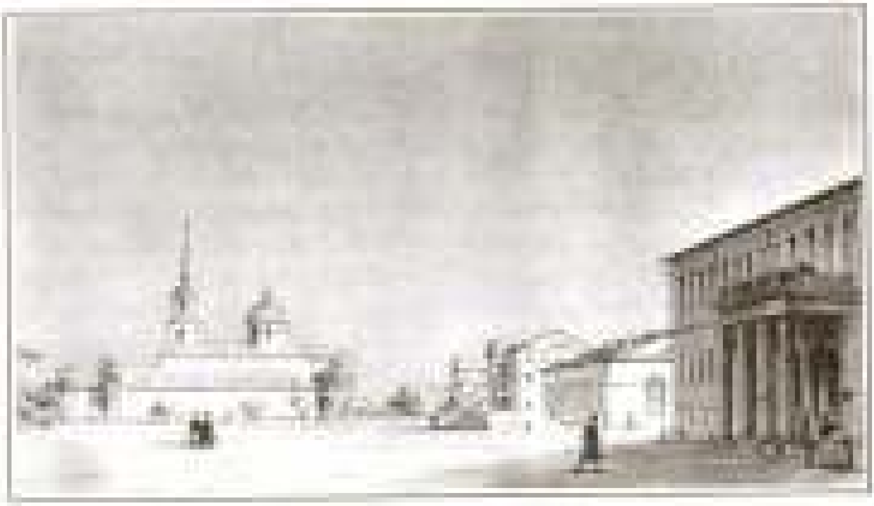
Объясните значения слов и словосочетаний и введите их в устное сообщение о Н. В. Гоголе или гоголевском произведении: [illegible], [illegible], [illegible] себя, мотает на ус, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible].

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ

Александр Сергеевич Пушкин

Оренбург

Собирая материал к «Истории Пугачёвского бунта» и «Капитанской дочке», Пушкин предпринял поездку по пугачёвским местам Поволжья и Урала. Одним из основных пунктов путешествия был Оренбург. В этот город Пушкин приехал 18 сентября 1833 года и остановился у своего давнего знакомого графа В. А. Перовского, военного губернатора Оренбургской губернии (родного брата писателя Антония Погорельского, автора «Чёрной курицы...»). Здесь же поэт встретился с другим своим хорошим знакомым, писателем и врачом Владимиром Ивановичем Далем, который служил в это время в Оренбурге. Даль вызвался познакомить Пушкина с достопримечательностями города и окрестностей, связанными с восстанием Пугачёва. 19 сентября



Оренбург. Художник Н. Чернецов. 1830-е гг.

Памятник А. С. Пушкину и В. И. Далю в Оренбурге.
Скульптор Н. Петина

вместе с В. И. Далем Пушкин отправился в Бердскую слободу, находящуюся в семи верстах от Оренбурга, на левом берегу реки Сакмары (ныне в границах города). Во время осады Оренбурга Берды была ставкой бунтовщиков. Отсюда рассылались манифесты, воззвания, многочисленные письма самозванца. Ко времени приезда Пушкина в Берду там ещё был в сохранности «дворец» Пугачёва — изба, при самозванце оклеенная внутри золотой бумагой. Теперь на месте «дворца» стоит памятная стела с мемориальными досками. Пушкин встречался со стариками и старухами, помнившими пугачёвские события, подробно расспрашивал и записывал их воспоминания в записную книжку. Эпизоды рассказов, записанных в Берде, были затем использованы в «Капитанской дочке». Довольный рассказами, Пушкин дал одной из старух-казачек золотой червонец. В. И. Даль вспоминал, что червонец этот наделал большую суматоху. Бердские старики ездили в Оренбург доложить начальству, что приезжал чужой человек, подбивал под Пугачёва, одаривая золотом...

Утром 20 сентября Пушкин из Оренбурга выехал в Уральск.

Михаил Юрьевич Лермонтов

Москва

М. Ю. Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 года в доме, стоявшем на месте высотного здания (ул. Садовая-Спасская, 21). Этот дом снимала его бабушка Е. А. Арсеньева. Лермонтова грудным ребёнком увезли в село Тарханы Пензенской губернии и вновь привезли в Москву, когда ему было пять лет.

В 1828—1830 годах Лермонтов учился в Благородном пансионе при Московском университете, здание которого находилось на Тверской улице, на том месте, где теперь стоит Центральный телеграф. В пансионе существовало литературное общество, составлялись альманахи и даже ежемесячный журнал, где помещались ранние произведения Лермонтова. В ту пору им были созданы первые поэмы «Черкесы» и «Кавказский пленник».

В 1829 году Лермонтов вместе с бабушкой переезжает на Малую Молчановку. Уютный одноэтажный деревянный особняк с мезонином, некогда утопавший в зелени, сейчас притулился за многоэтажными зданиями Нового Арбата. Мемориальная доска напоминает, что здесь в 1829—1832 годах жил великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. Об этом нам напоминает и бюст поэта, установленный перед домом-музеем в 1994 году

Москва. Ул. Малая Молчановка, дом 2

скульптор А. Бурганов, архитектор М. В. Посохин). Финансировал проект Союз антикваров Москвы, поэтому на постаменте надпись — «Лермонтову — Союз антикваров».

Обстановка этого трепетно-живого музея передаёт атмосферу, в которой рос и формировался поэт. Три комнаты первого этажа — большая и малая гостиные и комната бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой, залитые в солнечные дни светом, обставлены мебелью 1830-х годов. В мезонин, где жил юный Лермонтов, ведёт внутренняя деревянная лестница. Вот по таким ступеням взбегал он в свою комнату... Сейчас там хранятся рукописи поэта, его библиотека, воссозданная по разработке сотрудников музея, портрет отца.

В этом доме в годы студенчества Лермонтовым было написано около 100 стихотворений, трагедия «Люди и страсти», драма «Странный человек» — во многом автобиографическое произведение, трагедии «Испанцы», «Исповедь», «Демон», «Последний сын вольности». Здесь юноша Лермонтов работал над поэмой «Демон», читал друзьям вольнолюбивые стихи, здесь они обсуждали острые вопросы современности.

Из этого дома Лермонтов уезжает в Петербург. Может быть, именно эти переулки и улицы, прилегающие к Малой Молчановке, он представлял себе, когда 2 сентября 1832 года из Петербурга писал В. А. Лопухиной: «...Москва — моя родина и всегда ею останется. Там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив»

К. Стародуб

Николай Васильевич Гоголь

Москва

Впервые Гоголь приехал в Москву в 1832 году, где у него было множество друзей. Он часто бывал в старой столице наездами, жил у хороших знакомых. Здесь же, в Белокаменной, он провёл последние четыре года своей жизни.

В Москве жил его земляк, выходец из Украины, знаменитый актёр Михаил Семёнович Щепкин. Щепкин блестательно сыграл роли в гоголевских пьесах: городничего в «Ревизоре», Подколёсина в «Женитьбе», Утешительного в «Игроках». Критики писали о Сквознике-Дмухановском в исполнении Щепкина: «Кажется,

Москва. «Погодинская изба». Погодинская улица, дом 12.
Художник А. Карякин

что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем. Крепкая дружба, большая сердечная привязанность связывали великого писателя и знаменитого актёра. Гоголь часто бывал в доме Щепкина в Большом Каретном переулке (дом не сохранился).

Другой московский адрес Гоголя — дом Аксаковых. Именно здесь, у Аксаковых, Гоголь впервые публично читал главы из «Мёртвых душ». Приезжая в Москву, Гоголь неоднократно останавливался в доме профессора Московского университета, известного историка М. П. Погодина (ныне улица Погодинская, на месте домов 10—12). Усадьба Погодина до наших дней не сохранилась. Место усадьбы сегодня мы узнаём по «Погодинской избе», бывшей одним из флигелей усадебного дома, в котором Гоголь жил в 1839—1840, 1841—1842 и 1848 годах. В доме Погодина Гоголь работал над первым томом «Мёртвых душ», повестью «Портрет», закончил новую редакцию «Тараса Бульбы».

С 1848 по 1852 год Гоголь жил в доме на Никитском бульваре. В этом доме писатель работал над вторым томом «Мёртвых душ». О трагедии, которая произошла в доме № 7 по Никитскому бульвару, М. П. Погодин писал в журнале «Москвитянин». Гоголь в ночь на 12 февраля «...велел открыть трубу как можно тише,

Дом № 7 на Никитском бульваре, где Н. В. Гоголь читал актёрам Малого театра комедию «Ревизор». Художник А. Каракин

чтобы никого не разбудить, и потом достать из шкафа портфель. Когда портфель был принесён, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесёмкой, положил её в печь и зажёг свечой из своих рук. Подготовленный к печати второй том «Мёртвых душ» был сожжён. Девять дней спустя Гоголь умер. Писателя похоронили на кладбище Свято-Данилова монастыря. В 1931 году прах Гоголя был перенесён на Новодевичье кладбище.

В 1951 году во двор дома на Никитском бульваре был перенесён памятник Н. В. Гоголю работы скульптора Н. А. Андреева (первоначально, в 1909 году, его поставили в начале бульвара). На фасаде дома установлена мемориальная доска. В настоящее время в доме располагается городская библиотека имени Н. В. Гоголя, в которой две комнаты превращены в музей «Мемориальные комнаты Н. В. Гоголя».

СОДЕРЖАНИЕ

Русская литература и история 3
Проверьте себя 5
Обогащайте свою речь .... —

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО 6
Русские народные песни .... —
Хороводные и лирические песни........................ 9
Фонохрестоматия. Хороводные и лирические песни........................ 10
Исторические песни 11
Пугачёв в темнице .... —
Пугачёв казнён........................ 12
Фонохрестоматия. «Там татары шли» .... —
Про Пугача 13
Частушки........................ —
Размышляем о прочитанном 14
Обогащаем свою речь 15
Творческие задания........................ —
Предания .... —
О Пугачёве........................ —
О покорении Сибири Ермаком 18
Размышляем о прочитанном 19
Обогащаем свою речь .... —
Литература и другие виды искусства .... —
Проект........................ 20
Фонохрестоматия .... —

ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 21
Проверьте себя 22
Повесть о житии и о храбрости благородного и великого князя Александра Невского........................ —
Размышляем о прочитанном 30
Литература и другие виды искусства........................ —
Обогащаем свою речь .... —
Учимся читать выразительно........................ —
Русская история в картинах 31
Литература и другие виды искусства........................ 33
О «Повести о Шемякином суде» .... —
Шемякин суд 35
Размышляем о прочитанном 38
Учимся читать выразительно........................ —
Литература и другие виды искусства .... —
Фонохрестоматия 40

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА 41
Д. И. Фонвизин .... —
Читаем самостоятельно 43
«Сатиры смелый властелин» 44
Недоросль. Комедия в пяти действиях. (В сокращении) 45
Размышляем о прочитанном 72
Фонвизин и классицизм 73
Размышляем о прочитанном 76
Опыт литературоведческого исследования 76
Совершенствуем свою речь .... —
Учимся читать выразительно .... —

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА 79
И. А. Крылов .... —
Проверьте себя 80
Литература и другие виды искусства 81
Обоз .... —
О басне «Обоз» 82
Размышляем о прочитанном 83
Творческое задание .... —
Литература и другие виды искусства .... —
Совершенствуем свою речь 84
Проект .... —
Фонохрестоматия .... —
К. Ф. Рылеев 85
Проверьте себя 86
Развиваем дар слова .... —
Смерть Ермака .... —
Размышляем о прочитанном 90
Учимся читать выразительно 91
Творческое задание .... —
Совершенствуем свою речь .... —
Фонохрестоматия .... —
А. С. Пушкин 92
Проверьте себя 93
История Пугачёвского бунта (Отрывки) 94
«Историческая эпоха, развитие и осмысление повествования» 99
Капитанская дочка 102
Исторический труд А. С. Пушкина 211
Проверьте себя 214
Фонохрестоматия .... —
Размышляем о прочитанном .... —
Подводим итоги 216
Литература и другие виды искусства 217
Творческое задание .... —
Опыт литературоведческого исследования 218

Стихотворения .... —
19 октября 219
Размышляем о прочитанном 223
Учимся читать выразительно .... —
Туча 224
Размышляем о прочитанном .... —
Учимся читать выразительно .... —
Совершенствуем свою речь 225
К*** («Я помню чудное мгновенье...») 226
Размышляем о прочитанном .... —
Учимся читать выразительно 227
Обогащаем свою речь .... —
Проект .... —

М. Ю. Лермонтов 228
Проверьте себя 230
Мцыри .... —
Фонохрестоматия 251
Начальные представления о романтизме .... —
Проверьте себя 254
Поэма М. Ю. Лермонтова «Мцыри» в оценке русской критики .... —
Романтически-условный историзм М. Ю. Лермонтова 256
Размышляем о прочитанном 257
Литература и другие виды искусства .... —
Учимся читать выразительно 258
Творческое задание .... —
Обогащаем свою речь .... —
Проект .... —

Н. В. Гоголь 259
Проверьте себя 261
О замысле, написании и постановке «Ревизора» .... —
Литература и другие виды искусства 264
Ревизор. Комедия в пяти действиях .... —
О комедии «Ревизор» 331
Проверьте себя 332
Обогащаем свою речь 333
Проект .... —
Размышляем о прочитанном .... —
Литература и другие виды искусства 334
Опыт литературоведческого исследования .... —
Правила 336
Фонохрестоматия .... —
Шинель .... —
Размышляем о прочитанном 358
Опыт литературоведческого исследования 360
Обогащаем свою речь .... —

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ 2081
Литературные места России .... —
Александр Сергеевич Пушкин .... —
Оренбург .... —
Михаил Юрьевич Лермонтов 2082
Москва .... —
Николай Васильевич Гоголь 2083
Москва .... —

Учебное издание

Коровина Вера Яковлевна, Журавлев Виктор Петрович, Коровин Валентин Иванович

ЛИТЕРАТУРА

8 класс

Учебник для общеобразовательных организаций

В двух частях

ЧАСТЬ 1

Центр гуманитарного образования
Редакция русского языка и литературы
Зав. редакцией С. Н. [illegible]
Ответственный за выпуск Г. А. [illegible]
Редакторы [illegible], [illegible]
Художники Ю. В. Христич, [illegible]
Художественный редактор А. П. [illegible]
Техническое редактирование
и компьютерная верстка [illegible]
Корректор [illegible]

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 31.08.18. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 21,73+0,45 форз. Доп. тираж 30000 экз. Заказ № [illegible].

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано по заказу АО «ПолиграфТрейд»
в филиале «Тверской полиграфический комбинат детской литературы»
ОАО «Издательство «Высшая школа».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.
Тел.: +7(4822) 44-85-98. Факс: +7(4822) 44-61-51.

МОСКВА

Город холмов и оврагов,
Город зелёных садов,
Уличек пёстрых зигзагов,
Чистых и ясных прудов.

Город — церквей не дочтёмся:
Их колокольный звон
Слышим, к небу прибудясь,
Душу ласковый согрев.

Гордым величьем красуясь,
Город с кремлёвских вершин
Смотрит в поймы, любуясь
Прелестью сельских равнин.

Летом река голубая
Тихо струится кругом,
Жатвы, леса огибая,
Стены боярских хором.

Город — история сказки!
Город — российская быль!
Жертвой всех испытаний своей!
Стены из ненависти и шаль.

Молча читает их время,
С веяньем славных веков
Льётся на каждое племя
Доблестный отблеск отцов.

П. Вяземский

* * *

Бушует полая вода,
Шумит и глухо, и протяжно.
Грачей пролётные стада
Кричат и весело, и важно.

Дымятся чёрные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковое греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И всё ей радо.
Как в забытьи каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И тёплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

И. Бунин